А. А. КИСЕЛЕВ
Т. А. КИСЕЛЕВА

СОВЕТСКИЕ САМЫ:

ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

saami.su

СОВЕТСКИЕ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

А. А. КИСЕЛЕВ
Т. А. КИСЕЛЕВА

САМЫ:

ИСТОРИЯ. ЭКОНОМИКА. КУЛЬТУРА

Мурманское
книжное издательство
1987

ББК 63.5
К44

Рецензент
Ж. Г. Голотвин,
кандидат философских наук

Художник
А. Г. ШАКОВЕЦ

Киселев А. А., Киселева Т. А.

К44 Советские саамы: история, экономика, культура. Изд. 2-е, перераб. и доп. — Мурманск: Кн. изд-во, 1987. — 208 с., ил.

В книге рассказывается о жизни кольских саамов, о социалистических преобразованиях в экономике, культуре и быте коренного населения Кольского полуострова, произошедших за годы Советской власти.
Для широкого круга читателей.

К $\frac{0508000000\text{-}20}{M150(03)\text{-}87}$ 02-87

ББК 63.5(2)
902.7

© Мурманское книжное издательство.
Издание 2-е, переработанное
и дополненное, 1987 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание книги А. А. Киселева и Т. А. Киселевой «Советские саамы: история, экономика, культура» вышло в Мурманском книжном издательстве в 1979 году. Книга была тепло встречена общественностью не только Мурманской области, но и других районов страны, а также историками и этнографами Москвы и Ленинграда. В 1981 году книга переведена в Швеции (Географический институт Лундского университета), отрывки из книги опубликованы в норвежской периодической печати. Рецензии на книгу о саамах появились в центральных и местных изданиях*.

За годы, прошедшие после выхода книги, произошли большие изменения в жизни саамской народности. Окрепла материально-техническая база оленеводческих хозяйств, повысилось благосостояние саамских семей, успешнее решаются кадровые вопросы, внедряется национальная письменность, появилась саамская литература. Сама жизнь саамов в Кольской тундре еще раз доказала правильность теоретических установок и реальность воплощения в жизнь ленинской национальной политики.

Авторы продолжали разработку этой темы, появились их новые статьи в сборнике «Вопросы истории европейского Севера»,

* Советская этнография, 1982, № 5, с. 152—155; Полярная правда, 1980, 23 июля; Ловозерская правда, 1979, 24 ноября.

в газетах «Полярная правда» и «Рыбный Мурман». В 1983 году в журнале «Вопросы истории» опубликовано научное сообщение А. А. Киселева и Т. А. Киселевой «Кольские саамы» (№ 10, с. 174—179).

В связи с подготовкой к празднованию 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции возникла необходимость вновь обратиться к теме «Саамы в великой семье братских народов». В новом варианте книги учтены замечания рецензентов, устранены допущенные ранее неточности, дополнен ряд разделов, пересмотрены некоторые вопросы послевоенной истории, усилена источниковедческая и историографическая база.

ВВЕДЕНИЕ

Очерк о жизни кольских саамов в советское время хочется начать традиционным саамским приветствием: «Тирв!».

Авторы шлют это «здравствуйте» всем саамам, кого они знают, кто помогал им в создании книги; кто пасет оленей, ловит рыбу и охотится, трудится в других отраслях народного хозяйства, растит детей. Авторы желают каждой саамской семье, саамскому народу — герою книги — успехов в труде, благополучия, процветания и счастья.

Говоря об оленеводстве, коллективизации или общественно-политической жизни Кольской тундры, невозможно выделить саамов из общей народной гущи. В дружной семье советских народов все нации, народности и этнические группы — большие и маленькие — делают одно общее дело. Поэтому, уделяя главное внимание саамам, авторы говорят о трудовых делах коми и ненцев, русских и карелов, украинцев и белорусов, проживающих в Ловозерском районе Мурманской области.

При написании книги использован обширный материал, который собирался в течение многих лет в архивах Москвы, Ленинграда, Петрозаводска и Мурманска, в поездках по Кольскому полуострову, в периодической печати и в беседах с саамами. Ряд источников был использован в статье «Из истории социалистических преобразований среди саамов Кольского полуострова за 50 лет Советской власти» и в монографии «Родное Заполярье»[1].

Историография советских саамов пока невелика. Не случайно даже в Большой Советской Энциклопедии в заметке о саамах упоминаются только четыре этнографические работы [2]. В то же время изучение истории и развития советских саамов имеет большое значение для объективного анализа всех сторон жизни небольшой народности, проживающей в Мурманской области, для лучшего

понимания экономических и социальных изменений, которые произошли в Кольском Заполярье за годы Советской власти.

Крайне скудны и отрывочны сведения о жизни саамов в первые годы Советской власти. О лопарях писали тогда чаще всего в связи с какими-либо политически важными событиями. Первые такие работы появились в 20-е годы. Писали их в большинстве случаев люди, посещавшие Мурман в составе научных экспедиций, исследователи края. В статьях и брошюрах они приводили фактический материал о национальном составе населения северных районов, не изученных в тот период, о занятиях жителей Кольского Севера. Однако таких работ было немного, и большинство их носило общий характер. Лишь в брошюре К. В. Доброхотова и статье С. В. Керцелли разбирались конкретные вопросы: давалась характеристика оленеводства как одного из главных направлений экономики Кольского полуострова, объяснялись причины его упадка, предлагались меры по его подъему[3]. Определенные сведения о состоянии оленеводства в первые годы Советской власти имелись в отчетах губернских съездов Советов и отчетах Мурманской железной дороги[4].

Несколько подробнее освещены вопросы хозяйственной и культурной жизни тундрового населения Кольского Севера конца 20—начала 30-х годов благодаря деятельности таких организаций, как Комитет содействия народностям северных окраин, Комитет содействия экономическому и культурному развитию Мурманского округа и Карелии, Мурманский комитет содействия развитию языков и письменности народов Севера. Богатый материал содержится в статистических данных Мурманского губплана, сводках Похозяйственной переписи Приполярного Севера Союза ССР, проведенной в 1926/27 году. Интересные, правда в большинстве случаев информационные, статьи печатались в журнале «Карело-Мурманский край» и в газете «Полярная правда».

Значительный вклад в изучение истории и этнографии саамов в 20 — 30-е годы внесли В. К. Алымов, Д. А. Золотарев, В. В. Чарнолуский, З. Е. Черняков[5]. Описания лопарского быта содержатся и в очерках писателей и журналистов, побывавших в Кольской Лапландии в 20—30-е годы[6].

В конце 20-х годов, в связи с проведением национального районирования, появилось несколько журнальных материалов, посвященных этому вопросу. В статье П. Е. Терлецкого «Национальное районирование Крайнего Севера», опубликованной в журнале «Советский Север» в 1930 году, анализировались общие проблемы проведения этого важного политического мероприятия, характеризовались общие задачи. В 1932 году в журнале «Тайга и тундра» напечатана статья саама А. Герасимова «Национальное устройство лопарей в Мурманском округе», в которой автор писал о хо-

де районирования, о трудностях и первых успехах.

Из опубликованных в 30-е годы журнальных статей следует отметить статьи о саамской письменности, среди них особое место занимает статья В. К. Алымова «Народное образование у лопарей к 15-й Октябрьской годовщине» («Карело-Мурманский край», 1932).

Публикации в периодике и литература того периода носили в основном информационно-справочный характер. В них было мало научных обобщений, слаба источниковедческая и историографическая база. К числу таких работ следует отнести книгу И. Будовница «Оленеводческие колхозы Кольского полуострова» (М., 1931), работы А. Е. Скачко, Я. И. Кошелева и Н. Я. Ковальской[7], хотя в них и были определенные выводы о значении коллективизации в развитии производительных сил края.

В последующие 20 лет — с 1937 по 1957 год — не опубликовано ни одной крупной работы по истории кольских саамов. В тот период, главным содержанием которого были вторая мировая война и ликвидация ее последствий, почти не велось исследований по этнографии, культуре, языку саамов. Лишь в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию В. К. Гудзенко по теме «Социалистическая коллективизация сельского хозяйства в национальных районах Кольского полуострова».

Положение коренным образом изменилось в последнее тридцатилетие, когда появилось много работ, посвященных этнографии, экономике, истории небольших народностей, этнических групп, чему способствовали ценные статистические и демографические материалы, полученные в результате Всесоюзных переписей населения в 1959, 1970 и 1979 годах.

Одними из первых публикаций этого периода были этнографические очерки С. А. Токарева[8] и Т. В. Лукьянченко[9], в них содержалось много новых данных о жизни и быте саамов в прошлом и настоящем и подчеркивалось, что кольские саамы живут и трудятся не изолированно, а в тесном контакте с русскими, коми, ненцами и другими национальностями, населяющими Кольский полуостров. Много места в очерках С. А. Токарева и Т. В. Лукьянченко занимают описания обычаев, одежды, жилищ, религии и культуры саамов, вопросы экономического развития и социалистических преобразований в оленеводческом хозяйстве.

Тогда же Г. И. Анохин опубликовал статью о материальной культуре саамов[10]. Большую и плодотворную работу по изучению саамского языка, фонетика и морфология которого очень сложны, провел петрозаводский ученый, доктор филологических наук Г. М. Керт, перу которого принадлежит известная монография «Саамский язык»[11]. Несколько статей о саамах написаны профессором М. Г. Воскобойниковым[12].

В последние годы появились новые работы об этнографии, истории, культуре саамского народа. Среди них книга Н. Н. Гуриной «Время, врезанное в камень. Из истории древних лапландцев», вышедшая в Мурманском книжном издательстве в 1982 году. Ее автор — известный археолог, доктор исторических наук — рассказывает о результатах исследований на Кольском полуострове. Вопросы партийного руководства коллективизацией и культурной революцией в 20—30-е годы отражены в статьях Т. А. Киселевой[13].

Советские исследователи в целом сделали правильные выводы о решающей роли Советской власти и социалистических преобразований для возрождения тундрового, ранее отсталого народа. Наряду с этим они отмечают, что темпы преобразований в Кольской тундре вначале были замедленными и в силу социально-экономической отсталости саамам потребовался большой отрезок времени, чтобы завершить построение социализма.

Как видно из краткого историографического обзора источников и литературы (авторы не касались научно-популярных изданий — В. В. Чарнолуский. «Легенда об олене-человеке» и других), солидных исторических исследований о советских саамах до последнего времени не было. К тому же не следует забывать, что на Западе о саамах пишут много, причем стараются всячески приукрасить капиталистический образ жизни и очернить жизнь советских саамов.

Авторы книги стремились объективно и правдиво показать историю кольских саамов за годы Советской власти. Однако только историей ограничиться не удалось, ибо социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни Кольской тундры: экономики оленеводческого хозяйства, культуры, быта, традиций.

В основу книги легли теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса о возможности для отдельных, ранее отсталых народов перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Это марксистское положение было конкретизировано В. И. Лениным, который говорил: «...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[14].

Авторы вновь благодарят А. А. Антонову, Г. И. Артиева, О. В. Воронову, А. А. Костылеву (Осипову), Г. И. Фефелова, И. А. Яковлева, Л. Д. Яковлева и других саамов, а также кандидата исторических наук Т. В. Лукьянченко и ветерана советской лопаристики З. Е. Чернякова за консультации и советы по содержанию книги.

Главы I—V и введение написаны Т. А. Киселевой, главы VI—X и заключение — А. А. Киселевым.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Одной из самых маленьких северных народностей нашей страны являются саамы (саами), которые проживают на северо-западе СССР, на Кольском полуострове, и относятся к числу 26-ти малых народностей Крайнего Севера. По данным Всесоюзной переписи населения (1979 г.), общая численность народностей Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока составляла 158 тысяч человек, в том числе саамов — 1,9 тысячи.

До начала 30-х годов нашего столетия саамов звали лапландцами или лопарями. По мнению ряда этнографов, эти названия финского или шведского происхождения. Исследователь Т. Итконен выводит слово «лопарь» от финского lape, lappea (сторона), другой ученый — Е. Итконен — связывает его со шведским словом lapp (место). Русские исследователи Д. Островский и В. Львов писали, что «лопь» означает «край, предел», а «лопарь» — «человек, живущий на самом краю земли»[1]. До революции слово «лопарь» часто использовалось как презрительная кличка, но сейчас потеряло такой смысл и в исторической литературе употребляется наряду со словом «саам».

В седой древности

После того как последний европейский ледник (около 10—12 тысяч лет назад) стал покидать нынешние районы Ладожского и Онежского озер, Карелию и Кольский полуостров, за медленно отступавшими льдами на Север пришли люди. Вполне определенно можно предположить,

Русская Лапландия зимой

что уже 5—7 тысяч лет до нашей эры по Кольскому полуострову кочевали древние племена.

В последние годы появились новые данные о далеком прошлом аборигенов Кольского полуострова. Они обобщены в книге доктора исторических наук Н. Н. Гуриной: «Начиная с эпохи мезолита — VI тысячелетие до нашей эры, то есть время первичного заселения Кольского полуострова людьми, эта территория была беспрерывно обитаема во все последующие времена: в эпоху неолита, бронзы, раннего железа, раннего средневековья, вплоть до современности. Поскольку все эпохи представлены конкретными памятниками, давшими реальные вещи, можно проследить несомненную преемственность, свидетельствующую об отсутствии каких-либо катастроф, которые привели бы к уничтожению предшествующего населения и его культуры.

На протяжении различных эпох на территорию Кольского полуострова, вероятно, проникало некоторое количество нового населения из более южных областей, однако, судя по археологическим данным, оно не было сколько-нибудь значительным. Вероятнее всего, являясь родственным аборигенам, смешивалось с ним. Таким образом, отсутствие перерыва в археологических источниках указывает, с нашей точки зрения, на то, что саамы формировались на местной основе, хотя полностью не исключается и возможность участия в этом процессе некоторых пришельцев, но, по-видимому, уже в исторический период»[2].

Таким образом, в те далекие времена, когда процветали Индия и Китай, Египет и Вавилон, племена охотников и рыболовов кочевали по Скандинавии, жили на территории между Северной Атлантикой и Уралом. Они столетиями приспосабливались к суровому климату, обживали скалистую землю, создавали свои орудия труда, совершенствовали язык и культуру. Следы деятельности древнего человека найдены в различных местах Кольского полуострова.

Племенам, кочующим по приполярной части Скандинавии и Кольскому полуострову, пришлось бороться за свое существование в условиях арктической природы. Бóльшую часть года земля здесь покрыта снегом, выпадающим в горах уже в сентябре. Озера и реки скованы льдом, который сходит только в июне. С ноября по январь солнце не показывается совсем, и только вьюги гуляют по горной тундре, да сполохи северного сияния освещают необозримые снежные пространства. Правда, полярная ночь не бывает совершенно темной — отраженный снегом свет позволяет различать контуры, детали и довольно отдаленных предметов.

Зато сколько радости приносило человеку и всему живому в тундре короткое, но бурное лето. В конце мая распускаются ивы и березки, в июне зацветают растения в болотистых низинах, в августе появляются первые грибы и ягоды. Леса и долины, реки и озера, болота и горы оживают, щебечут птицы, ревут лоси и медведи, шумят воды, свистят ветры. И хотя в жаркую и безветренную погоду одолевают комары и мошкара, а в пору затяжных холодных дождей — промозглая сырость, лето — прекрасное время года.

Древние жители Кольского полуострова летом обитали в шалашах, а зимой — в более теплых жилищах. Селились у воды — вблизи озер и рек, чаще всего на высоких песчаных берегах, поскольку рыболовство издавна было одним из основных занятий саамов.

Существует много гипотез и легенд о происхождении саамов. Когда-то лопарей считали чуть ли не прямыми потомками израильтян. Потом родилась другая версия: саамы вышли с юга Европы через Скандинавию. Есть и иные точки зрения — о предшественниках лопарей в Азии (в Зауралье), в Поволжье и т. д.

Однако не приходится сомневаться, что саамы являются древнейшими обитателями европейской тундры. Предки нынешних саамов занимались рыболовством и охотой на дикого оленя в Кольской тундре еще в эпоху арктического неолита. В этом смысле большой интерес представляют последние находки Североморского археологического отряда Ленинградского от-

Ловозерская тундра летом

деления Института археологии Академии наук СССР, сделанные в 1985 году. В районе поселка Ловозеро были обнаружены следы стоянок древних племен. Анализ археологических находок позволил сделать вывод, что здесь было одно из самых первых саамских поселений на Кольском полуострове.

Первые сведения о саамах

Не имея письменности, саамы не зафиксировали свою историю ни на бересте, ни на пергаменте, ни на бумаге. Дошедшие до нас рисунки на камне дают в основном абстрактные сведения о жизни и занятиях оленеводов. Поэтому приходится обращаться к письменным источникам соседних народов, к народным преданиям и археологическим находкам.

О саамах, как о народе «мрачной Похьёлы», склонном к колдовству, рассказывается в карело-финском эпосе «Калевала» (VIII—IX вв. н. э.). Вот как в этом всемирно известном источнике описывалась природа Лапландии[3]:

Много снегу на Похьёле.
Много льду в деревне хладной:
Снега реки, льда озера;
Там блестит застывший воздух,
Зайцы снежные там скачут;
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят.

Одно из первых свидетельств (IX век) о саамах Кольского полуострова принадлежит норвежцу Отеру (Оттару). По его описанию, страна, вдоль которой он плыл, пустынна, с редкими селениями «терфиннов» (так он называл саамов, живших здесь).

В XII веке о жителях Кольской тундры Саксон Грамматик сообщал, что лопари живут рыболовством и охотой, постоянно кочуют. Очевидец свидетельствовал, что саамы, севернее которых в Европе никто не жил, умели метко бить зверя из лука, быстро бегать на лыжах, колдовать и предвидеть[4].

Иногда небольшие кочевые племена, населявшие Кольский полуостров в средние века, звали «лаппи», «лаппоны», «лаппу». Это отражено в эстонском «Калевипоэге»[5]:

Плыл корабль на Крайний Север,
Это скудный берег Лаппу,
Бедняков угрюмый берег.

Термин «Лапландия», по мнению географов, лингвистов и историков, появился в XII веке. Так называли огромную территорию севернее Полярного круга, от Беломорья на востоке до Норвежского моря на западе. Когда государственное размежевание на севере Европы было юридически узаконено, возникли русская (Мурман), шведская (Норботтен), норвежская (Финмаркен) и финская Лапландии.

Есть немало сведений о саамах и в русских летописях: о жизни и обычаях, о верованиях и занятиях, о сборе дани с саамов в пользу Новгорода и Москвы, о торговых сношениях, об овладении новгородскими дружинами всей территорией русской Лапландии (конец XIII века). Места расселения саамов на Кольском полуострове русские летописцы звали либо «Лопь Терская», либо «Лопь Кончанская», либо «Лопь Лешая». А население — «лопинами», «лопарями», «лопиками».

Русская колонизация Кольского полуострова усилилась в XVI веке. На этот раз во главе ее были не дружинники, а православные миссионеры. Не последнюю роль в истории саамов сыграли Соловецкий, Кандалакшский, Трифоно-Печенгский, Троице-Сергиев, Антониев-Сийский и другие монастыри. Хотя христианство пришло к русским лопарям на столетие раньше, чем к скандинавским, оно не облегчило материально-бытового положения саамов, да и сама сущность христианства так и осталась непонятной и чуждой саамам.

Один из путешественников, посетивший Лапландию в XVI веке, писал о лопарях: «Они не имеют постоянной оседлости, но, истребив в каком-нибудь месте рыбу и зверей (ибо употребления хлеба они не знают), переселяются затем в другое место. Хижины, в которых живут, они покрывают корой и дерном, оде-

ваются в шкуры соболей, оленей и других этого рода животных. Они имеют свой язык, непонятный для других... Все они — очень опытные стрелки...»[6].

В середине XVII века в русской Лапландии побывал француз П. М. Ламартиньер, оставивший описание нравов, обычаев, верований, одежды и промыслов саамов (правда, в довольно приукрашенном виде). В конце того же века в Европе вышла на латинском языке книга «Лаппония», целиком посвященная саамам, где дан большой историко-этнографический материал о народе, живущем на «краю света». Ее автором был Иоганн Шеффер.

Он сообщал, что саамские семьи жили обычно в двух местах: зимние погосты находились вблизи леса, летние располагались у озер или рек. Легкое конусообразное сооружение из жердей, утепленное оленьими шкурами, несколько десятков оленей, две-три собаки, небольшой домашний скарб — вот и все достояние саамской семьи.

В 1608 году царский писец Алай Михалков и дьяк Василий Мартемьянов описали одно из главных поселений восточных саамов в центре Кольского полуострова — Ловозерский погост. Раскинулся он у реки Вирмы, неподалеку от богатого рыбой озера, о котором саамы рассказывают: «Лежит в широкой тундре Ловозеро. Самое большое, самое красивое, самое рыбное, самое глубокое озеро в тундре. Главное озеро саамов. Самое главное»[7]. В старину это место звалось Лойъяврсийт, что означало «Селение сильных у озера».

В XVII веке о лопарях как об охотниках, славящихся меткой стрельбой, с детства приученных выслеживать зверя, закаленных суровыми условиями Заполярья, хорошо знали в Москве. В 1655 году, когда панская Польша воспротивилась воссоединению украинского и белорусского народов с русским, московское правительство привлекло на государеву службу наиболее крепких и здоровых лопарей. В сопровождении стрельцов они прибыли в Москву, а затем были отправлены в армию.

В середине XVII века большинство лопарей пользовались на охоте еще луком, но уже входило в употребление ружье-пищаль карельской работы. Об этом свидетельствуют упоминания в воеводском судопроизводстве о привозе пороха в саамские погосты «в помен на лопские товары».

Пожалуй, с этих пор, с конца XVII — начала XVIII века, жизнь саамов отражена в исторических документах.

В борьбе за существование

К XVIII веку саамы обжили обширные тундровые районы Кольского полуострова. На огромной территории, площадью более семи миллионов десятин, находились высокие горы: Расвумчорр, Ангвундасчорр и Сенгис-

Один из кольских падунов

чорр; большие и глубокие озера: Имандра, Умбозеро, Ловозеро, живописнейшее Сейдозеро; богатые рыбой и жемчугом реки: Воронья, Поной, Кола, Тулома, Ёна, Чудзьйок, Нижняя Печа, Кургa. Саамы могли охотиться на берегах почти ста тысяч озер, ловить рыбу в восемнадцати тысячах рек и ручьев, где водилось до пятидесяти видов рыб.

Тундры Кольского полуострова — это чаще всего горы (вараки) или возвышенности с ягельниками и кустарниками, многочисленные озера и реки. Зима снежная и метельная. Карликовые заросли, засыпанные снегом, и редкие деревья не представляют преграды для внезапных северных ветров. Зато летом тундра украшена серебристыми коврами ягельников, зеленью перелесков, голубыми блюдцами озер и узорчатыми жилками ручьев и речек. А какие бурлили на реках водопады! На Кольском полуострове не было ни одной более или менее крупной речки, на которой не шумел бы падун.

Северо-восточная часть Кольского полуострова в значительной степени отличается от западной. На востоке меньше зелени, деревьев, больше мхов и лишайников.

Во второй половине мая тундра расцветает. Тянутся к солнцу зеленые ростки, в два-три дня из березовых почек появляются клейкие листочки. Нежно и тонко звенит талая вода — бегут ручьи, тает, будто сахар, лед на озерах. Все громче поют птицы, пышнее становится ягельник.

Оживают и оленьи стада. Гордо поднимают головы гирвасы, резвее становится походка важенок.

Один из исследователей Севера о северных оленях писал так: «А хорош, красив и доходен олень. Его не поят и не кормят, а только пасут. И за это пасение он дает и мясо, и шерсть, и кожу, и тягу, и себе на смену приплод.

На мой взгляд, он куда ценнее крымского винограда, которому несравненно больше отдается и заботы, и почета, и внимания. Несомненно, этот олень мог бы давать еще больше по сравнению с тем, что от него получают теперь»[8].

Традиционным занятием саамов была пастьба оленей. Кроме того, мужчины занимались охотой, ловлей рыбы, сооружали лодки, сани, кережи, короба, вырезали изделия из кости; женщины шили одежду, обувь, сбрую, упряжь, вышивали бисером, заготавливали продукты на зиму.

Жизнь оленеводов никогда не была легкой. Суровые климатические условия осложнялись бездорожьем, оторванностью от цивилизованного мира, отсутствием медицинской помощи, бескультурьем.

Саамам приходилось из века в век бороться с иноземцами, стремившимися оттеснить оленеводов, рыбаков и охотников к северу. По-видимому, с тех пор на Кольской земле остались Кровавые горы, Кровяные острова и пороги, названия которых напоминают о бурных временах и жестоких сечах с норманнами, свеями (шведами), норвегами, данами (датчанами).

Сохранилось много исторических сказаний и преданий об этой борьбе. Интересно подчеркнуть, что места сражений и схваток в саамском эпосе определены обычно довольно конкретно, а враг фигурирует как «злая чудь». Под «чудью» подразумевали всяких иноземных захватчиков и грабителей.

Саамский народ хранит много древних преданий о борьбе за свободу и независимость. В одном из них рассказывается, как в далекие-далекие времена, когда еще саамы не знали огнестрельного оружия, на них напали враги, которых привел злой Куйва. Молодой саамский вождь собрал соплеменников и предложил смелый план: заманить иноземцев в центр полуострова, на Сейдозеро, и там разгромить их. Много уничтожили саамы врагов. Раненый Куйва не сумел убежать, и старый колдун-саам превратил его в камень (и ныне на Сейдозере старики показывают эту скалу с якобы окаменевшим Куйвой).

В другом сказании повествуется, как в мирную жизнь саамов, которые «рыбу ловили, оленей пасли, детей растили», вторглись полчища «злой чуди». Перебили враги всех жителей в погостах. Кто был на охоте да в тундре с оленями, только тот и спасся. И тогда вышел сразиться с «чудью» саамский богатырь Ляйне. Жестокой и долгой была схватка. Тяжело пришлось бы Ляйне, не подоспей ему на помощь сын Пяйве.

А вот как говорится в современной легенде о предназначении маленького саамского народа: «Мы не пахари, мы не косари. Мы оленный народ. Наш хлеб — олень-батюшка. Его кормом живем: мох белый, ягель... Деды и прадеды учили нас: „Землю надо беречь. Как она досталась нам в поросли трав и во мхах, поросшая лесами и кустами и всякой зеленью, так и беречь ее надо зеленую. Будешь беречь и холить землю зеленую, веселую — и сам ты будешь сыт, здоров и весел человек..."»[9].

И нужно отдать должное — саамы любят родную землю.

В эпоху капитализма

Оленеводство и рыболовство являлись главными занятиями кольских саамов в XIX веке. Оленеводство кольских саамов имело ряд особенностей: во-первых, здесь применялся вольный выпас оленей с осенним собиранием стада; во-вторых, широко использовались при пастьбе собаки; в-третьих, передвигались саамы по тундре на кережах (однополозные лодкообразные сани).

Летом оленеводов в тундровых селениях не было, они уходили с семьями в глубь полуострова, к ягельникам, где пасли оленей.

Другие саамы шли к морю — там не так мучили оленей оводы. А по первому морозу семьи собирались в зимние погосты.

Долгое время у саамов сохранялись многочисленные черты родового строя. Пастбищами и угодьями они пользовались по давно установившимся традициям. Каждый большой участок земли, принадлежавший тому или иному погосту, делили на столько частей, сколько семейств было в селении. На каждую семью выделялось столько охотничьих и рыболовных угодий, пастбищ и ягельников, сколько нужно для того, чтобы прожить.

Одним из основных занятий саамов была рыбная ловля. Русский исследователь саамов этнограф Николай Харузин в книге «Русские лопари» писал в конце прошлого века: «Рыбная ловля, как главное занятие лопарей, оказывает огромное влияние на их жизнь... Производя главным образом рыбную ловлю весной, летом и осенью, им приходится в погоне за добычею переходить огромные пространства своей земли, для того чтобы, пробыв на месте два-три месяца, снова идти на другое место, где в данное

время года рыбный промысел может быть выгоднее»[10]. Но ни рыболовство, ни оленеводство, ни охота не избавляли саамов от нужды. Тот же ученый с горечью признавал: «...Начиная с XIII века история лопарей не дает нам ни одной светлой страницы. История лопарского племени есть вместе с тем история его обеднения...» [11].

В принципе Харузин прав — обнищание саамов при царизме стало закономерным. Это объясняется целым рядом причин: усилением эксплуатации со стороны государства, местного купечества и богатеев, возникновением и развитием феодально-крепостнических и примитивных капиталистических производственных отношений.

Многочисленные источники свидетельствуют, что одним из самых страшных притеснителей и грабителей (в полном смысле слова) оленеводов и в особенности саамов в середине XIX века был купец Мартемьян Базарный. Архангельские торговцы платили саамам за пуд рыбы рубль и больше, а Базарный — 40—50 копеек. Потому саамы и говорили: «Спаси господи оленя от волка, а нас грешных от Мартемьяна Базарного»[12].

К началу XX века положение саамов было тяжелым. Господство и эксплуатация купцов и буржуазии, жестокий национальный гнет, засилие церкви осложнялись массовыми болезнями, низким уровнем культуры и неграмотностью. Существование саамов зачастую почти полностью зависело от первобытного оленеводства, рыболовства, охоты. Один из дореволюционных исследователей, как следствие бедственного положения саамов, отмечал: «Мы имеем перед собой факт медленного, но постепенного уменьшения числа аборигенов Кольского полуострова... Все это дает нам полное право отметить тенденцию к вырождению и вымиранию кочевников Кольского полуострова»[13].

При царизме взаимоотношения между аборигенами края — саамами и пришельцами — коми и ненцами с каждым годом накалялись: из-за пастбищ, рыбных угодий, различных повинностей, распределения доходов от оленеводства. Усиливали эксплуатацию коренного населения буржуазия и купечество. В то же время ухудшались условия жизни в тундре: в связи со строительством железной дороги и лесоразработками сокращались площади ягельников, среди оленей начались эпизоотии, появилось браконьерство.

Детская смертность в 1909 году достигла 40 процентов, а в отдельные годы даже превышала рождаемость. Медицинская помощь коренному населению Кольского полуострова предоставлялась только в случае, если эпидемия охватывала всю территорию проживания саамов. Что можно говорить о саамах, если на весь Кольский полуостров в конце XIX века приходились один

Так жили кочевники России до революции

врач, три фельдшера, два «лекарских ученика» и одна повивальная бабка.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции и в тундре дошло до крайней точки недовольство существующим положением. Среди саамов стало четко проявляться классово-имущественное расслоение. У горстки богатых оленеводов сосредоточились большие стада оленей и пастбища, а бедняки, оставшись без оленей, должны были искать пропитание либо в качестве батраков-пастухов, либо вне тундры. Часть лопарей уходила в города, в становища на побережье, часть приобщалась к оседлому образу жизни в своих погостах.

До начала строительства Мурманской железной дороги (1915 г.) лопари обслуживали почтовый тракт Кандалакша — Кола. Они перевозили из конца в конец озера Имандра людей, работали в качестве носильщиков в экспедициях, служили проводниками по тундре. Естествоиспытатель А. Пунин, следовавший в Александровск, на биологическую станцию, подробно описал свою первую встречу с саамами: на почтовой станции к нему подошел и доверительно заговорил «человек маленького роста, худенький, как щепка, с добрым открытым лицом, с голубыми светлыми глазами», вскоре на разговор приполз (именно приполз) его товарищ, жаждущий общества, — пьяный «лопик»

Страница
саамско-поморского разговорника
(из собрания Ю. С. Попихиной)

(так тут звали лопарей), эти «проводники» и повезли пассажиров дальше на север, к Александровску [14].

Следует особо подчеркнуть, что взаимоотношения лапландцев и русских в большинстве случаев были дружелюбны. Путешественник С. В. Максимов отмечал, что контакты лопарей и русских отличаются «миролюбивым характером», что «патриархально-гостеприимный в своей веже лопарь в отношениях с русскими любит заводить тесную дружбу, род братства» [15]. Писатель М. М. Пришвин, впервые увидевший саамов в 1907 году, писал: «Придешь к ним, сейчас это и так и так усаживают. И семью очень любят, детей. Детьми, так что можно сказать, тешатся. Уноровчивые люди. Но только робки и пугливы». А один из его спутников дополнял: «Лопские порядки маленькие, у них все с собой: олень да собака, да рыбки поймают. Сколотит вежу, затопит камелек, повесит котелок, вот и вся жизнь» [16].

Кроме того, писатель отмечал: «Лопари — забытое всем культурным миром племя, о котором не так давно (в конце XVIII столетия) и в Европе рассказывали самые страшные сказки. Ученым приходилось опровергать общее мнение о том, что тело лопарей покрыто космами, жесткими волосами, что они одноглазые, что они со своими оленями переносятся с места на место, как облака». Писатель припоминал длинный и смешной спор ученых-дилетантов: белые лопари или черные? «Один путешественник увидит брюнетов и назовет всех лопарей черными, другой — блондинов и назовет всех белыми» [17].

В эпоху капитализма оленеводство на Кольском полуострове принимало все более промысловый характер. Саамы стали заниматься извозом, торговлей, лесозаготовками — жизнь их менялась на глазах. В тех местах, где пасли раньше свои стада кильдинские саамы, выросли железнодорожные станции и город

Мурманск. Саамы, коми и ненцы в годы первой мировой войны перевозили на оленях различные, в основном военные, грузы. По сведениям одного из авторов сборника статей по оленеводству, в зиму 1916/17 года для переброски стратегических грузов на Кольском полуострове военные власти привлекали около шести тысяч оленей, около тысячи оленей пало от непосильной работы. Об этом же говорили и очевидцы. Так, старожил Мурмана А. И. Шитиков, работавший тогда на стройке, вспоминал, что особенно много оленей погибло при перевозке военных грузов в районе Мурманска и Кандалакши весной 1917 года[18].

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции саамы Кольского полуострова перестали быть такой изолированной этнической группой, как, скажем, пятьдесят — сто лет назад. Как писал в 1916 году В. Н. Львов, «...племя, на которое долго не хотели смотреть по-человечески, постепенно утратило многие из своих первобытных нравственных свойств, а от цивилизации усвоило только ее обратную сторону». И тем не менее, отмечал автор, «лопари остались до сих пор честным, добродушным и незлобивым народом»[19]. Об этом же сообщалось в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Лопари — народ смирный, робкий, честный, веселый, гостеприимный, кроткий в семейной жизни, сострадательный к бедным, почтительный к старшим...» (т. 35, с. 2).

Таким образом, положение саамов до Октябрьской революции характеризовалось всесторонней отсталостью экономических и общественных отношений. Существование лопарей полностью зависело от почти первобытного рыболовства, оленеводства и в меньшей степени охоты. Что же касается оленеводства, одного из основных занятий саамов, то тут следует подчеркнуть, что социально-экономическая структура оленеводческого хозяйства Кольского полуострова к моменту установления Советской власти не была однородной. Наряду с типичными натуральными хозяйствами существовали товарно-капиталистические хозяйства крупных оленеводов, а кроме них — ряд промежуточных хозяйств, сочетавших элементы товарно-капиталистического и натурального хозяйства[20].

В то же время в жизни саамов происходили глубокие политические сдвиги. Несмотря на отчужденность, неграмотность и забитость, саамы понимали необходимость социальных перемен и были готовы совершить скачок из одной эпохи в другую — от феодализма, с некоторыми даже чертами первобытнообщинного строя, к более прогрессивному строю — к социализму.

Глава вторая

ДЕМОГРАФИЯ СОВЕТСКИХ САМОВ

Колтта саамы являются ветвью саамской народности, волей исторических судеб разбросанной по четырем странам (СССР, Финляндия, Швеция, Норвегия), и входят, как мы уже говорили, в число двадцати шести малых народностей советского Севера. Термин «малые народности Севера» впервые появился в советской литературе и системе государственного законодательства СССР в середине 20-х годов.

Впоследствии это понятие было расширено, и ныне используется часто термин «малые народности Севера, Сибири и Дальнего Востока».

Уместно подчеркнуть, что даже самые маленькие народности данного региона, насчитывающие менее двух тысяч человек каждая, за 1959—1970 годы увеличились. Численность саамов выросла с 1792 до 1884 человек[1]. По переписи населения 1979 года, в СССР проживало саамов 1,9 тысячи человек[2].

Проблемы демографии малочисленных этнических групп всегда имели особую актуальность. Растет или уменьшается население народности, каковы естественный прирост и структура по полу и возрасту — вот основные вопросы, интересующие общество.

Авторы в меру своих сил и возможностей попытаются осветить эти вопросы в данной главе.

Численность саамов до революции

Чтобы яснее представить демографические проблемы сегодня, проследим изменения в численности саамского населения на протяжении трех последних веков. С начала XVII века лопари, согласно Своду законов Российской империи, включались в разряд «бродячих инородцев», или «ловцов, переходящих с одного места на другое по рекам и урочищам».

По имеющимся в исторической литературе сведениям, в начале XVII века на Кольском полуострове проживало около тысячи саамов. Лопарские поселения были, как правило, редкими и небольшими. В Ловозерском погосте, к примеру, в 1608 году стояло 10 веж, жило в них 16 человек. О воронинских саамах в писцовой книге Алая Михалкова сказано так: «И всего в Воронетцком погосте 6 веж, лопарей в них 17 человек. А угодья за ними река Воронья, а ловят в ней красную рыбу семгу забором и сетьми от Ловозера и до морского устья, да половина речки Рында...» [3].

В конце XVIII века численность русских лопарей составляла около 1300 человек. По данным мурманского краеведа И. Ф. Ушакова, взятым из ревизских сказок, саамов-мужчин в русской Лапландии насчитывалось в 1723 году 566 человек, в 1765-м — 801, в 1782-м — 709, в 1796-м — 788. Известно также, что в 1785 году на Кольском полуострове проживали 243 саамские семьи [4].

Для эпохи царизма характерны колебания численности саамского населения. Так, по четвертой ревизии (1782 год) на территории Кольского полуострова проживало 1359 саамов, а по ревизии 1850 года — 1695 человек. Однако вскоре, после эпидемии тифа 1858 года, численность саамов (в который раз!) сократилась на 12 процентов. О снижении численности саамов сообщал и Н. Н. Харузин: в 1880 году он учел в Кольском уезде 1749 лопарей, а в 1884 году, после очередной вспышки эпидемии, только 1398 [5].

Основными занятиями саамов по-прежнему оставались рыболовство, оленеводство и охота. Погосты, как зимние, так и летние, часто меняли местонахождение и были малонаселенными. В Ловозере, к примеру, в 1866 году в 10 имевшихся хозяйствах жило 125 человек.

В XIX веке в Кольской тундре появились новые виды построек — тупы, стали строиться пырты (избушки с маленькими сенями, помещением для людей и овец). Однако большинство саамов продолжало жить в тесных и дымных вежах. Спали, не раздеваясь, на оленьих шкурах, разостланных на земле, укрывались тоже шкурами.

Один из саамов, учитель П. П. Юрьев, так описывал жизнь своего народа в дореволюционное время: «Летом саамы распускали стада на вольный выпас в тундру, занимаясь в это время рыболовством. Осенью, собрав животных, они перебирались в поселки, или, как они назывались, погосты. Зимой промышляли дикого зверя, проводя бóльшую часть времени в лесу.

Дети бедняков кочевали вместе с родителями по тундре, помогая им в работе. Многие нанимались пастухами к богатеям. Все премудрости жизни саамы постигали тут же в тундре.

Население было неграмотным. Если оленеводу требовалось где-нибудь расписаться, он ставил клеймо, отличное от других. На специальной дощечке, прикрепленной к поясу, саам особыми знаками вел учет оленей, которые были в его стаде, отмечал, какой налог с него взыскивается, и т. д.» [6].

Но, несмотря на суровые условия существования, численность саамов продолжала, хотя и медленно, увеличиваться. В 1897 году, во время первой Всероссийской переписи населения, в стране было 1812 саамов, в том числе в Кольском уезде Архангельской губернии — 1724.

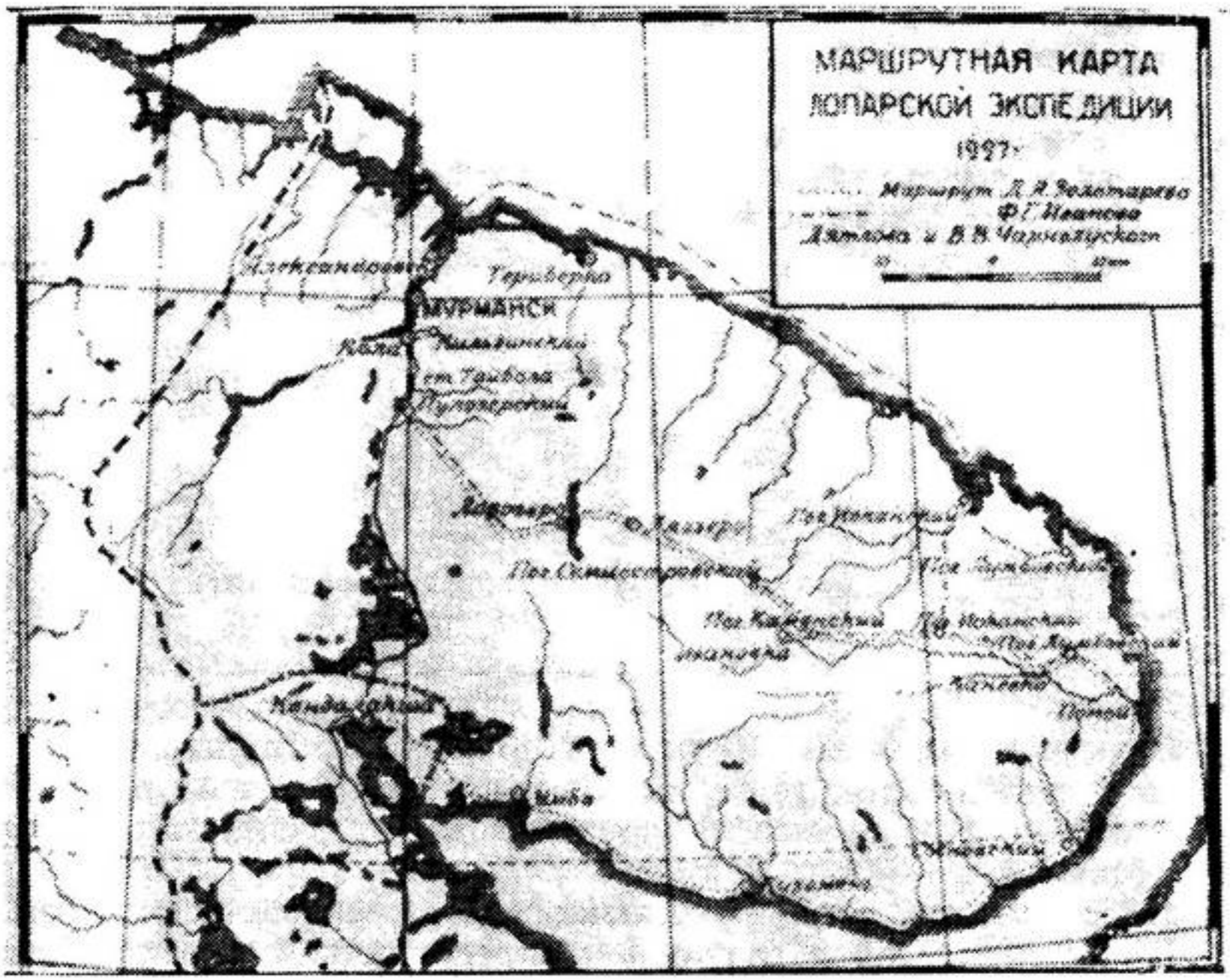
Статистические данные подтверждали жизнестойкость саамов, о чем в свое время писали академик Н. Озерецковский, этнографы Н. Харузин и Н. Дергачев, врач И. Шмаков. Это же подчеркивал накануне Октябрьской революции В. Н. Львов: «Лопари не принадлежат к вымирающим племенам. Напротив, среди них замечается, хотя и медленный, прирост. Но с ними происходит иное явление: они мало-помалу русеют» [7].

Многие буржуазные ученые предсказывали, что лопари неизбежно должны погибнуть, как вымерли многие племена индейцев Северной Америки. Один из них писал, что человечество лишь выиграло от того, что на территории, на которой не так давно существовали племена диких воинов и кочевников, теперь живут миллионы энергичных интеллигентных людей. Он подчеркивал, что насильственным вторжением белых гибель индейцев была только ускорена, так же неизбежно должен исчезнуть лопарский народ [8].

Однако такой трагедии не произошло. Великая Октябрьская социалистическая революция и Советская власть указали саамской народности другой исторический путь развития.

Динамика саамского населения в советское время

У нас нет, к сожалению, точных статистических данных о численности саамов Кольского полуострова в 1917 году. И этому не приходится удивляться, если вспомнить высказывание Н. Н. Харузина, относящееся к концу XIX века: «В сущности точных сведений о численности лопарей



Карта Лопарской экспедиции (1927 г.)

нет, по крайней мере для русской Лапландии. Существуют лишь отрывочные данные и притом данные далеко не точные» [9].

Годы гражданской войны и иностранной интервенции, голод и разруха, передача части русской территории в 1920 году по Юрьевскому миру Финляндии (в финскую Лапландию переселились саамы западных погостов), безусловно, отрицательно повлияли на численность кольских саамов, на состояние оленеводства.

По сведениям мурманского краеведа В. К. Алымова, к концу 1921 года на Мурмане осталось только 1518 саамов [10]. Оленье стадо сократилось по сравнению с 1914 годом в 2,5 раза [11].

Но рост саамского населения в 20-е годы и быстрое восстановление оленеводческого хозяйства при Советской власти вскоре вновь доказали жизнестойкость маленького тундрового народа. По первой Всесоюзной переписи населения 1926 года, саамов в СССР насчитывалось 1713 человек, из них 1708 проживало в Мурманской губернии. В числе кольских саамов было 1643 русских лопаря и 65 фильманов [12].

Лопарская научная экспедиция Русского Географического общества, побывав в 1925—1927 годах на Мурмане, составила подробные статистические материалы о саамском населении полуострова тех лет. По данным руководителя экспедиции Д. А. Золотарева, саамское население распределялось по полу по отдельным волостям Мурманской губернии следующим образом [13]:

Волости	Всего саамов	В том числе	
		мужчин	женщин
Кольско-Лопарская	722	348	374
Ловозерская	509	264	245
Понойская	275	142	133
Нотозерская	124	61	63
Александровская	54	29	25
Териберская	18	9	9

Саамское население Кольского полуострова продолжало расти и в последующие годы: на 1 января 1929 года в Мурманском округе было 1730 саамов, а через четыре года, по данным текущей статистики, — 1806 саамов.

На основании детальных выкладок о численности саамов В. К. Алымов сделал главный и определяющий вывод: «Стало быть, вековая тенденция движения числа лопарей остается неизменной» [14]. По его подсчетам, численность саамов за 150 лет (1780—1930 годы) увеличилась на одну треть, хотя за эти полтора столетия случались и временные понижения численности населения, вызванные войнами, эпидемиями, стихийными бедствиями.

Суровые испытания выпали на долю советских саамов в годы Великой Отечественной войны. Почти все взрослые мужчины ушли на фронт. Многие из них не вернулись в родные погосты. Это отразилось и на численности саамского народа. Даже через пятнадцать лет после окончания второй мировой войны число саамов не превышало довоенного. По переписи 1970 года, в СССР проживало 1884 саама, из них в Мурманской области — 1715.

Как видим, численность саамов в СССР, несмотря на выезд части саамов в Финляндию (в 1920 и 1940 годах), несмотря на тяжелые потери в двух мировых войнах, не сокращается. Саамский народ по-прежнему жизнедеятелен и продолжает, по мнению некоторых демографов, хотя и несколько замедленно, расти.

Однако нельзя не сказать о демографических проблемах, существующих сегодня.

Во-первых, половое соотношение, нарушенное второй мировой войной, восстанавливалось в течение длительного периода.

По переписи населения 1970 года, среди саамов было 1037 женщин и только 847 мужчин, то есть на 100 мужчин приходилось 122 женщины.

Во-вторых, среди саамов довольно интенсивно продолжается процесс ассимиляции: если в 1959 году считали саамский язык родным языком 70 процентов саамов, то в 1970 году — менее 60 процентов. В день переписи назвали русский язык своим родным языком 823 саама.

В-третьих, урбанизация коснулась и кольских саамов. В 1970 году почти третья часть советских саамов (565 человек) жила в городах. Это в целом по стране. Что же касается Мурманской области, то тут в городах проживали 437 саамов (25 процентов), а в сельской местности — 1278 (75 процентов). Число саамов, покинувших пределы Кольского полуострова, еще более выросло: ныне более 15 процентов саамов живут в других районах СССР.

Материалы последней переписи населения СССР в 1979 году подтверждают усилившуюся миграцию саамов: из 1900 саамов, насчитывающихся в стране, в Мурманской области проживали 1565, бóльшая часть из них в Ловозерском районе. Рождаемость среди кольских саамов в 80-е годы выглядела так: в 1980 году родилось 38 саамов (в том числе в Ловозерском районе — 18), в 1981 году — 30 (в том числе в Ловозере — 15), в 1985 году — 33.

По данным текущего статистического учета, на 1 января 1982 года в Мурманской области проживал 1641 саам, на 1 января 1985 года — 1674, на 1 января 1986 года — 1705 саамов.

Размещение саамов

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции саамские погосты были разбросаны по всей территории Кольского полуострова — от финской границы до восточной оконечности полуострова. На карте-приложении к книге «Русская Лапландия и русские лопари», изданной накануне революции, указано местонахождение 16 погостов (Сонгельский, Пазрецкий, Печенгский, Мотовский, Нотозерский, Кильдинский, Масельгский, Ловозерский, Воронинский, Екостровский, Бабинский, Семиостровский, Понойский, Сосновский, Лумбовский и Иокангский).

Часть кольских саамов занималась оленеводством, их погосты располагались в глубине полуострова (Кильдинский, Бабинский, Екостровский и другие). Саамы, жившие в Семиостровье, Иоканге, Лумбовке и в Мотовском погосте, кроме оленеводства, в значительной степени занимались и рыболовством. Ежегодно саамы этих погостов со своими семьями, со стадами оленей находились летом у моря.

Постоянно жили у моря саамы Сосновского и Понойского погостов. Многие саамские поселения веками были связаны с реками: с Туломой (Рестикент), с Вороньей (Воронинский погост) и т. д. Географическое положение погостов в известной степени определяло быт саамов, их занятия, даже диалект языка.

До 1917 года основная часть саамов (около 80 процентов) вела полукочевой образ жизни. В холодную снежную пору они жили в зимних погостах, а летом вместе со стадами оленей уходили в тундру, в летние погосты. Так существовали Лумбовский летний погост у Белого моря и Лумбовский зимний погост на реке Ачерйок (приток Поноя); Иокангский летний погост у Баренцева моря и зимний на реке Лебяжьей (тоже приток Поноя).

Одним из самых крупных погостов Кольского полуострова продолжал оставаться Ловозерский. По данным, приведенным в монографии «Этнографические исследования Северо-Запада СССР», в 1915 году в Ловозере находилось 690 коренных жителей, из них 167 саамов, 493 коми и 30 ненцев[15].

За годы Советской власти в связи с колхозным строительством и переходом саамов на оседлый образ жизни погосты Екостровский, Мотовский, Ляозерский, Кильдинский, Сонгельский ликвидировались, зато на карте полуострова появились новые современные селения — Ивановка (1917 год), Краснощелье (1921 год), Каневка (1923 год), Чудзьявр (1934 год) и другие. Из Рестикента, Пулозера и Сосновки саамы ушли в глубь тундры, где было легче промышлять рыбу, зверя, пасти оленей.

Из 1708 саамов, насчитывавшихся в 1926 году в Мурманской губернии, в Кольско-Лопарской волости проживали 723, в Ловозерской — 509 и в Понойской — 275 саамов. В 1927 году, по данным В. К. Алымова, более половины саамов числилось в Кольско-Лопарской и Александровской волостях, 17 процентов — в Понойской, 31 процент саамов — в Ловозерской волости.

Вот как описывал приезжий врач волостной центр Ловозеро 20-х годов: «Село беспорядочно разбросано по обоим берегам Вирмы. На правом берегу находятся постройки лопарей и самоедов, счетом до 35. На этой же стороне школа, кооператив, исполком, изба-читальня, замшевый завод и врачебно-амбулаторный пункт. Постройки расположены в некотором беспорядке в два ряда...

Ижемская сторона Ловозера представляет другую, более отрадную картину, чем лопарская. Дома у ижемцев тоже разбросаны в беспорядке, но величина и чистота их резко бросаются в глаза. Бóльшая часть домов новые, с большими окнами и, в противоположность лопарским, с хорошей крышей»[16].

Один из ловозерцев в год 50-летия Октябрьской революции вспоминал: «Очень неприглядным было село полвека тому

назад. Растерянные по берегам Вирмы убогие избушки с перекошенными подслеповатыми окнами. Тут и там двери крест-накрест забиты досками — хозяева в тундре. А там жизнь еще тяжелее. Человек оставался один на один с суровой природой»[17].

Хаотично и неприглядно выглядел в 1927 году и Пулозерский погост. Все 26 хозяйств (106 человек) значительную часть года находились в тундре, избушки саамов были полуразвалившиеся, крыши протекали.

В 1927 году была ликвидирована Мурманская губерния, а на ее базе образован округ, вошедший в Ленинградскую область. Девять волостей реорганизовали в шесть районов. Саамские селения остались в Кольско-Лопарском, Ловозерском и Понойском районах. В октябре 1929 года эти районы преобразованы в национальные. К тому времени в Мурманском округе проживало 1730 саамов.

В связи с колхозным строительством и переходом к оседлому образу жизни часть саамских погостов ликвидировали. В 1931 году переселились в Иокангу саамы Иокангского зимнего погоста, в 1931—1934 годах саамы Каменского погоста переехали на новое место жительства — в село Чальмны-Варрэ (прежнее название — Ивановка), где был создан оленеводческий колхоз «Красная тундра». В 1933 году саамы Мотовского погоста переселились в Титовку и Западную Лицу, где был организован оленеводческий колхоз. В 1937 году жители из Кильдинского погоста ушли в район озера Чудзьявр (новое поселение назвали по имени озера), где был создан оленеводческий колхоз «Одд-сийт». Расселились по берегам озера Имандра жители Екостровского погоста; жители Лумбовского зимнего погоста в 1934 году переехали в Лумбовку (бывший летний погост).

Таким образом, в 30-х годах начался процесс объединения малочисленных саамских погостов в более крупные селения, постепенный переход кочевников на оседлость.

В 1933 году бóльшая часть саамов жила в Кольско-Лопарском районе (800 человек). На втором месте по численности саамов стоял Ловозерский район (599 человек). В Понойском районе проживало 300 саамов и в Полярном — 185[18]. Саамы составляли третью часть населения Понойского района Мурманского округа. Из 1500 человек, насчитывавшихся в этом районе в 1935 году, саамов было 501, русских — 688, коми — 250, ненцев — 76[19].

В 1936 году произошли изменения в административно-территориальном устройстве Мурманского округа: был образован новый, Саамский, район (с центром в Гремихе). Ловозерский район, где к тому времени проживала половина всех саамов Кольского полуострова, становился центром оленеводческого хозяйства округа. Здесь выросли и окрепли крупные оленеводческие кол-

хозы: «Тундра» в Ловозере, «Красная тундра» в Чальмны-Варрэ, «Доброволец» в Воронинском погосте, «Одд-сийт» в Чудзьявре, «Краснощелье» и другие.

Накануне Великой Отечественной войны саамы Мурманской области проживали в 37 населенных пунктах. Хотя погостом на Кольском Севере продолжали называть ряд строений или группу населения, объединенную общим управлением, но облик погостов в 30-е годы стал меняться в лучшую сторону. Связано это было с начавшейся коллективизацией, с переходом к оседлости, со строительством новых поселков и ростом благосостояния саамов.

В годы Великой Отечественной войны и временной оккупации фашистской Германией западной части Мурманской области были уничтожены саамские погосты Сонгельский, Рестикент, Титовка, Западная Лица, а проживавшие там ранее саамы ушли в другие районы Кольского полуострова.

Иногда на Западе раздаются голоса «специалистов по саамскому вопросу», обвиняющих Советскую власть в нарушении родовых саамских прав и традиций, в насильственном переселении оленеводов и т. д. и т. п. Советологи видят в миграционных процессах только негативные моменты. Не отрицая, что переход к оседлости или перемена места жительства нелегкое испытание для саамов, нужно подчеркнуть, что, во-первых, перемещения саамов всегда тщательно готовились и финансировались государством и, во-вторых, всякое переселение являлось и является в СССР делом добровольным.

Впервые переселение саамов на Кольском полуострове стало необходимым при переносе Кильдинского погоста, и вот как это решалось. Прежде всего вопрос о переезде кильдинских саамов внимательнейшим образом рассматривался на общем собрании погоста 13 августа 1934 года: изъявили желание переселиться 22 хозяйства. 18 января 1935 года этот вопрос вновь обсуждался, и было подтверждено решение — переезжать на новое местожительство, в район озера Чудзьявр, где уже строились дома. К осени 1935 года все саамы Кильдинского погоста перебрались на берега богатого рыбой озера, вокруг которого были хорошие ягельники. На новом месте поставили 14 домов, но строительство продолжалось вплоть до 1938 года[20].

В 50-е годы с укрупнением оленеводческих колхозов началась вторая — после коллективизации — волна переселения части саамов. В 1950 году лумбовские саамы влились в иокангский колхоз «Искра»: из 50 хозяйств Иоканги 44 были саамскими. В том же году артели «Юркино» и «Восмус» присоединились к колхозу «Тулома», несколько позже объединились хозяйства имени Третьей пятилетки и «Красное Пулозеро».

Шло большое жилищное строительство в Ловозере. Сюда пе-

ребирались саамы из отдаленных погостов. В августе 1952 года Ловозерский райисполком выделил дополнительные ссуды (по 2000 рублей) на строительство домов двум саамам — Т. И. Юлину и И. А. Конькову. Несколько позже ссуду в 3000 рублей получил колхозник Ф. М. Кириллов. 8 октября 1952 года было принято решение о предоставлении кредита в 5000 рублей на строительство дома сааму М. А. Захарову[21].

К началу 1954 года национальный состав оленеводческих колхозов Мурманской области выглядел следующим образом:

Районы и колхозы	Всего хозяйств	В том числе			
		саамов	коми	русских	прочих
Ловозерский					
«Тундра»	124	55	58	7	4
«Вперед»	20	19	—	1	—
«Доброволец»	34	32	—	2	—
«Краснощелье»	36	2	25	4	5
«Красная тундра»	53	20	17	6	10
Саамский					
«Искра»	59	50	2	5	2
«Большевик»	27	26	—	1	—
«Север»	51	—	7	42	2
Им. Чкалова	24	4	2	17	1
Кольский					
«Тулома»	48	25	—	16	7
«Красное Пулозеро»	23	16	—	5	2
Кировский					
«Ёна»	23	10	—	2	11
«Заполярный труд»	14	1	—	12	1
Итого...	536	260	111	120	45

В марте 1959 года в Ловозеро переселились оленеводы Чудзьяврского погоста, а в 1965—1966 годах в связи со строительством Серебрянской ГЭС — жители Воронинского погоста. Число оленеводческих колхозов в результате укрупнения сократилось до восьми. Судя по отчетам за 1967 год, в оленеводческих колхозах области было 633 хозяйства, из них: 241 — саамское, 205 — русских, 140 — коми, 22 — ненецких и 12 — финских.

В результате укрупнения оленеводческих хозяйств, слияния мелких колхозов с крупными масштабы трудовой деятельности

саамов несколько изменились, но принципы многонациональной дружбы и совместной работы людей разных национальностей в одном коллективе сохранились. Так, в колхозе «Тундра» на 1 января 1967 года трудились 244 семьи, в том числе саамских — 138, коми — 72, русских — 30, ненецких — 3, украинских — одна [22].

К 1967 году основная часть саамов проживала в следующих населенных пунктах: Ловозеро, Краснощелье, Каневка, Варзино, Сосновка, Тулома и Ёна. Центром оленеводства и основным саамским районом окончательно стал Ловозерский национальный район. Он занимает 37 процентов территории Мурманской области, здесь сосредоточено 85 процентов поголовья оленей Кольского полуострова и проживает основная часть саамов.

Скажи свою фамилию,
и я скажу,
саам ли ты

Несмотря на столь частые передвижения с места на место, переселения и перемещения по территории Кольского полуострова, саамы остаются сплоченной этнической группой. Видно, недаром прародительницей всех саамов, их общей матерью считается легендарная женщина Матрена. Это ее имя, по мнению саамов, носит большой род Матрехиных. Согласно легенде, от Матрены и человека-оленя Мяндаша пошли лопари Летнего Наволока (погосты Иоканга и Каменка), носящие фамилии Койбиных и Телышевых.

Еще в первой четверти XX века каждый саамский погост отличался своими фамилиями: в Семиостровье преобладали Захаровы и Яковлевы, в Каменке — Матрехины и Койбины, в Лумбовке — Друженьковы и Даниловы, в Сосновке и Иоканге — Матрехины. Многие саамские семьи имели строго очерченную и из поколения в поколение оберегаемую территорию с ягельниками, маршрутами кочевий, рыболовными и охотничьими угодьями.

На Кольском полуострове насчитывалось около 60 саамских фамилий. Вот список наиболее распространенных саамских фамилий Кольского Севера, учтенных в 20-е годы: Андреевы, Антоновы, Архиповы, Бархатовы, Гавриловы, Галкины, Герасимовы, Глухих, Голые, Горбунцовы, Даниловы, Дмитриевы, Дорофеевы, Друженьковы, Ермолины, Захаровы, Карповы, Кирилловы, Киприяновы, Кобелевы, Козьмины, Коньковы, Куимовы, Куроптевы, Лазаревы, Матрехины, Мелентьевы, Мошниковы, Назаровы, Никитины, Окатовы, Осиповы, Павловы, Паршуковы, Пелькины, Пьяные, Сверловы, Селивановы, Семеновы, Семяшкины, Сергины, Собакины, Сорвановы, Стакановы, Таруновы, Телышевы, Титовы, Фефеловы, Харлины, Чупровы, Черных, Шаршины, Юлины, Юрьевы, Юшковы, Яковлевы.

Как видим, почти каждая из перечисленных фамилий схожа с русской и происходит либо от имени (таких половина), либо от названий окружающих предметов и прозвищ (Голые, Койбины, Пьяные, Глухих, Черных). Следует подчеркнуть, что раньше прозвища были широко распространены в тундре: это либо перешедшая по наследству кличка, либо сокращенное имя (Конвась), либо какая-то характеристика человека (Гришка Вор, Анна Сейдозерская, Авдотья Певунья).

В первые годы Советской власти смешанных браков было немного, и каждая группа населения отличалась прежде всего по фамилии. Если фамилия оленевода Юрьев или Данилов — он, вне всякого сомнения, саам; если Канев или Терентьев — значит, коми; если Хатанзей или Выучейский, то ненец.

Сложнее было определить народность или национальность по фамилии в прибрежных погостах: там жило много однофамильцев-русских или обрусевших лопарей. Но в таких случаях саама легко можно отличить по внешнему виду — небольшой рост (мужчины в среднем 150—160 см, женщины — 145), по одежде, манере поведения и другим особенностям.

Саамские браки: чистые и смешанные

Саамские семьи были малочисленней, чем семьи других народностей Кольского Севера. Если в семьях коми насчитывалось в среднем по 5,8 души; в карельских — по 5,1; в финских — по 4,7, то в саамских — по 4,5. К тому же в погостах восточной части Кольского полуострова семьи были меньше, чем в центре или на западе; в Сосновке средняя численность семьи — 3,5; в Ловозере — 5,0; в Нотозере — 5,5 человека. Этот демографический показатель в определенной степени зависел от экономического положения саамов. В восточных погостах — Иокангском, Лумбовском, Сосновском и Каменском — на душу населения приходилось по 17 оленей, а в центральных — Воронинском, Семиостровском и Ловозерском — по 25 и более.

Распределение саамов Кольского полуострова по семейному положению в начале 1927 года представлено в таблице [23]:

Состав семьи	Число семей	Удельный вес, %
Одинокие	24	6,7
Семья из 2 человек	42	11,8
» » 3 »	62	17,0
» » 4 »	57	15,9
» » 5 »	68	19,1
» » 6 »	44	12,6
» » 7 »	26	7,3
» » 8 »	21	5,6
» » 9 и больше	14	4,0
Итого...	358	100,0

В XX веке начинают ломаться столетиями складывавшиеся

Молодая лопарская семья (1927 г.)

традиции жизни саамов. Возрастало число браков саамов с лицами других национальностей, саамы чаще уезжали из тундры. Таких случаев было немало и до революции, но тогда все же они выглядели исключением. В советское время это стало обычным делом. Один из первых зафиксированных такого рода случаев относится к 1927 году, когда Евдокия Матрехина, посланная на учебу в Ленинград, в Институт народов Севера, вышла замуж за тунгуса и уехала с ним в Сибирь.

После коллективизации оленеводческих хозяйств многие грани в области семейных отношений, существовавшие ранее между саамами, коми, ненцами, русскими, почти исчезли. Общность интересов, коллективный труд, социалистическая культура сближали людей, смешанные браки вошли в норму жизни.

Что же касается числа саамов, выехавших за пределы Кольского полуострова, то в 1926 году их было 5 человек, что составляло 0,3 процента от числа саамов. По данным переписи 1959 года, за пределами Мурманской области проживало 105 саамов, почти 6 процентов от их общей численности. Еще более возросли эти цифры в последние годы.

Анализируя миграционные процессы, состав саамских семей и брачные отношения среди саамов, следует подчеркнуть еще одно обстоятельство — в советское время исчезли неравные браки как следствие материальной нужды и зависимости, а в некоторых случаях и низкого уровня общественного сознания саамов.

Неравные браки имели широкое распространение до начала 30-х годов. В докладной записке Мурманскому окружкому ВКП(б) сообщался ряд таких фактов, имевших место в Воронинском погосте. Батрак Антон Дмитриев женился ради дома и оленей на своей хозяйке Александре Яковлевой, которая вполне годилась ему в матери. Другой батрак — Гавриил Фефелов — женился после смерти хозяина на вдове, которая была старше его на 25 лет. «Всю жизнь, — говорил он откровенно, — жил батраком. Муж у ней умер, я и стал жить. Оленей у них много было. А то все по работникам, и здоровье потерял»[24].

После коллективизации оленеводческих хозяйств такие случаи стали практически невозможны из-за ликвидации имущественного неравенства. Исчезали и факты приема в саамские семьи, чаще всего бездетные, детей нищенствующих, погибших или умерших родителей. Один из ловозерских саамов — Григорий Фефелов — рассказывал, что он родился в бедной семье Даниловых. Семья большая, а оленей было мало. Восьмилетнего мальчика отдали к богатому соседу. Немало ему пришлось погнуть спину и померзнуть в тундре; только когда умер старший Фефелов, он сам стал «хозяином».

Ныне семейные отношения среди саамов строятся в соответствии с советским законодательством. Основанные на любви и общности интересов, они характеризуют новую ступень общественного развития саамов. И хотя, как показывает статистика, процент браков с лицами других национальностей не снижается, мы видим в этом одну из закономерностей исчезновения этнической замкнутости саамов. Так, в 1973 году в Ловозерском районе было зарегистрировано 17 саамско-русских, 9 саамско-коми, 17 русско-саамских и 10 коми-саамских браков[25].

В конце 70-х годов доля смешанных браков достигла 82 процентов. Чаще всего в смешанные браки вступали женщины. В эти годы обнаружились и такие демографические особенности саамов: среди сельского населения число мужчин-саамов, состоящих в браке, уменьшилось, а женщин — увеличилось. Причем мужчин, никогда не состоявших в браке, стало в два раза больше, чем женщин. Достаточно велика группа никогда не состоявших в браке, в основном молодых оленеводов.

И все же среди саамов немало крепких и многодетных семей. Вот несколько примеров. Начнем с семьи Матрехиных из Краснощелья. Глава семьи Афанасий Федорович родился в 1896 году в Каменке, его жена Агафья Ионовна — в 1906 году в Варзуге. Афанасий в три года остался сиротой, рос в чужих людях, работал пастухом, служил в царской армии, в дни Октябрьской социалистической революции был в Петрограде. После гражданской войны приехал в Ивановку. Тут он и встретил свою невесту, которая тоже мыкалась в нужде по чужим людям от Варзуги до Кандалакши. Нелегко было поначалу молодой семье. Вступили в колхоз — стали жить лучше. Потом пошли дети — один за другим, — девять человек. Кроме сына, который после службы во флоте остался в Мурманске, где работал прорабом на судоверфи, все дети жили и трудились в Краснощелье, куда семья Матрехиных в 1967 году переселилась из Чальмны-Варрэ. Сыновья Афанасия Федоровича и Агафьи Ионовны — Илья и Федор — работали пастухами, Дмитрий — главным механиком краснощельского совхоза, младший, Алексей, — рабочим того же хозяйства. У старшей дочери Матрехиных — Антонины Афанасьевны — тоже девять детей. Муж ее — известнейший в тундре человек, потомственный оленевод, бригадир совхоза «Память Ленина» Егор Павлович Данилов[26].

Или возьмем ловозерскую семью Яковлевых. У Ивана Александровича и Ульяны Игнатьевны было тоже девять детей: один сын и восемь дочерей. Афанасий стал механизатором-строителем, Зинаида — учителем физики (она училась в Ленинграде), Валентина — секретарь-машинистка, Ольга — медсестра, Фаина окончила Мурманское музыкальное училище, Марина — счетный работник, Маргарита — линотипистка в типографии, Анастасия — воспитатель, Галина работает продавцом.

В семье ловозерского оленевода Андрея Емельяновича Антонова пятеро детей: двое старших пошли по стопам отца, дочь Александра в 1956 году закончила пединститут, младший сын — инженер-конструктор, дочь — воспитатель детского сада.

Об ассимиляции саамов

А теперь приступим к вопросу, который довольно оживленно обсуждается на протяжении по-

следнего столетия: ассимилируют ли саамы. На эту тему рассуждали дореволюционные исследователи Н. Н. Харузин, Г. Ф. Гебель, А. К. Сиденснер. Об этом говорил в своей работе «Крайний Север европейской России» большой знаток Кольского Заполярья А. А. Жилинский. Отмечая, что саамы живут в тяжелейших условиях сурового климата, ведут кочевой образ жизни, в антисанитарии, тесноте и скученности (по его данным, на площади в квадратную сажень обычно жило 5—6 лопарей), А. А. Жилинский тем не менее делал вывод, что «лопари — народ не вымирающий, а жизнеспособный» [27].

А вот как высказывался по этому поводу в 1922 году исследователь европейского Севера Ю. П. Иорданский: «Число лопарей почти не возрастает, однако это не вымирающее племя, а только медленно размножающееся под влиянием тяжелых природных условий и неблагоприятных историко-экономических факторов. Кроме того, лопари непрерывно смешиваются с племенами, среди которых живут...»[28]. Об обрусении кольских саамов, о постепенной утрате ими ряда особенностей писал в 20-е годы этнограф С. И. Сергель.

Вопрос об ассимиляции саамов в первые годы Советской власти не раз обсуждался на страницах журналов «Вестник Карело-Мурманского края» и «Карело-Мурманский край». Мурманский краевед В. К. Алымов убедительно доказывал, что «ни о вымирании, ни о вырождении лопарей говорить не приходится»[29]. Что же касается ассимиляции, то она действительно была. Этому, по мнению В. К. Алымова, способствовали растущая оседлость населения, тесное общение саамов с живущими рядом народностями, другие факторы. Лопарки все чаще стали выходить замуж за русских, карелов, коми. В свою очередь саамы женились на русских или коми. Ведь не случайно же среди русских в селе Варзуге было 90 Мошниковых, а в Поное — 40 Матрехиных и столько же Харлиных. Такая же история была с родовыми кланами Лопинцевых, Даниловых, Друженьковых. В. К. Алымов прямо писал, что не детская смертность является главной причиной медленного роста числа лопарей, а их ассимиляция, растворение в среде рядом живущих народов[30].

Следует подчеркнуть, что под естественной ассимиляцией саамов мы подразумеваем процесс добровольный, ни в какой степени не насильственный. Саамы охотно обучались русскому языку, перенимали русские обычаи, одежду. Причем это происходило в условиях полного равноправия национальных групп, преодоления их вековой экономической, политической, культурной обособленности.

Интересно в связи с этим еще раз вспомнить данные Всесоюзных переписей населения 1926 и 1959 годов. По переписи

Ловозерские лопари в 1928 году

1926 года родным назвали саамский язык 1668 саамов, то есть 98 процентов. По переписи 1959 года из 1792 опрошенных саамов назвали родным языком саамский 1252 человека (около 70 процентов).

Еще более показательны результаты последних переписей. Из 1,9 тысячи саамов, проживавших в СССР в 1970 году, счита-

ли родным языком саамский 56 процентов саамов, по переписи 1979 года — 53 процента. Половина саамов свободно владела русским языком.

Эти данные нельзя квалифицировать как забвение родного языка или пренебрежение к своей народности. Нет! Эти цифры выражают демографическую закономерность.

О необходимости обучения русскому языку в свое время писал В. И. Ленин: «...мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку»[31]. В письме к С. Г. Шаумяну В. И. Ленин подчеркивал еще одну деталь: «За **государственный** язык стоять позорно. Это полицейщина. Но *проповедовать* мелким нациям русский язык — тут нет ни тени полицейщины»[32].

То, что значительная часть саамского населения считает родным языком русский, — не случайность. Это еще одно убедительное свидетельство того, что в силу объективной и субъективной необходимости русский язык стал межнациональным, вторым языком для саамов Мурманской области.

Нет здесь и никаких проявлений великодержавного или великорусского шовинизма. Это результат сближения и свободного общения саамов и русских, саамов и других национальностей. Причем такое общение и сближение — процесс сугубо добровольный, не регламентированный никакими правовыми нормами.

Советское государство постоянно заботится, чтобы саамы сохранили свои традиции, национальную культуру и прикладное искусство, не утратили свой язык. Вот почему в Ловозерском районе началось преподавание саамского языка в школах.

О естественном приросте саамов

Чтобы доказать, что кольские саамы не вымирают, а их численность продолжает возрастать, вновь придется обратиться к цифрам. Правда, следует иметь в виду один фактор: так как саамов немного, ежегодный прирост их невелик. Но главное не в количестве, а в закономерности.

В 20-е годы рождаемость и смертность саамов на 100 человек населения соответственно составляла 26,6 и 15,2, а естественный прирост — 11,4 человека. Это было на уровне таких стран, как Венгрия и Чехословакия.

Рождаемость у саамов в 30-е годы продолжала оставаться достаточно высокой. У нас нет, к сожалению, цифр по всему Кольскому полуострову, но есть данные по национальному Саамскому району, где тогда проживало 306 саамов.

Половое соотношение саамского населения в довоенные годы в принципе не отличалось от других народов. По данным переписи 1926 года, на 823 кольских саама приходилось 820 саам-

ских женщин[33]. Несколько иным было соотношение в национальных волостях — в Ловозерской и Понойской, где удельный вес женщин равнялся 48 процентам, а мужчин — 52.

Средняя продолжительность жизни саамов не отличалась от других народов. В 1921—1928 годах она составляла в среднем 27,7 года (у мужчин 29,3 и у женщин — 25,3).

Вторая мировая война, в ходе которой погибло много саамов, несколько нарушила процесс воспроизводства саамской общины — сократилась рождаемость, половое соотношение изменилось в худшую сторону: по переписи 1959 года на 773 саамских мужчины приходилось 914 женщин.

Советское государство всячески поощряет — и морально и материально — саамских женщин-матерей, помогает многодетным семьям. Жительнице села Ловозера А. И. Юрьевой, родившей и воспитавшей десять детей, присвоено звание «Мать-героиня». Орденом «Материнская слава» награждены К. Т. Карпова (из Чудзьявра), О. В. Юлина, И. И. Галкина, Ф. М. Юрьева (из Ловозера), М. В. Маягина и А. В. Окатова (из Чальмны-Варрэ).

Забота Советской власти о женщине-матери особенно важна для небольшой саамской народности. Саамские женщины получают длительные отпуска по беременности и уходу за детьми. Каждому ребенку, родившемуся в саамской семье, за счет государства дарится детское приданое. Содержание детей в яслях, детсадах и школах-интернатах бесплатное. Ныне многосемейные саамы получают пособия на детей.

Все это обусловило определенные демографические изменения. Рождаемость саамов в конце 50-х — начале 60-х годов в расчете на тысячу человек населения была даже выше, чем в целом по области.

В 1978 году ловозерцы торжественно поздравили с 90-летием своего земляка саама Алексея Максимовича Галкина, самого старого жителя тундры. А. М. Галкин служил в царской армии, участвовал в Октябрьской революции, одним из первых вступил в колхоз, воспитал двух сыновей и четырех дочерей[34].

Анализируя изменения, происшедшие в численности и размещении саамского населения за годы Советской власти, можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на тяжелые людские потери, вызванные гражданской войной и интервенцией, а также Великой Отечественной войной, численность советских саамов за годы Советской власти не сократилась, что подтверждается и данными Всесоюзных переписей.

2. На размещение и расселение саамов всегда оказывал влияние тот факт, что основной и традиционной отраслью их экономики являлось оленеводство. В период промышленного освоения

Крайнего Севера, начавшегося в первые десятилетия Советской власти, а также в ходе коллективизации в среде саамов утвердился новый, социалистический способ производства, началось планомерное и рациональное использование ягельников, лесных и озерных угодий, что значительно повысило продуктивность оленеводства. В этот период началась концентрация саамского населения в местах, наиболее удобных для развития их традиционных отраслей производства. Это, в свою очередь, вызвало миграционные процессы.

3. Переселение и перемещение саамского населения, носящие добровольный и индивидуальный характер, проходили в два этапа. Первый этап наблюдался в начале 30-х годов в связи с коллективизацией и переходом на оседлость. Основными местами размещения саамов в тот период являлись центральная и восточная части Кольского полуострова. Второй этап проходил в 50-е и 60-е годы в связи с укрупнением оленеводческих колхозов. Произошли определенные изменения не только в размещении, но и в быту саамского народа.

4. В настоящее время 75 процентов саамов проживает в сельской местности, 25 — в городах. Число саамов, уехавших за пределы Кольского полуострова, также возросло.

5. Большинство саамов Мурманской области находятся сейчас в Ловозерском районе, где вместе с русскими, коми, ненцами занимаются оленеводством, рыболовством, земледелием, живут полнокровной современной жизнью. На долю Ловозерского района приходилось 1022 саама из 1715, учтенных в области в 1970 году. Остальные саамы проживали в следующих местах: в Кольском районе — 264, в районах Североморска — 156, Апатитов — 125, Мончегорска — 57 и Мурманска — 56 человек.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

После изгнания с Севера интервентов и белогвардейцев население Кольской тундры приступило к мирному хозяйственному строительству. На первом Мурманском уездном съезде Советов, состоявшемся в марте 1920 года, в ряду других неотложных дел рассматривался вопрос об оленеводстве. В резолюции съезда было записано: «Обследовать положение оленеводства и оказать содействие пастухам...»[1].

Делегат съезда от Ловозерской тундры П. И. Терентьев вспоминал: «Весной 1920 года собрался в Ловозере сельский сход. Судили люди, рядили, как приступать к строительству новой жизни. Трудностей было много, а спросить не у кого... И решили тогда ловозерцы послать в Мурманск ходоков, просить организовать Лопарскую волость, с центром в Ловозере.

Нас встретили приветливо, внимательно выслушали, обещали рассмотреть и решить вопрос. А вскоре в газете появилось „Обращение к лопарям Кольского полуострова"»[2].

В воззвании Мурманского Совета к коренному населению Кольского полуострова говорилось: «Заслушав ходатайство ваших представителей товарищей Михаила Распутина, Василия Канева, Петра Терентьева и Михаила Ануфриева о выделении Лопарской волости в самостоятельную с центром в с. Ловозеро для более целесообразного внутреннего самоуправления, Совет

Комиссаров постановил: ходатайство удовлетворить»[3].

Советская власть начала экономические преобразования в тундре с изучения состояния традиционных промыслов ее коренного населения. Саамам, коми и ненцам оказывалась необходимая помощь в приобретении промыслового снаряжения, продуктов питания и одежды.

Массово-политическая и организационная работа среди оленеводов стала строиться в соответствии с национальной политикой партии, при всесторонней помощи русского народа и рабочего класса. Указания В. И. Ленина о том, что Коммунистическая партия в национальном вопросе должна исходить из точного учета исторически конкретной, в особенности экономической, обстановки и отчетливого выделения интересов угнетенных классов, были взяты за основу при проведении политики Советской власти в тундре. Первые социалистические преобразования на Кольском полуострове опирались на решения X съезда РКП(б), в резолюции которого отмечалось, что первейшей задачей пролетарской революции «является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни...»[4].

Принципы национальной политики на Кольском Севере

Прежде чем перейти к изложению сугубо конкретного материала о жизни саамов в первые годы Советской власти, хотелось бы сделать небольшое отступление общего плана. Это тем более необходимо, ибо в печати Скандинавских стран и Финляндии часто появляются сообщения, что буржуазные правительства проявляют мало заботы о лапландцах, капиталисты-предприниматели теснят их все дальше на Север, а государство и общественность практически бессильны помочь оленеводам. Такова капиталистическая действительность.

А каково отношение Советского государства к саамам? Как строились и строятся их взаимоотношения?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, надо внести три пояснения общеполитического характера.

Во-первых, национальная политика в СССР и на Крайнем Севере опирается на марксистско-ленинские теоретические положения и исходит из указаний и директив Коммунистической партии Советского Союза. Есть соответствующая (36-я) статья и в Конституции СССР, где записано: «Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права...»

Во-вторых, политика Советского государства по отношению к саамам определяется целым рядом государственных актов: «Декларацией прав народов России», законодательством

20—30-х годов о малых народностях Крайнего Севера, постановлениями СНК, СТО и Советов Министров СССР и РСФСР о развитии советского Севера.

В третьих, в первый период строительства социализма национальную политику на Кольском Севере осуществляли специально созданные органы — Народный комиссариат по делам национальностей, Комитет Севера, управление Главсевморпути, имевшие представительства при Мурманском губисполкоме (Мурманская губерния существовала с 1921 по 1927 год) и окрисполкоме (Мурманский округ с 1927 по 1938 год входил в состав Ленинградской области).

Коммунистическая партия, Советское государство обращали большое внимание на важнейшие закономерности, присущие некапиталистическому пути развития северных народностей: всесторонняя помощь со стороны русского рабочего класса, тесное сотрудничество с передовой и общественно активной частью саамского населения, ликвидация социально-экономической, политической и культурной отсталости саамов.

Важнейшим принципом взаимоотношений между Советским государством, партийно-советскими органами на местах и саамами было уважение к местным обычаям и традициям, проявление максимальной чуткости при решении тех или иных вопросов. Советское государство всячески развивало общественное самосознание саамского народа, освобождая его от религиозных и феодально-родовых пут, раскрепостило женщину, ликвидировало конфликты между саамами и коми из-за пастбищ и оленей.

Однако в первое десятилетие Советской власти влияние государственных органов на жизнь Кольской тундры проявлялось еще довольно слабо. Не было ни достаточно ясных и четких инструкций, ни опыта, ни грамотных работников, знающих уклад жизни саамов и саамский язык. Связи Мурманского губисполкома с Полярным подотделом управления туземными народами Севера, который образовался в Наркомате по делам национальностей, только налаживались.

Переустройство жизни саамов затруднялось их хозяйственной и общественно-политической отсталостью, отсутствием на местах кадров и рабочего класса, разобщенностью и разбросанностью саамов по огромной территории. Органам Советской власти нередко приходилось ограждать саамов от засилья заезжих нэпманов и местных эксплуататоров. Помощь саамам, коми и ненцам Кольского полуострова со стороны Советского государства всегда носила целенаправленный и разносторонний характер. Она не имела ничего общего с конъюнктурным благотворительством и была рассчитана на долгий срок.

Преодолевая трудности

Однако начинать социалистическое строительство в Кольской тундре приходилось нелегко. Слишком отсталыми были формы оленеводческого, рыболовецкого и охотничьего хозяйства, сложными — производственные отношения и социально-общественный уклад. Трудности, вставшие перед Советской властью, усиливались оторванностью тундры от промышленных районов, бездорожьем, тяжелыми климатическими условиями.

Не обошлось и без серьезных ошибок. Так, в 1920 году по реквизиции в тундре забили сотни оленей. Однако крайне необходимое для снабжения городского населения мясо хранилось бесхозяйственно. При заготовке оленины в Пулозере туши не свежевали и даже не потрошили, и мясо испортилось. В то же время враги Советской власти распространили слух о приближающейся национализации оленей — начался массовый тайный забой скота.

Кольские саамы в начале 20-х годов зачастую зависели от спекулянтов, нэпманов и темных дельцов, которые спаивали оленеводов, покупая за бесценок семгу, пушнину, оленье мясо и шкуры, добытые за сезон. Долги саамов иногда были так велики, что бедному оленеводу приходилось возвращаться из волостного центра в погост ни с чем: без пороха, муки и соли. Их продукции едва хватало на покрытие долгов. Только что созданные губернские органы власти тогда обращались к населению Мурмана: «Не надо, товарищи, притеснять лопарей. Наоборот, надо скрасить их и без того уж больно незатейливую жизнь среди тайги, болот и озер» [5].

На основании указаний Коммунистической партии и Советского государства об ограничении и постепенной ликвидации частной торговли в тундре Мурманский губисполком осенью 1922 года принял решение: запретить приезжим спекулянтам спаивать оленеводов и тундровых охотников [6]. Принимались меры для развития в Кольской тундре разветвленной сети потребительской кооперации. Для укрепления советского аппарата в Ловозерскую тундру весной 1923 года был послан молодой коммунист В. А. Шарупич, вскоре избранный председателем Ловозерского волисполкома. Вопросы развития оленеводства неоднократно ставились и перед высшими государственными органами.

Трудно было побороть и политическую апатию оленеводов, их боязнь и неумение высказать свое мнение, выступить против сложившихся традиций. Вот обычный факт из жизни саамского погоста той поры. На одном из собраний решался вопрос об изъятии оленей у церковников. При обсуждении полное молчание — вроде бы все согласны. Начали голосовать: «за» — никто

не голосует, «против» — тоже никого нет. Председатель собрания спрашивает: «Как же так?» В ответ услышал: «Не мы дарили, не мы должны отбирать»[7]. И такое случалось довольно часто.

Общественный индифферентизм усугублялся бескультурьем, оторванностью от политической жизни страны, от Мурманской губернии. Вот как описывал очевидец поездку в Ловозеро в 1923 году: «От станции Пулозеро до Ловозера около ста верст — сутки езды на оленях. Ни признака жизни на пути. Редкие встречи. В Ловозеро попадаю около двух часов дня. Маленькая грязная деревушка. 60—70 домов, церковь. Дом лопаря. Грязно, пахнет тухлым и кислым чем-то. Уйма немытых и, увы, как я убедился позже, вшивых ребятишек...

В Ловозере превосходная школа, теплая, просторная, светлая, но нет учительницы. Все есть, даже средства есть, а учительницы нет. То же и с медпунктом»[8].

Приблизительно тогда же в Кольской тундре проходили стажировку ленинградские студенты-этнографы. Практикантка Е. Орлова в отчете писала: «...Мы решили... отправиться в Ловозеро, но оказалось, что идти одним туда не было никакой возможности, во-первых, потому, что определенной дороги не было, только в некоторых местах были протоптаны тропинки, но их было так много, что если бы мы вздумали идти по ним одни, то наверное бы заблудились»[9].

Обычный пеший путь от железной дороги до Ловозера летом занимал четыре дня. Путники шли сначала к Симбозеру, где жил радушный и разговорчивый старик саам Петр Кобелев. Следующий привал делали у его племянника, о котором Е. Орлова сообщала: «Дмитрий Кобелев совсем иной человек, чем его дядя, Петр. Это молодой мужик, явный пройдоха, «кулак», пренебрежительно относящийся к бедняку. Желание содрать с вас, по возможности, все, что можно, сквозит в каждом его слове и дви-

Ловозеро в конце 20-х годов

жении. Но он большой патриот лопарской земли»[10].

Жили саамы очень бедно. «Полярная правда» в 1925 году свидетельствовала, что «лопари... сейчас сильно обнищали»[11]. В Ловозерской волости осталось всего 14 тысяч оленей, в тундре хозяйничали волки. Только за одну весну охотникам удалось убить восемь хищников. Волостной центр Ловозеро не имел с внешним миром ни телефонной, ни телеграфной связи.

Изредка — по торговым или домашним делам — саамы приезжали в Мурманск. Останавливались либо у знакомых на Лопарской и Ижемской улицах, либо в Доме рыбака и оленевода. Журналистка З. Рихтер, впервые увидев саамов в Мурманске зимой 1925 года, писала: «Позади гостиницы — базар... В стороне на снегу, сбившись в кучу, стоят олени с большими грустными глазами и ветвями на голове. На них приехали лопари из ближайших чумов с оленьим мясом и шкурами.

Окаменев, словно буддийские божки, сидят на санках кокетливые лопарки. Их малицы (одежда из оленьих шкур) украшены цветной замшей, а своеобразные головные уборы (вроде шлема Афины Паллады) вышиты шелками и камнями; лопари — в похожих на женские головных уборах с меховой опушкой и низко, как у кукол, подпоясанных малицах, ростом с десятилетнего ребенка и с бородкой»[12].

В 20-е годы много саамов промышляло в бассейне реки Туломы. До Нотозера добирались летом по воде, зимой — по речному льду. Наиболее крупным населенным пунктом в этой части полуострова считался Рестикент: 11 домов, школа в бывшей церкви, где училось с десяток ребятишек, лавка сельпо.

Уроженка Рестикента А. А. Костылева (в девичестве Осипова) рассказывала авторам книги, что лопари жили и в Восмусе, и в Юркине, и в Ниванкюле, и на островах Нотозера. Семьи

обычно большие (у нее, в частности, было три брата и две сестры). Многие нотозерцы, кроме оленей, держали коров и овец. Летом запасали ягоды: замачивали бруснику, без сахара варили чернику, закладывали в ящики на зиму воронику. Грибы почему-то не собирали, обходились без них. «Наверное, потому, — поясняла Александра Андреевна, — что хватало мяса, дичи, рыбы. А может быть, из-за плохой перевариваемости».

Зимой 1926 года положение саамов Кольского полуострова обследовала специальная комиссия Мурманской Рабоче-Крестьянской инспекции[13]. Она проехала по маршруту Ловозеро—Семиостровье—Ивановка—Ловозеро свыше 500 верст. Обследуя состояние оленеводства, члены комиссии воочию убедились, что в тундре абсолютное бездорожье (по пути в Семиостровский погост они заблудились и чуть не замерзли), болезни и волки уничтожают в стадах сотни оленей, у рыбаков нет соли, снастей, тары и кочевники живут здесь так же, как и сто — двести лет назад.

Тундра в 20-е годы оставалась еще девственной, полной тайн и знаков, известных только саамам. Священное дерево, по мнению лопарей, избавляло людей от болезней, заломленная ветка означала поворот вправо, а приставленный к стволу ели кол показывал близкую переправу. Никто в погостах не знал ни запоров, ни замков. Палка, припертая к двери, говорила, куда и надолго ли ушел или уехал хозяин. Без саамов-проводников не найти пути-дороги до восточных погостов: Семиостровского, Понойского, Краснощелья, Ивановки, Каневки.

По данным комиссии, в Ловозере проживало 430 коми, 189 лопарей и 62 ненца. В селе работали школа и изба-читальня. Связь с центром и снабжение организованы неудовлетворительно. В те годы в январе — по старой традиции на крещение — в Ловозеро съезжались лопари со всего полуострова. К этому времени приурочивались всевозможные торговые и домашние дела: заключали сделки, обменивались товарами, закупали припасы, праздновали крестины и свадьбы. В январе обычно проводились и съезды Советов, кооператоров, учителей.

Большинство жилищ в Семиостровском погосте, по мнению комиссии РКИ, были неустроенными и грязными. Жило в нем в 1926 году 123 человека, в основном бедные оленеводы, и из них только двое грамотных.

Каменский погост выглядел более культурным, чем Семиостровский. Здесь работали небольшая библиотека, кружок самообразования, жители намеревались построить свою школу.

Ивановку и Краснощелье комиссия отмечала как места весьма удобные для оленеводства — рядом располагались богатые ягельники, реки, луга, леса. В Ивановке строилась школа, а пока

Погост Каменка

ребята учились в арендуемом доме. Продолжало расширяться и Краснощелье. Выступая в 1926 году на VI губернском съезде Советов, представитель ловозерских оленеводов В. А. Шарупич говорил о насущных проблемах: об улучшении снабжения населения тундры мукой, продуктами, оружием и боеприпасами, об увеличении финансовой помощи, об усилении борьбы за рост оленьего поголовья.

Социалистические преобразования происходили и у саамов, живших на побережье Баренцева моря. Стали организовываться артели, государственные организации обеспечивали рыбаков плавучими средствами и орудиями лова.

Тундра менялась на глазах. Вот как, к примеру, описывали этнографы быт саамской семьи Селивановых из Воронинского погоста: «11 человек лопарей живут в одной веже, длина которой аршина четыре при той же ширине. По бокам тянутся полога. Неряшливости не чувствуется, березовые прутья на земле меняются через 2—3 дня. На столе, против входа, мы увидели такой признак культуры, как отрывной календарь. Оказалось даже, что один лопарь, бывший военнопленный, говорит по-английски! По-русски говорят все, кроме детей дошкольного возраста»[14].

И все же социалистическое преобразование тундры шло замедленно, с огромными трудностями. Писатель Всеволод Лебедев, побывав на Кольском полуострове, отмечал: «Колхозов, артелей у воронинских лопарей, когда я у них был, еще не было. И в этой единоличной жизни у озер лопари страдают, боятся воды, с которой дружно жили целую жизнь. Боятся волков, которые приходят к ним истреблять стада. Когда я взялся хлопотать, чтобы лопарям возвратили для ловли семги место около Паду-

на, хозяйка сказала: „Ты нам Падун отхлопочи да волков отгони от Вороньего погоста, мы всего тебя оденем"»[15].

М. Ф. Онохин — бывший рабочий Хибинского сельскохозяйственного пункта — вспоминал такой эпизод. Осенью 1926 года на опытном пункте появился саам Петр Сорванов, приехавший из Охтоканды (было такое селение у станции Питкуль). Агроном И. Г. Эйхфельд повел его на полевые участки и стал объяснять, что где растет. Остановившись на участке с созревшим ячменем, Эйхфельд говорит: «Это растет хлеб». Саам подошел к ячменю, взял колос в руки и недоуменно спрашивает: «Какой хлеб? Не видно хлеба...»

Несмотря на духовную, культурную и бытовую отсталость отдельных лопарей, целых семей и погостов, в общественно-экономической жизни наметились определенные сдвиги: менялись способы и техника ведения оленеводства, внедрялись регулярное окарауливание стад и плановое использование пастбищ, улучшалось ветеринарное обслуживание. И хотя около 3 процентов оленьего стада в 20-е годы гибло от волков и 5—6 процентов от болезней, поголовье оленей росло.

Экономика саамских хозяйств

В первые годы Советской власти оленеводство было одной из ведущих отраслей народного хозяйства Мурманской губернии. Писатель Макс Поляновский, посетив Кольский полуостров, писал: «К богатствам Мурманского округа надо причислить еще одну примечательность — оленя, которого здесь, на севере, справедливо называют «золотом тундры». От развития оленеводства зависит благосостояние жителей, развитие производительных сил всего края и колонизация Кольского полуострова»[16].

Характерной особенностью оленеводства на Мурмане в 20-е годы был его натуральный характер. По данным В. К. Гудзенко, от 75 до 90 процентов продукции оленеводства и охоты потреблялось в своем хозяйстве[17]. Об отсталости оленеводства говорит и такой факт: около 90 процентов оленьих шкур в Мурманской губернии оказывалось пораженными личинками кожного овода[18].

Поголовье оленей в Кольской Лапландии колебалось очень резко. В 1914 году насчитывалось 80 тысяч голов, а в 1922-м — осталось около 20 тысяч. В последующие годы стадо быстро росло: в 1924 году — 33 тысячи, в 1926-м — 53 тысячи оленей[19].

В 1926/27 году в Мурманской губернии, согласно похозяйственной переписи, числилось 371 саамское хозяйство, из них 85 оседлых и 286 кочевых. В 63 саамских хозяйствах использовали наемную рабочую силу. У оседлых саамов было всего 1769 оленей, то есть на хозяйство в среднем приходилось по

20 оленей; у кочевых — 19 845, по 60—70 оленей на хозяйство. По тем же данным, 42 процента саамских хозяйств держали менее чем по 25 оленей; 43 процента — от 26 до 100 оленей; 13,6 процента — от 101 до 500 оленей и лишь 1,4 процента — свыше 500 оленей. Саамские хозяйства Кольского полуострова имели 2500 оленьих упряжек, 266 кереж, 1549 оленьих нарт[20].

Товарность оленеводческих хозяйств на Кольском полуострове в 20-е годы продолжала оставаться низкой. VI Мурманский съезд Советов отмечал, что оленеводческое хозяйство ведется постародедовски. Необходимо было срочно принимать меры к дальнейшему укреплению и развитию оленеводческих хозяйств.

Саамские хозяйства не всегда могли конкурировать с хозяйствами коми. Интересно подчеркнуть, что эту особенность отмечал журнал «Коми-му-Зырянский край» в 1928 году: «На Кольском полуострове оленеводы-зыряне уже занимают первенствующее положение по количеству оленей среди других национальностей и, по-видимому, свои более культурные способы оленеводства успели передать и местным жителям — лопарям»[21].

Действительно, в конце 20-х годов в среднем на одно коми хозяйство приходилось по 160 оленей, а на саамское — только по 110 оленей (специалисты считали, что индивидуальное оленеводческое хозяйство могло быть рентабельным при наличии в стаде свыше 150 голов).

Существовала имущественная разница и среди саамов разных погостов. По данным В. В. Чарнолуского, в 1926/27 году относительно богатым был Семиостровский погост, здесь на каждое хозяйство падало в среднем по 133 оленя (именно в этом погосте жили самые богатые кулаки и держали многочисленные стада), затем шли Каменка и Иоканга (по 72 оленя на семью), Сосновка (55 оленей), Лумбовка (по 29 оленей на хозяйство).

Среди индивидуальных хозяйств Ловозерской тундры насчитывалось 60 процентов бедняцких хозяйств (менее 100 оленей на хозяйство), 30 — середняцких (от 101 до 300 оленей) и 10 — кулацких[22]. Известно также, что 19 зажиточных хозяйств Ловозерской волости имели по 600 и более оленей каждое. Наиболее крупные стада принадлежали семьям Сорвановых, Юрьевых и Галкиных. Как вспоминал В. В. Чарнолуский, в Иоканге всеми делами верховодили два саама — Федот и Родион Харлины. О притеснении саамов богатыми коми, среди которых выделялся Поликарп Рочев, писал Д. А. Золотарев.

Вопросы развития оленеводства часто обсуждались на губернских и волостных съездах Советов. Для подъема кольского оленеводства предлагалась целая система мер: проведение землеводоустройства, налаживание ветеринарной службы и органи-

«В Ловозерском кооперативе служил поп гладко и хозяйственно. Никак, бывало, не отличишь его личного хозяйства от кооперативного. И умел этот поп со всеми ладить. Он не пропускал ни одного митинга, ни одного собрания, чтобы не забросить слово за коммунистов. Он громче всех пел «Интернационал», ходил с демонстрацией по селению. Так он долго дурил народ, пока коммунисты не открыли глаза населению. Вот тут и полетел поп из кооператива и не за что-либо, а лишь за свои хозяйственные дела»[25].

Весной 1924 года Ловозерский кооператив реорганизовали, ему были выделены новые кредиты. Председателем избрали комсомольца, вскоре вступившего в ряды партии, С. А. Заборщикова.

В 1926 году в Поное возникла промыслово-кооперативная артель, а к 1 октября 1927 года в Понойском районе было 4 кооперативные организации: Понойское промыслово-потребительское общество (133 пайщика), кредитное общество в Поное (101 пайщик), Иокангское промыслово-потребительское общество (66 пайщиков) и рыбопромысловое товарищество «Свобода» (7 пайщиков). Для снабжения саамов в районе функционировали две лавки — в Поное и Иоканге. Дела в кооперативах шли неплохо.

В 1926 году Иокангский кооператив заготовил оленьих шкур, пушнины, семги и других товаров на 9—10 тысяч рублей, а в 1928 году — на 22 тысячи[26].

Год от года кооперация улучшала свою работу. Злоупотребления, хищения, растраты становились явлениями все более редкими. Очевидец вспоминал: «Кооперация на Мурманском берегу поставлена хорошо. Летом лопари получают продукты из лавок в рыбачьих становищах. Перед отправлением в поход им дается запас на дорогу. Лопари, выходя из Териберки, взяли такие запасы на два месяца вперед. В то же время они имели право получить продукты из лавки в Воронинском погосте»[27].

Саамы активно участвовали в работе шести кооперативов: Иокангского, Понойского, Ловозерского, Кольско-Лопарского, Урагубского и Титовского. По линии кооперации осенью 1923 года в Мурманске открылась ярмарка, на которую приехали кильдинские саамы для продажи оленьего мяса. Под руководством Центросоюза кооператоры вывозили оленину в Норвегию. При поддержке кооперации жители Лумбовки начали строить многокилометровую изгородь на пастбищах. Аналогичное решение в 1927 году приняли саамы Семиостровского и Иокангского погостов. Они тоже приступили к строительству изгороди для пастьбы оленей, несмотря на саботаж богатых оленеводов[28].

Наиболее крупное кооперативное объединение существовало в Ловозере. На 1 октября 1927 года в потребительском обществе

погоста насчитывалось 187 членов, а в кредитном товариществе — 95. За 1926/27 год Ловозерский кооператив завез товаров на 65 тысяч рублей. Успешно шли и заготовки: в том году Госторг приобрел у ловозерцев 2800 оленьих шкур, сотни пудов мяса и рыбы. В 1927 году кооперация охватывала 87 процентов оленеводов района[29].

Кооперация помогала организовывать в Кольской Лапландии зоотехническую службу и борьбу с волками. Журналист А. Зорич писал: «Волки бродят здесь повсюду стаями по 20 и 30 голов; они заходят даже к самому Мурманску, столице края. Нападая на стадо, они режут сплошь и рядом по нескольку оленей зараз»[30]. Через кооперацию пастухи получили новые ружья. В Ловозере появился ветеринарный фельдшер, затем организовалась зоотехническая станция (в 1928—1931 годах — опорный оленеводческий пункт).

При содействии кооперации в Ловозере стал работать завод, выпускавший полуфабрикат — замшу из оленьих шкур: в 1925 году переработано 2500, а в 1926/27 году — 3083 оленьи шкуры. Успешно шла работа и в 1928 году — завод обработал 5000 шкур, Ловозерский кооператив закончил год с прибылью в 9 тысяч рублей[31].

Замшевый завод явился первой попыткой создания местной промышленности в тундре и к тому же единственным в своем роде предприятием по переработке оленьих шкур на Кольском Севере. Такого завода не было ни в одном кооперативе полуострова, даже в Поное, оборот кооперативного общества которого составлял почти 80 тысяч рублей.

Во второй половине 20-х годов в Кольской тундре активно работала кредитная кооперация. Она предоставляла беднякам и середнякам ссуды на приобретение оленей, инвентаря, орудий охоты и рыболовства, выручала оленеводов в тяжелые времена падежей и гибели оленей от волков. В 1926 году в кредитных товариществах Кольско-Лопарской волости состояло 59 лопарских хозяйств (252 человека), Ловозерской — 13 (72 человека), Поной-ской — 11 (38 человек). К лету 1927 года в кредитную кооперацию вступило 94 саамских хозяйства, 25 процентов всех саамов. Бедные оленеводы составляли в кредитных кооперативах большинство. Им же в первую очередь выдавались ссуды. Только в 1926/27 году кредиты получили 43 хозяйства. Число членов кредитной кооперации, так же как и промыслово-потребительской, быстро росло. Кроме потребительской, снабженческо-сбытовой и кредитной кооперации, в тундре действовали промысловая, производственная и интегральная (смешанная) кооперации.

Удельный вес кооперативного сектора и госторговли в Кольской тундре к концу 20-х годов составил 80—90 процентов. А са-

мое главное значение кооперации в тундре заключалось в том, что она приучала оленеводов к совместному труду, воспитывала саамов, ненцев и коми в духе социалистической морали, коллективизма и пролетарского интернационализма.

Саамы и Комитет Севера

Всестороннюю помощь кольским саамам и другим северным народностям оказывал Комитет Севера, созданный 20 июня 1924 года при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете. Комитет содействия развитию малых народностей Крайнего Севера (таково было полное и официальное название Комитета Севера) в своих письмах на места подчеркивал, что осуществление национальной политики в условиях тундры должно отличаться постоянным направляющим и руководящим влиянием Коммунистической партии и ее местных ячеек, всесторонней помощью русского народа, особой гибкостью в работе.

Выполняя указание X съезда РКП(б) — «трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» [32],— Комитет Севера много сделал для подъема экономики Кольского полуострова, для проведения первых культурных преобразований. С его помощью создавались первые кооперативы и товарищества по совместному выпасу оленей, пополнялось племенное стадо оленей, началась борьба с эпизоотиями. Комитет Севера как орган Советского государства помогал строить в тундре школы, больницы, избы-читальни, укреплять Советы. Один из руководителей Комитета Севера, А. Е. Скачко, писал: «Освоение Севера, развитие его производительных сил и использование его естественных богатств мы должны вести не помимо малых народов Севера и не через их головы (как это делается в капиталистических странах), но при полном содействии этих народов, параллельно с их подъемом, развитием и вовлечением их самих в социалистическое строительство» [33]. В Мурманский окружной Комитет содействия малым народностям Севера в течение ряда лет входили председатель окружной плановой комиссии В. К. Алымов, заведующий окружным земельным управлением Г. В. Стрелков, заведующий окружным отделом народного образования И. Н. Лещинский, оленевод-саам В. А. Коньков.

Такой представительный состав местного отделения Комитета Севера успешно решал многие вопросы хозяйственной, политической и культурной жизни саамов.

После упразднения (в 1935 году) Комитета Севера его функции были переданы местным Советам, которые к этому времени окрепли и накопили опыт государственного строительства.

Следует подчеркнуть, что социалистическое строительство

в Кольской тундре имело свои особенности. На первом этапе — с 1920 по 1927 год — ликвидировались феодальные пережитки, остатки капиталистического гнета, возрождалось оленеводческое хозяйство, пострадавшее во время гражданской войны. На следующем этапе — с 1928 по 1932 год — проводились советизация управления в тундре, национально-территориальное районирование. Заметно выросла кооперация, начало коллективизации совпало с первыми успехами культурной революции. На третьем этапе — с 1933 по 1941 год — в тундре упрочился колхозный строй, реконструировалось оленеводческое хозяйство, повышалось материальное благосостояние оленеводов. Саамы, коми и ненцы завершили переход к социализму.

Роль Советов в переустройстве тундры

Первые Советы в Кольской тундре возникли в период Октябрьской революции. В состав Ловозерского Совета входили Ф. А. Рочев, М. Ф. Терентьев, а председателем избрали Семена Макáровича Рочева. Среди членов Советов еще не было саамов: в силу своей политической отсталости, а также из-за кочевых условий жизни они оставались в стороне от общественной жизни.

И только после того, как роль и функции Советов прояснились, саамы стали активнее участвовать в выборах новой власти и в ее мероприятиях. С середины 20-х годов саамы входили в состав всех Советов, начиная от сельского и кончая губернским. По просьбе саамов вопросы развития оленеводства выносились на рассмотрение Мурманского губисполкома и губернского съезда Советов. VII Мурманский съезд Советов предлагал улучшить и углубить работу «по всестороннему изучению оленей и оленеводческого хозяйства не только Ловозерской волости, но и других волостей и селений, где имеется большое количество оленеводческих хозяйств»[34].

Оживилась деятельность местных Советов. В 1925 году в Ловозерской волости работали четыре сельских Совета. Среди 24 депутатов насчитывалось 14 представителей малых народностей. Саам-оленевод М. Кириллов был избран кандидатом в члены губисполкома, а в 1926 году — кандидатом в члены ВЦИК.

Вот как описывал собрание, посвященное перевыборам Пулозерского сельского Совета зимой 1926/27 года, этнограф Д. А. Золотарев[35]. На сцене клуба висели два лозунга: «Да здравствует 9-я годовщина Октября» и «Жизнь коротка — искусство вечно».

Первый из них остался после Ноябрьских праздников, второй был постоянным, он, по-видимому, олицетворял культурно-эстетическое содержание помещения.

Пока жители погоста собирались, играл граммофон: исполня-

лись марши и песни. Перед самым началом собрания поставили пластинку с речью В. И. Ленина.

С большим докладом выступил специально прибывший из Колы представитель волисполкома. Он отчитался о работе Совета. Затем прошли перевыборы сельсовета, и были избраны представители на волостной съезд.

Такие собрания состоялись в губернии повсеместно к началу 1927 года. И везде тогда в погостах висели плакаты, красные буквы которых призывали: «Выбирай в туземный Совет трудящихся!», а черные — «Не пускай шамана и кулака!».

21 января 1928 года в торжественной обстановке открылся первый съезд Советов Ловозерского района. Делегаты съезда обсудили работу волостного исполкома (отчитывался М. Ф. Терентьев), наметили задачи по дальнейшему развитию оленеводства, рыболовства, охоты.

Об этом съезде Советов Зинаида Рихтер писала: «Съезд открылся в день годовщины смерти Ленина. Выступал председатель губисполкома. Это была не обычная митинговая речь, а скорее сказ об Ильиче. Обстановка тоже была не митинговая. Расселись кто где придется, больше на полу. Слушали внимательно, взволнованно, высвободив головы и уши из мехового капора малицы, часто поглядывали на портрет Ленина, освещенный поставленной сзади керосиновой лампой» [36].

Саамы знали В. И. Ленина и свято чтили его память. Писатель Всеволод Лебедев, живший среди лопарей, вспоминал, как в тундровой глухомани над входом в избушку он увидел высеченную топором надпись: «Ленин умир, ну дело его жывет».

В 1928 году на территории Мурманского округа действовали девять туземных Советов: в Понойском районе — Иокангский, Лумбовский, Сосновский, Понойский; в Кольско-Лопарском — Мотовский, Нотозерский, Кильдинский; в Ловозерском — Семиостровский и Воронинский. В Ловозере, Пулозере, Каменке и Екострове остались сельсоветы.

Активно включались в общественную работу женщины. В выборах в Советы зимой 1928/29 года в Ловозере участвовали 254 женщины из 489, и это считалось большим достижением. В сельский Совет избрали двух женщин. Тогда же впервые были лишены избирательных прав взрослые члены десяти семей коми и двух семей саамов, которые использовали наемный рабочий труд и имели стада более чем по тысяче оленей [37]. Эти факты говорили о возросшей социальной активности жителей тундры.

Начиная с 1925 года Ловозерский волостной, а затем районный Совет несколько лет возглавлял строительство первой тундровой дороги Пулозеро—Ловозеро.

Активно работали тундровые Советы в 30-е годы, являясь

Строительство дороги к Ловозеру

к тому времени настоящими и постоянно действующими органами государственной власти на местах. Под руководством партийных организаций они проводили политику ограничения и вытеснения кулачества, осуществляли землеводоустройство, решали финансовые и культурные вопросы.

Жители Кольской Лапландии стали чаще бывать в Москве и Ленинграде. В 1931 году саам А. М. Голых избирался на VI Всесоюзный и XV Всероссийский съезды Советов. Участниками первого съезда колхозников-ударников Ленинградской области в 1933 году были воронинский саам Е. И. Кузьмин и ловозерские оленеводы И. С. Рочев и П. Е. Филиппов. Именно тогда они встречались с С. М. Кировым. В 1934 году саам Герасимов приветствовал от имени оленеводов первый съезд советских писателей [38].

Среди членов сельских Советов Мурманского округа в 1934 году насчитывалось 43 саама, что составляло 10 процентов всех депутатов. Саамы возглавляли 6 сельсоветов. Они имели своих представителей в райисполкомах и в окрисполкоме. Среди делегатов IV Мурманского окружного съезда Советов, который состоялся в январе 1934 года, было 7 саамов[39].

Ленинградский обком ВКП(б) и облисполком уделяли малым народностям Мурмана постоянное внимание. В октябре 1936 года президиум Ленинградского областного исполнительного коми-

Саамы в русской одежде (1936 г.)

тета принял постановление «Об организационно-хозяйственной и культурной работе национальных районов Мурманского округа»[40]. Облисполком предлагал выдвигать национальные кадры на руководящую работу, улучшать культурное и медицинское обслуживание местного населения, закончить перевод всех оленеводов на оседлость. Принимались меры по укреплению Советов, коллективных оленеводческих и рыболовецких хозяйств.

Создание тундровых парторганизаций

В первые годы Советской власти партийные ячейки в тундре были малочисленны. В 1924 году в Ловозерской волости было всего два кандидата в члены РКП(б), и даже в 1925 году на учете в Мурманской губернской парторганизации не состояло ни одного саама. Из числа рабочих и участников революции и гражданской войны на работу в тундру были направлены коммунисты Г. И. Романов, В. А. Шарупич, И. И. Шевелев, С. А. Заборщиков[41].

Несмотря на малочисленность, Ловозерская парторганизация возглавляла всю работу по восстановлению оленеводческого хо-

зяйства, по организации новой жизни в тундре, направляла деятельность Советов, кооперации, комсомола. В течение 1925 года партячейка обсуждала вопросы о работе школы, о помощи избе-читальне, о праздновании 8 Марта. Были и более оригинальные формулировки, типа: «Проведение дня леса приспособить к проведению петрова дня»[42].

Идеологическую работу среди саамов и коми проводил молодой коммунист А. И. Михайлов. Он отвечал за работу комсомольской организации и избы-читальни. При его участии летом 1925 года в Ловозере создавался отряд чоновцев (ЧОН — части особого назначения). С ноября 1925 года в Ловозере работала совпартшкола, где занимались все коммунисты, 6 комсомольцев и 20 беспартийных[43].

Понойская волостная партячейка образовалась 1 октября 1924 года. Первоначально в нее вошли один член партии и три кандидата (парторг П. Г. Бачин). К марту 1926 года в ячейке было 10 коммунистов, а в ноябре того же года 4 саама приняты в кандидаты партии[44]. И с этого времени передовая, наиболее сознательная часть саамов стала постоянно вливаться в ряды Коммунистической партии.

6 февраля 1928 года Ловозерская партячейка приняла решение о подготовке к обобществлению индивидуальных оленеводческих хозяйств. Под руководством коммунистов во всех погостах прошли собрания бедноты — только в 1928 году более десяти.

К осени 1928 года в Ловозерском районе работали 4 члена и 6 кандидатов в члены партии. В парторганизации Понойского района насчитывалось 14 коммунистов.

В годы первой пятилетки тундровые парторганизации продолжали расти и укрепляться. Началось создание низовых партячеек — в колхозах, совхозах, районных учреждениях. Во второй половине 1930 года возникла партячейка в колхозе «Тундра», где состояло на учете 4 члена и 4 кандидата в члены партии; в конце 1930 года — кандидатская группа (2 члена и 3 кандидата) в колхозе «Красная тундра». Тогда же образовалась партийная ячейка работников совгосучреждений в Ловозере.

Бюро Мурманского окружкома ВКП(б) 19 июня 1931 года отмечало: коммунисты провели коллективизацию, и в колхозы вошла почти половина оленеводов, поголовье оленей в колхозах выросло на 23 процента, в тундре успешно шли культурные преобразования (90 процентов детей стали посещать школу). Однако в работе Ловозерской райпартячейки существовали и негативные моменты: в партийных ячейках недоставало коммунистов-саамов (из 7 человек, принятых за первое полугодие 1931 года, только один был саам); мало саамов выдвинуто на руководящую рабо-

ту (во всех звеньях районного руководства лишь 4 человека); еще не полностью устранены элементы вражды и неприязни между коми и саамами. Парторганизации тундровых районов Кольского полуострова получали постоянную помощь рабочих Мурманска и Хибиногорска, они опирались на комсомол, группы бедноты, кооперацию и профсоюзы.

Группы бедноты в 20-е годы активно действовали в Кольско-Лопарском, Ловозерском и Понойском районах. Состоявшаяся в декабре 1927 года окружная конференция бедноты обсудила вопросы о перевыборной кампании в Советах, о задачах коллективизации, о работе отдельных групп бедноты и определила задачи на ближайшее время. В работе конференции принимали участие 64 человека, среди которых были 4 саама, в том числе 2 женщины. В 1930 году в Ловозерском районе действовали четыре группы бедноты, объединявших 38 человек, с 1926 года существовал комитет взаимопомощи оленеводов.

Комсомольская организация в Ловозере образована в декабре 1924 года. В нее вошли 3 человека. Но она быстро росла. Одними из первых вступили в комсомол М. А. Забродин, С. И. Павлова, В. Ф. Рочева-Артиева, И. А. Трифонов.

Михаил Александрович Забродин приехал в тундру в 20-е годы. Он возглавлял в Ловозере комсомольскую ячейку, заведовал избой-читальней, которая размещалась в самом большом доме у реки Вирмы (там же находились комсомольский штаб, школа, жили две учительницы).

О влиянии комсомольской организации говорит тот факт, что комсомольцем стал сын ловозерского священника М. И. Распутина. (Отец Михаил был по национальности коми, а попадья русской.) И хотя говорили, что суровый отец жестоко бил сына за его убеждения, комсомолец активно участвовал в общественной жизни села. Зинаида Рихтер вспоминала, как молодой Распутин играл на сцене сельского клуба роль мужика старого закала и, копируя отца, топал ногами и ворчал: «В бога не верят, в церкву не ходят...» Причем делал это так достоверно, что все зрители покатывались со смеху.

Росла комсомольская организация и в другой национальной волости — Понойской; в 1926 году там было 14 комсомольцев.

Особенно оживилась работа тундрового комсомола в 30-е годы. Комсомольцы активно участвовали в организации помощи кооперации, проведении коллективизации, в работе среди бедноты. Активным комсомольцем по праву считался житель Воронинского погоста Григорий Александрович Фефелов. Впоследствии он много лет работал председателем колхоза «Доброволец», за добросовестный труд награжден орденом Октябрьской Революции.

На приеме у первого секретаря Ловозерского райкома партии Г. В. Елисеева

Примером в труде являлся в те годы и комсомолец из Краснощелья Василий Юрьев. Он всю жизнь проработал на Мурманской опытной оленеводческой станции. Ему первому из саамов было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Активно участвовал в общественной жизни, добивался высоких показателей в труде молодой оленевод Федор Юрьев. В начале 1941 года его направили на курсы председателей колхозов. Но доучиться не успел — его призвали в армию. Он храбро воевал и погиб на фронте.

Участвовали комсомольцы во всех культурных преобразованиях в погостах. Комсомолец Петр Бекренев заведовал клубом в Ловозере. Он и учителя Н. Юшкевич и И. Соколов организовали художественную самодеятельность, хор при клубе. Не забывали и о традиционных для тундры видах спорта: в 1935 году комсомольцы провели переход на оленях по маршруту Мурманск—Ленинград.

Продолжали расти ряды партийных организаций. На Ловозерской районной партконференции, состоявшейся 26—28 ноября 1931 года, присутствовало 13 членов ВКП(б), 10 кандидатов и около 100 сочувствующих. По данным статистического отчета за второй квартал 1933 года, в Ловозерском районе было 49 коммунистов, из них 25 человек из национальных групп северных

народностей (7 членов ВКП(б) и 18 кандидатов, в том числе 6 женщин). В Понойской парторганизации из 39 коммунистов — 27 саамов и коми[45]. И хотя после чистки рядов партии и проверки партийных документов численность тундровых партийных организаций несколько сократилась (на 1 января 1937 года в Мурманской парторганизации было 16 саамов и 10 коми)[46], коммунисты оставались ведущей и руководящей силой в осуществлении социалистических преобразований в тундре.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Социалистические преобразования 20-х годов затронули в тундре главным образом сферу социально-политических отношений: ликвидировалась система эксплуатации человека человеком, укреплялись органы народовластия, саамы приобщались к общественной жизни. Активную деятельность в этом направлении осуществляли партийные организации, местные Советы, кооперация.

Подготовительная работа по проведению коллективизации развернулась в оленеводческих районах после XV съезда ВКП(б), состоявшегося в декабре 1927 года. Началось переустройство тундрового хозяйства: ломка вековых традиций в оленеводстве, затрагивающая хозяйственные, бытовые, национальные, культурные и другие проблемы.

Необходимо было в кратчайший срок в корне перестроить экономику оленеводческого хозяйства, внедрить коллективные способы производства, изжить натуральность оленеводства и повысить его рентабельность, ликвидировать имущественное неравенство, когда одни саамы не имели оленей, а стада других насчитывали по 500—1000 голов. Следовало покончить с кочевым образом жизни оленеводов, устранить вражду между коми и саамами, между ненцами и коми из-за пастбищ и районов промысла, поднять грамотность и культурный уровень саамского населения, улучшить его материальное благосостояние.

Первые шаги

Однако решение всех этих задач в ходе коллективизации шло с огромными сложностями, так как отсутствовали опыт, подготовленные кадры, техническая база, достаточные финансовые средства.

Коллективные хозяйства в Кольской Лапландии появились в 1928 году: в мае создана крестьянская артель в деревне Голицыно и саамская — в погосте Воронье, летом — рыболовецкий колхоз в Иоканге, в октябре — товарищество «Опыт» в Ловозере. В это товарищество первоначально вошли 27 человек, но дела шли так плохо, что вскоре осталось только 9. Руководству партячейки нелегко было убедить оленеводов в разумности и выгоде коллективного труда [1].

И тем не менее обобществление оленеводства продолжалось. Весной 1929 года в Ловозере образовались два новых оленеводческих колхоза. Один за другим потянулись в колхоз саамы Н. П. Галкин, С. А. Данилов, Е. А. Захаров, Г. Ф. Кириллов, И. М. Галкин, В. И. Матрехин, А. Н. Павлов, братья Семяшкины. Началась коллективизация и в других погостах. В первой половине 1929 года возникла артель «Оленевод» в селе Ивановке, переименованная позже в колхоз «Красная тундра».

Объединенный пленум Мурманского окружкома и окружной контрольной комиссии ВКП(б) в мае 1929 года признал, что директивы II окружной партконференции по колхозному строительству проводятся в жизнь неудовлетворительно. Пленум принял решение усилить темпы коллективизации, проверить все оленеводческие артели, укрепить их кадрами [2].

Первая волна колхозного строительства на Мурмане — 1928—1929 годы — прошла недостаточно организованно и продуманно. Артели создавались маленькие, нередко состояли сплошь из родственников. Первые колхозы обычно были однонациональными. Весной 1929 года, когда саамы ушли из зимних погостов в тундру, все колхозы фактически распались.

Зимой 1929/30 года начался второй этап колхозного строительства на Кольском полуострове. В ноябре 1929 года образовался оленеводческий колхоз «Север» в селе Поной. Коммунисты волостной партячейки первыми вошли со своими семьями в новую артель. Особенно быстро росли колхозы в январе — феврале 1930 года: тогда в ловозерский колхоз поступило 71 заявление о приеме, в ивановский — 30, в семиостровский — 26, в воронинский — 21.

С появлением в печати статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» и нового постановления ЦК ВКП(б) по вопросам колхозного строительства процесс роста колхозов несколько приостановился. Более того, саамы и коми стали выходить из

колхозов. В Семиостровье вышло 18 хозяйств, в Ивановке — 5. Заколебались многие колхозники в Ловозере. К марту 1930 года в коллективных хозяйствах Ловозерского района находилось лишь 18 процентов оленьего поголовья (10 189 голов), тогда как у кулаков — 54 процента (31 480 голов)[3].

Говоря о причинах распада первых оленеводческих колхозов, саам А. П. Герасимов в журнале «Тайга и тундра» писал, что первые колхозы разваливались из-за непонимания принципов коллективной работы в тундре, слабой организации труда, отсутствия должного руководства. Конечно, рассчитывать на то, что вековые традиции индивидуально-семейного оленеводства, частнособственническая психология жителя тундры, его привязанность к «своим» оленям, к «своим» ягельникам, озерам и рекам исчезнут сразу, было нельзя. Для этого требовались время и долгая кропотливая работа. И все же 1930 год для коллективизации оленеводов имел особое значение. В ловозерский колхоз вступило 44 процента хозяйств, в стаде колхоза насчитывалось 4520 оленей. Еще более организованно проходила коллективизация в Понойском районе, где на 1 апреля 1930 года в колхозы вошли 137 хозяйств, в том числе в Поное — 53, в Иоканге — 42, в Лумбовке — 26, в Сосновке — 16[4].

Третий этап колхозного строительства на Кольском полуострове развернулся зимой 1930/31 года. К этому времени не только бедняки — их тогда звали малооленными оленеводами, — но и середняки поняли преимущества коллективного труда. В колхозах внедрялся выпас оленей с постоянным окарауливанием, государство оказывало оленеводческим хозяйствам всяческую помощь, колхозники-саамы получали ссуды на строительство домов. Совершенствовалась и структура колхозов: Иокангскую промысловую артель преобразовали в рыболовецкий колхоз «Авт-Варрэ» («Искра»), реорганизовались колхозы в Лумбовке и Сосновке.

К началу 1932 года в Понойском районе существовало 4 колхоза. В понойской артели «Север» работали 62 русские и 4 коми семьи, в иокангском колхозе «Авт-Варрэ» — 37 саамских и одна русская, в лумбовском «Просвете» — 24 саамские и 3 русские и в сосновском колхозе «Путь оленя» — 13 саамских, 13 русских и одна коми[5]. На 15 февраля 1932 года в Кольской Лапландии было кооперировано более половины кочевых оленеводов, тогда как в целом по СССР коллективизация в национальных районах Крайнего Севера достигла только 12 процентов по числу обобществленных хозяйств и 3,3 процента — по числу оленей[6].

Обострение классовой борьбы

Коллективизация оленеводческих хозяйств на Мурмане проходила в обстановке острой

классовой борьбы, которая шла явно или подспудно во всех погостах, во всех тундровых районах. В ней невольно участвовали почти все оленеводы — саамы, коми, ненцы. В каждом населенном пункте были бедные и богатые, между которыми и развернулась борьба.

В первый период коллективизации политика ограничения и вытеснения кулачества сводилась к чисто административным мерам: разоружение богатых оленеводов (у них изымались винтовки), исключение из кооперативов, кулаков не стала обслуживать оленеводческая станция. Дело доходило до того, что в Ловозере пытались запретить кулакам пользоваться избой-читальней.

Кулаки применяли в борьбе с Советской властью разнообразные средства. Угрожали беднякам, клеветали на партийных и советских работников, умышленно забивали оленей. Рассчитывали они при этом на темноту и невежество саамов. Весной 1930 года в Мурманск поступило сообщение из Ловозера, что кулаки всячески препятствуют созданию колхозов, распускают провокационные слухи. «Войдете в колхоз, — говорили кулаки оленеводам, — будете батраками, а стада ваши перейдут в пользование государства... В колхозе всем будут давать полуголодные пайки... Церковь закроют... Женщины и дети будут в колхозе общими»[7]. В тундре вполголоса говорили о сорокаметровых одеялах, которые шьются для каждого колхоза и под которыми будут спать все саамы.

В Семиостровском погосте агитацию против коллективизации вели кулаки Е. Ф. Захаров и И. В. Мелентьев. Стадо последнего насчитывало 1600 оленей. Богатеи спаивали колхозников, распространяли среди них последние новости, что «Советы бегут», сагитировали более 20 человек выйти из колхоза. В Пулозере ожесточенным врагом колхоза стал Кондрат Архипов, в Ивановке — братья Ануфриевы. Имущество Андрея Ануфриева оценивалось в 134 тысячи рублей, на него работали десятки батраков, одной упряжи в его хозяйстве было более 150 комплектов. Не желая расставаться с нечестно нажитым, а порой и просто награбленным имуществом, кулаки Ануфриевы начали убивать оленей. Только летом 1930 года они забили 200 голов, объявляя односельчанам: «Пусть лучше волки съедят, чем достанутся Советской власти»[8]. Не отставали от Ануфриевых кулак Платон Артиев и его сын. Они грозились застрелить двадцатипятитысячника И. П. Пенькова, а председателя сельсовета утопить в реке Поной.

По наущению врагов Советской власти в тундре поговаривали о приближающейся ликвидации колхозов. В ряде погостов кулаки перешли к саботажу. Они уничтожали ягельники, на-

травливали подкулачников и с помощью своих людей убивали оленей. Осенью 1930 года охотники случайно обнаружили в тундре 146 спрятанных оленьих туш. Олени, как выяснилось, были забиты по указанию бывших хозяев.

Классовые противоречия в тундре осложнялись национально-религиозными трениями. Не случайно в отчете Ловозерского райисполкома за 1929/30 год говорилось о фактах скрытой национальной розни. Именно поэтому в районном центре первоначально и возникло два колхоза — один саамский («Лопарь»), другой — коми («Оленевод»)[9].

Организаторами борьбы с кулачеством в тундре стали коммунисты, которые повели за собой бедноту. В одном из протоколов партсобрания того времени читаем: «За последнее время усилилась агитация кулацких элементов среди населения... что ухудшило ход работ по коллективизации. Источником скрытой антиколхозной агитации служит местное кулачество». Собрание коммунистов решило: «Выяснить всякие антиколхозные мнения, появляющиеся среди колхозников, разъяснять их неправильность и вредность, выявить источники антиколхозной агитации... Ускорить дело с разрешением вопроса внутреннего распорядка колхоза, производственного плана, чтобы при выезде колхозников в тундру иметь твердую производственную установку»[10].

Большую работу по организации борьбы с кулачеством и по укреплению тундровых колхозов провели посланцы Мурманской окружной парторганизации: в Ловозере — член ВКП(б) с 1925 года Я. С. Замотаев; в Воронинском погосте — молодой, 23-летний коммунист, в прошлом грузчик Мурманского порта Л. И. Коршунов; в Ивановском — рабочий Иван Пеньков. Посильную помощь им оказывали выдвиженцы из саамов: 55-летний А. М. Телышев, 20-летний Е. Е. Матрехин, беспартийный М. В. Кириллов и председатель сельсовета П. Д. Телышев. Это по их настоянию в августе 1931 года состоялся открытый судебный процесс над кулаками Ануфриевыми и Артиевыми.

Борьба с кулаками и усиление работы с бедняцкой частью населения и батрачеством, привлечение на сторону Советской власти середняков дали ощутимые результаты. В конце первой пятилетки Ловозерский райком партии докладывал окружкому ВКП(б): «Настроение колхозников удовлетворительное. Неустойчивый элемент из колхозов выбыл, и идет медленное пополнение состава колхозников вновь поступающими гражданами»[11].

Ошибки и перегибы

Однако такой сложный социально-экономический процесс, как коллективизация оленеводческих хозяйств, не обошелся без ошибок. Стремясь быстрее обобществить все тундровые хозяйства, в погоне за высоким процен-

том коллективизации в национальных районах были допущены левацкие перегибы, в ряде мест извращена политика партии. Серьезную ошибку сделал и Мурманский окружком партии, который утвердил решение об обобществлении поголовно всех оленей. Указания ЦК ВКП(б) о темпах и сроках коллективизации и постановление Ленинградского обкома ВКП(б) от 7 апреля 1930 года о коллективизации в оленеводческих районах нарушались. В ряде мест вместо вдумчивой массовой политической работы с оленеводами ставили вопрос ребром: «Кто за колхоз — за Советскую власть, а кто вне колхоза — ее враг!» Тем не менее различные ошибки и перегибы, допущенные на местах, не могли решающим образом повлиять на прогрессивную революционную сущность коллективизации саамов, стоявших до того на полупатриархальной стадии развития.

22 июня 1932 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О неправильном решении Мурманского окружкома от 21 мая 1932 года по вопросу обобществления оленей», где говорилось «о недопустимости проведения сплошной коллективизации хозяйств отсталых народностей Севера, допуская лишь первичные формы кооперирования»[12]. Это постановление обсуждалось в июле 1932 года на III объединенном пленуме Мурманского окружкома и окружной контрольной комиссии ВКП(б)[13].

1 сентября 1932 года ЦК ВКП(б) принял новое постановление, в нем подчеркивалось: «В районах народностей Крайнего Севера основное и главное внимание сосредоточить на организации лишь первичных форм производственного кооперирования...

В тех районах, где было допущено при коллективизации обобществление всех оленей, немедленно выделить необходимое количество оленей в личное пользование колхозников тех колхозов (артелей), которые можно оставить как колхозы, полностью окрепшие, при непременном условии, что сами колхозники добровольно желают сохранить колхоз (артель)»[14].

19 ноября 1932 года бюро Мурманского окружного комитета ВКП(б) рассмотрело вопрос «О реализации решений ЦК ВКП(б) по исправлению допущенных извращений при коллективизации оленеводческих хозяйств в Ловозерском районе» и послало в Ловозеро на месяц группу партийных работников для оказания помощи тундровым парторганизациям[15].

Выполняя решения постановлений Центрального Комитета партии и устраняя левацкие перегибы, допущенные при коллективизации, Мурманский окрисполком принял решение — вернуть оленеводам 8400 оленей[16]. Количество оленей, выделенных в личное пользование колхозников, устанавливалось и утверждалось на общих собраниях в зависимости от величины артельного стада и численности семьи оленевода. В среднем по округу

оставляли по 10—12 голов на семью.

Исправлялись и другие ошибки. Восстанавливались в политических правах середняки, подпавшие под раскулачивание. Участник событий тех лет писал: «Нужно отметить, что среди лопарей очень мало кулаков. В Воронинском погосте ряд лопарей были объявлены имущими, но позднее, на собрании лопарей при участии представителей Мурманска, было выяснено, что большинство хозяев кулаками сочтено неправильно, и им были возвращены права. Только два или три хозяина в этой части Кольской тундры являются подлинными кулаками, эксплуататорами и лишены прав. Среди ижемцев кулаков больше»[17].

Всего же на Кольском полуострове были реабилитированы 9 раскулаченных саамских семей, им возвратили и оленей.

Тщательно пересматривался состав всех 14 оленеводческих колхозов, в результате чего число колхозников сократилось на 10 процентов, но артели стали значительно сплоченнее и сильнее. В период подготовки к отельной кампании 1933 года партячейки проверили и укомплектовали бригады пастухов, а оплату их труда поставили в прямую зависимость от выполнения производственных заданий.

Выяснилось, что в ряде случаев тундровые колхозы созданы преждевременно. По решению оленеводов артель «Одд-Ялл» в Семиостровском сельсовете преобразовали в товарищество «Арсйок», а колхоз имени Ленина в Воронинском сельсовете — в товарищество «Саам».

Не удалось избежать ошибок и при создании оленеводческих совхозов. Профессор И. М. Исайчиков в 1931 году писал, что первый оленесовхоз на Кольском полуострове организован зимой 1929/30 года Ленинградским отделением Госторга. Оленей для совхоза закупили у местных кочевников, и первое время — до окончательной оплаты — они находились у старых хозяев. Поэтому и в 1931 году трудно было сказать, сколько в совхозе оленей: одни говорили 749, другие — 6000, третьи — 11,5 тысячи.

Начинать деятельность совхозу пришлось в сложных условиях: без выделенных пастбищ, без определенных мест кочевий и забойных пунктов. В первый год работы не было ни одного ветеринара. И только в ноябре 1930 года прислали из Ленинграда двух военных фельдшеров, впервые в жизни увидевших оленей. «Эти лица, — писал И. М. Исайчиков, — оказались здесь в беспомощном положении, так как они не знали, что им тут делать, ибо у них не было ни надлежащих инструкций, ни медикаментов, ни инструментария, ни руководства со стороны более осведомленных в оленеводстве товарищей»[18].

В совхозе не хватало пастухов, упряжи, оленегонных собак,

из-за плохого окарауливания стад начались кражи оленей. Часть заготовленной оленины пришла в негодность и была скормлена песцам на звероферме.

Как видим, оленеводческие колхозы и совхозы Кольского полуострова в первые годы существования переживали серьезные трудности. Во-первых, оленьи стада значительно сократились по сравнению с 1928 годом. Много оленей забили кулаки и браконьеры. Значительное число молодняка погибло в укрупненных стадах из-за плохого выпаса и охраны. Во-вторых, отсутствовал опыт коллективного ведения хозяйства, часто нарушался принцип материальной заинтересованности, нуждалась в совершенствовании система оплаты труда оленеводов. В-третьих, помощь государства не могла быть и не была всеобъемлющей. Хотя государство и выделяло для оленеводов необходимые кредиты, но их для развития колхозов и совхозов не хватало.

Рост и укрепление колхозов

Вслед за созданием крупных оленеводческих хозяйств нужно было решить не менее важную задачу — укрепить их в организационно-хозяйственном и политическом отношениях. Каждому колхозу, совхозу и товариществу стали выделять в постоянное пользование пастбищные участки, устанавливать маршруты движения стад, определять места для стоянок и отела. Весной зоотехники и ветеринары инструктировали пастухов, в тундру доставляли ветмедикаменты. Только в период отельной кампании 1933 года в оленеводческих районах Мурмана работали 10 зоотехников, 3 ветврача, тогда как в 1932 году в тундре было всего 3 ветеринарных работника. Снижение заболеваемости оленей, окарауливание стад способствовали росту их поголовья. Между бригадами и колхозами развернулось социалистическое соревнование за сохранение оленьего поголовья, за лучшую работу во время отельной кампании.

В 1933 году отел оленей прошел более организованно, чем когда-либо раньше. Если в 1932 году приплод стада составлял 87,8 процента, то в 1933 году — 89,2 процента. Вдвое сократился отход молодняка.

В первом стаде колхоза «Красная тундра» от 600 важенок получили 538 телят. Так же хорошо шли дела в колхозе «Красноцелье», в стаде прибавилось 783 оленя [19].

Некоторые итоги коллективизации на Мурмане подвели на окружном совещании оленеводов, которое состоялось осенью 1933 года в Мурманске. На совещании много говорилось о борьбе с копыткой (наиболее распространенной болезнью оленей), о правильно организованном выпасе, о хорошо проведенных

отельных кампаниях, о племенной работе в стадах. Особое внимание обращалось на нерешенные вопросы в снабжении: приводились факты, когда в тундру забрасывали гитары и балалайки вместо охотничьих припасов и рыболовных снастей. Отмечались слабая политико-просветительная работа в тундре, отсутствие газет, литературы, недостатки в работе красных чумов, плохая связь и т. д. Совещание прошло под лозунгом организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Впервые в истории оленеводства кольские саамы и коми начали организованную борьбу с копыткой. В ряде колхозов создали карантины для больных оленей. Летом 1934 года на борьбу с эпизоотией в оленьи стада выехали 20 ветеринарных врачей и техников, а также группа научных сотрудников, возглавляемых профессором Ф. А. Турандиным.

Оленеводческие хозяйства округа активно участвовали в 1934 году в соревновании-конкурсе, проводимом Наркомземом РСФСР и Интегралцентром. За хорошие показатели колхоз «Тундра» получил четвертую премию (1000 рублей и ружье), товарищество «Саам» — пятую премию.

Общая картина коллективизации оленеводческих хозяйств Мурманского округа к 1934 году выглядела следующим образом[20]:

Районы	Количество колхозов	Число производственных товариществ	Процент коллективизации
Ловозерский	3	2	45,3
Понойский	4	—	94,0
Кольско-Лопарский	7	2	34,4
Итого по округу	14	4	48,0

В среднем в колхозах тогда было по 20—30 хозяйств, но существовали колхозы по 60—70 дворов и артели по 10—15. Из 14 колхозов, объединивших свыше 400 оленеводов, только один (в Пулозере) был саамский, все остальные — многонациональные. В чальмны-варрском колхозе жили русские, саамы, коми, ненцы; в восмусском — саамы, финны и русские. Национальный состав товариществ выглядел более однородным.

Коллективизация оленеводческих хозяйств потребовала перехода кочевых и полуоседлых саамов к оседлой жизни. Стало ясно, что без этого невозможно было научить оленеводов новому, сделать их настоящими колхозниками, приобщить к артельной деятельности и культуре.

В тундре строятся дома

Создавался и новый быт саамов — строились дома, школы, больницы, детские сады. В 1936 году в колхозе «Одд-сийт» Чудзьяврского сельсовета Ловозерского района заселено 5 домов, а в 1937 году под крышей стояли еще 9. В артели «Красная тундра» бывшие батраки А. Терентьев, П. Пелькин, Л. Матрехин, не имевшие раньше теплого угла, вселялись в новые дома. Колхозники стали держать коров и овец. Жизнь саамов, коми и ненцев, вступивших в колхозы, улучшалась с каждым годом.

Пополнение колхозов за счет единоличных хозяйств шло постоянно. В 1933 году из 360 саамских хозяйств, находившихся в сельской местности Мурманского округа, более 200 вошли в колхозы. В целом по Крайнему Северу СССР в колхозах и совхозах работало до 40 процентов трудового населения, а на Кольском полуострове в колхозы вступило 57 процентов саамских хозяйств[21].

Колхозники артели «Просвет» (Лумбовка) рапортовали в конце 1936 года, что в честь VIII Всесоюзного съезда Советов, принявшего новую Советскую Конституцию, они перевыполнили план по добыче рыбы и по оленеводству. Саамы стали жить обеспеченнее, чем до коллективизации.

К концу второй пятилетки в Саамском районе (он создан в июле 1936 года) росли и набирали силу 7 колхозов, объединяв-

ших 248 хозяйств. В воронинский колхоз «Доброволец» входили 34 хозяйства, а оленье стадо составляло 665 голов. Непрерывно росло поголовье оленей и в других колхозах. Если в 1935 году в Саамском районе насчитывалось 16 609 оленей, то в 1939-м — уже 20 926[22].

В колхозах стала внедряться сдельщина, утвердилась оплата труда по трудодням. С каждым годом возрастала помощь государства. Колхозы Ловозерского района только в 1937 году получили 73 тысячи рублей долгосрочных ссуд.

Организационно-хозяйственное укрепление оленеводческих колхозов на Кольском полуострове в целом шло успешно. По удельному весу обобществленных оленей Мурман опередил другие районы Крайнего Севера. В 1934 году в заполярных колхозах страны числилось лишь 10 процентов оленьего поголовья, а в совхозах — 9; на Мурмане в колхозах и совхозах было более 75 процентов всего оленьего стада. Поголовье оленей на Кольском полуострове в 1937 году составляло 75 тысяч[23].

Землеводоустройство

Одной из причин, обеспечивших успех коллективизации на Кольском полуострове, явилось своевременное и правильное проведение землеводоустроительных работ. Старое землепользование страдало серьезными недостатками: оленьи пастбища не имели определенных границ, маршруты кочевий доходили до 500 километров, часть ягельников вообще была бесхозной, и ими пользовались беспорядочно, маршруты стад пересекались. Споры между государственными организациями и местным населением о праве рыболовства на тех или иных водоемах не прекращались. Колхозы зачастую не пользовались льготами, предусмотренными законом в отношении предоставления им лучших и наиболее удобно расположенных угодий.

Колхоз «Краснощелье» до землеводоустройства владел двумя участками территории, причем часть пастбищ и угодий располагалась в центре, а другая — в восточной части полуострова. Оленьи стада колхоза при перекочевках пересекали маршруты и территории четырех хозяйств, а протяженность кочевых путей составляла 470 километров.

У колхозов Ловозерского района ягельники находились в пяти местах, разбросанных по всему полуострову. Чересполосность и дальнеземелье — вот главные беды большинства колхозов при старом землепользовании.

Вопрос о проведении землеводоустройства в масштабах страны рассматривался еще в марте 1928 года, на заседании V расширенного пленума Комитета Севера. В числе выступавших был В. К. Алымов, представлявший интересы малых народностей

Кольского полуострова. В принятом Комитетом Севера постановлении по докладу П. Г. Смидовича отмечалось, что решение проблем землеустройства усилит базу хозяйственного строительства в Заполярье, будет способствовать укреплению органов власти, повысит экономическую и политическую активность местного населения.

Тогда же, в конце 20-х годов, на Кольском полуострове началось активное обсуждение вопросов рационального использования пастбищ и рыбных угодий. Землеустроительная экспедиция прибыла в Поной в сентябре 1929 года. Работа по землеводоустройству в Ловозерском районе широко развернулась весной 1932 года. Только в этом районе в довоенные годы было затрачено на такие работы более 500 тысяч рублей, выделенных государством [24].

И результаты не заставили себя ждать. Землеводоустройство территории, прилегающей к Краснощелью, позволило сократить маршруты кочевий оленьих стад более чем вдвое (с 470 до 210 километров), уменьшить расстояние от мест зимовки до отельных долин со 185 до 46 километров, ликвидировать пересечение маршрутов. Благодаря землеводоустройству краснощельский колхоз быстро освоил выделенные ему территории, снизил потери молодняка, обеспечил прирост стада, повысил доходность хозяйства.

К 1934 году землеустроительные работы в Мурманском округе были проведены на площади 11,7 миллиона гектаров. Значение землеводоустройства как составной части коллективизации можно свести к следующим моментам.

Во-первых, землеводоустройство узаконило новые места общественных рыбных угодий и оленьих пастбищ; саамы окончательно простились с патриархально-родовыми тонями и ягельниками, получив в свое пользование огромные площади рыбных, охотничьих и сельскохозяйственных угодий.

Во-вторых, при землеводоустройстве определили места водопоев, отела, забоя, что облегчало пастьбу оленей и охрану стада и способствовало внедрению в оленеводство научно обоснованных нормативов и рекомендаций.

В-третьих, землеводоустройство положило начало установлению более тесных и добрососедских отношений между хозяйствами, в которых работали саамы (колхозы, товарищества, совхозы, оленеводческая станция и т. д.).

В-четвертых, землеводоустройство ускорило развитие не только оленеводства, но и других тундровых промыслов.

Развитие рыболовства и иных промыслов

Коллективизация дала дополнительные экономические стимулы развития не только оле-

неводству, но и другому древнейшему занятию саамов — рыболовству. Накануне первой пятилетки на 371 саамское хозяйство приходилось 205 лодок, 190 карбасов, 182 невода, 4245 сетей, 424 тюка ярусов [25]. Как видим, в целом саамы были неплохо оснащены для рыбного промысла.

После организации колхозов и их укрепления рыболовство развивалось на новых, бригадных началах. Колхозники артели «Авт-Варрэ» Понойского района в 1933 году продали кооперации 100 центнеров рыбы. «И все это, — говорил председатель колхоза саам Тит Матрехин, — не в ущерб оленеводству» [26]. В 1934 году в Понойском районе выловили 590 центнеров семги, а в 1939 году — уже 1553. Особенно много добывали рыбы в колхозах «Искра» и «Одд-сийт».

Почти во всех колхозах Ловозерского района были созданы рыболовецкие бригады, которые работали на тундровых озерах и реках круглый год. В 1933 году, к примеру, колхозы района сдали государству 1500 центнеров рыбы.

Социалистический общественный способ производства, всесторонне развивая производительные силы Кольской Лапландии, способствовал внедрению в тундровую экономику таких отраслей хозяйства, как животноводство и растениеводство. В погостах появились молочнотоварные фермы, скотные дворы, автомобили, тракторы. Родившийся в дымной веже саам В. Н. Юрьев (в 1970 году ему присвоено звание Героя Социалистического Труда) рассказывал: «Сейчас мне вспоминается 1936 год, когда в Ловозере появился первый трактор. На улицу высыпали и стар и млад. Рассматривали диковинную по тем временам машину, боязливо притрагивались к деталям. Не верили, что трактор сам может сдвинуться с места» [27].

В Ловозерском районе в 1936 году имелось 238 голов крупного рогатого скота и 600 овец. Саамы работали на пяти молочнотоварных, трех оленеводческих и двух свиноводческих фермах. Успешно шли дела в животноводстве Понойского (Саамского) района: в 1934 году там насчитывалось 80 голов крупного рогатого скота, а в 1939-м — 107. Возникли молочнотоварные фермы в колхозах «Искра» и «Север» [28].

Распространялось в Кольской тундре и земледелие: на небольших еще пока полях появились посевы овса, кормовых трав, посадили картофель. С переходом к оседлости саамы стали заниматься земледелием более интенсивно. Площадь колхозных полей увеличилась в 1936 году вчетверо по сравнению с 1932 годом. Правда, посевные площади колхозов зачастую являлись не сплошными массивами пашни, а лишь огородными участками. И тем не менее в 1936 году колхозы обрабатывали 254 гектара под кормовые травы и свыше 80 — под овощи

и картофель. Расширялось производство овощей в закрытом грунте.

Развитие животноводства и земледелия изменило структуру доходов колхозов. В 1930 году колхоз «Тундра» от оленеводства получил 95 процентов валового дохода. В 1937 году доход от оленеводства вырос в полтора раза, но его удельный вес упал. Животноводство и земледелие давали 20 процентов дохода.

Во второй половине 30-х годов Советское государство усилило финансовую помощь оленеводческим хозяйствам. К весне 1938 года только сельскохозяйственный банк предоставил кредитов на сумму 1,2 миллиона рублей. Все оленеводческие колхозы Мурмана в 1935—1936 годах, то есть значительно раньше, чем в остальных районах Крайнего Севера СССР, перешли на примерный Устав сельскохозяйственной артели.

Завершение социалистических преобразований

Процесс социалистического преобразования патриархального хозяйства саамов, ненцев и коми на Кольском полуострове закончился в основном к концу 30-х годов. В тундре исчезло социальное расслоение, ушли в прошлое классовые противоречия и национальная рознь. Бывшие кочевники переходили к оседлому образу жизни, изменился их быт, национальная по форме и социалистическая по содержанию культура проникала в далекие погосты.

К началу третьей пятилетки в основном завершилась коллективизация оленеводческих хозяйств Мурмана. В Саамском районе колхозы объединяли 99 процентов хозяйств, в Ловозерском районе — свыше 60. Общее количество оленей в колхозах этих двух районов возросло с 13 570 голов в 1933 году до 24 670 в 1938-м, примерно в два раза.

Почти одновременно с организацией колхозов в Мурманском округе стали создаваться оленеводческие совхозы. Они должны были стать образцами культурного оленеводческого хозяйства, снабжать колхозы племенным молодняком, вести опытно-исследовательскую работу, результаты которой должны были иметь значение для всего оленеводства. Кроме того, совхозы должны были стать настоящими культурными центрами в тундре.

В 1930 году на Кольском полуострове насчитывалось три оленеводческих совхоза. Наиболее крупным из них был красношельский совхоз, в стадах которого насчитывалось 12 тысяч оленей[29]. В 1935 году в совхозах было сосредоточено 22 процента всех оленей Кольского полуострова.

Совхозы становились опорными пунктами преобразования тундровых районов, в них росли, формировались и укреплялись кадры рабочего класса. Решением секретариата Мурманского

Саамы-колхозники из артели «Доброволец»

окружкома партии от 7 июля 1933 года в оленеводческих совхозах созданы политотделы [30].

Совершенствование производственных отношений, повышение рентабельности оленеводства, рост сознательности саамов позволили преобразовать товарищества по совместному выпасу оленей в колхозы. Товарищества «Саам» Чудзьяврского сельсовета и «Арсйок» Семиостровского сельсовета реорганизовали в колхозы «Одд-сийт» и «Арсйок», товарищество «Саам» Воронинского сельсовета — в колхоз «Доброволец».

Саамские колхозы «Тундра» и «Красная тундра» в Ловозерском районе и «Север» в Саамском были признаны лучшими оленеводческими колхозами не только Мурманской области, но и европейского Севера СССР.

Колхоз «Тундра» успешно развивал оленеводство, вел промышленное и жилищное строительство. В Ловозере появились новые дома, гараж, большой скотный двор, свинарник, овощехранилище. За успехи в развитии общественного производства колхоз-миллионер получил в 1940 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке диплом I степени и грузовую автомашину. Эти успехи явились результатом упорного труда оленеводов, чьи имена украшали тогда Доску почета: бригадиров Н. П. Галкина, Ф. Н. Юрьева, Г. Ф. Кириллова, пастухов А. Я. Семяшкина, П. Н. Юрьева и Л. Е. Юрьева.

В Саамском районе, где до войны оленеводство давало до

Идет переучет оленей

30 процентов выпускаемой продукции (по стоимости), отлично шли дела в колхозе «Север». В хозяйство накануне войны входило 12 рыболовецких и 3 оленеводческие бригады. В колхозе насчитывалось 118 трудоспособных работников. Колхоз построил оленеводческую базу, овчарню, три рыбацкие избушки, приобрел электростанцию, моторную дору.

На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву от Саамского района в 1941 году были направлены колхозницы Е. С. Матрехина и В. М. Харлина, рыбак П. П. Долгих [31].

По опубликованным данным, валовой доход колхоза «Тундра» составлял в 1933 году 257 тысяч рублей, а артели «Север» — 118 тысяч. На каждый трудодень саамы Ловозера заработали тогда по 9,3 рубля, Поноя — 6,8. Кроме денежной оплаты, саамы получали за свой труд мясо, рыбу, продукты животноводства и растениеводства. Излишнюю продукцию они реализовали на колхозных ярмарках, которые регулярно проводились в Мурманске, Ловозере, Поное. Оленеводческие хозяйства и колхозники-саамы продавали на них мясо по 3—4 рубля за килограмм, рыбу — по рублю, молоко — по 1,3—1,5 рубля за литр [32].

Чтобы нагляднее представить доходы колхозников в то время, надо сказать, что рядовой член колхоза «Искра» Н. И. Матрехин имел в 1936 году 450 трудодней, а его однофамилец А. С. Матрехин из колхоза «Север» — 420 трудодней. Средний годовой доход на одно хозяйство Понойского (позже Саамского) района в 1930 году составлял 309 рублей, а в 1938-м — уже

5950 рублей. В 1937 году колхозникам Ловозера начислили на каждый трудодень по 12 рублей, а в чудзьяврском колхозе «Одд-сийт» — по 10 рублей. Такие же высокие заработки были и в других хозяйствах [33].

Однако даже в крепких саамских колхозах оставалось много недостатков и недоработок. Так, колхоз «Тундра» только наполовину выполнил в 1939 году план по добыче рыбы. Колхоз «Север» в 1940 году не справился с заданием по рыболовству и оленеводству. Колхоз «Искра» не вытянул план 1940 года ни по оленеводству, ни по рыболовству. И тем не менее в жизни саамских хозяйств превалировало положительное. Саамы-колхозники стали жить зажиточнее и культурнее.

Становились все более тесными связи тундровых колхозов и совхозов с рабочим классом страны. Рабочие Ленинграда, Мурманска и Хибиногорска помогали саамам в борьбе с кулачеством, налаживали работу первых колхозов, сельсоветов, изб-читален. Мурманский торговый порт взял шефство над колхозами «Тундра» и «Красная тундра», предприятия Хибиногорска шефствовали над становищами Териберского района. Всего над колхозами округа стали шефствовать более двадцати промышленных предприятий Мурмана.

НОВЫЙ БЫТ, НОВАЯ КУЛЬТУРА

Несмотря на малочисленность саамов, их территориальную и языковую разобщенность, несмотря на трудные условия существования, они сохранили и донесли до наших дней самобытную культуру и национальные традиции. Советская власть спасла маленький тундровый народ от полного материального и духовного обнищания, предоставила ему все возможности для дальнейшего развития. Культурные преобразования в тундре в первые годы Советской власти проводились параллельно с кооперированием и коллективизацией и являлись одной из важнейших составных частей социалистического строительства.

Тяжелое наследие

Жизнь саамов в 20-е годы нашего века мало чем отличалась от жизни их в дореволюционное время. Бóльшая часть лопарей кочевала — семьями, с малыми детьми и больными стариками, со всеми пожитками, с оленями и собаками. У саамов был свой ритм жизни, свой календарь, регламентируемый не днями, неделями, месяцами, а временем зимнего стояния, рыбной ловли, подсчета оленей, забоя, возвращения в погост.

Саамы оставались верны своим тысячелетним привычкам. Они любили и понимали тундру, преклонялись перед природой, берегли оленей и ягельники, знали озера, где всегда есть рыба. В знак пребывания на том или ином месте оставляли своеобраз-

ные «памятники» из камней. Умерших сородичей чаще всего хоронили на островах.

Жили в вежах, куваксах, тупах, обходились без мебели и многих предметов быта. Женщины и мужчины поголовно употребляли «для здоровья» нюхательный табак. Очень любили саамы чай и в благополучные годы пили настоящий, купленный в кооперативе. А чаще собирали березовые наросты, сушили их и заваривали кипятком. В отличие от скандинавских саамов кофе в Кольской тундре распространения не получил. Не знали саамы картофеля, капусты, ибо огородничеством не занимались. Многие никогда в жизни не пробовали огурцов, помидоров и яблок.

Питались саамы в основном рыбой: чаще всего свежей, но иногда коптили на костре кумжу, щуку, гольца, сига. Осенью употребляли в пищу дичь, ягоды (морошка считалась особенным лакомством). Вместо хлеба — либо печенные на костре лепешки, либо сухари. Оленье мясо в рационе появлялось в забойное время, в другое время оленину ели по праздничным дням или по обстоятельствам, когда заболел олень или сломал ногу и его приходилось забить.

В саамских семьях из поколения в поколение бережно хранилась и передавалась национальная одежда. Когда-то лопари носили шапки, покрытые сверху зеленым и красным сукном, спереди расшитые бисером, а сзади украшенные лисьим хвостом. В богатых семьях нередко бисером расшивали и парадную оленью упряжь.

Саамы были сплошь неграмотными, духовно отсталыми, многие просто невежественными. Они верили тундровым шаманам — нойдам, считали обычным делом колдовство. Особенно часто о чародействе как средстве борьбы со злом, с врагом, с иноземным нашествием вспоминали пожилые саамы, сохранившие в памяти различные предания. Веру в потусторонние силы старались укрепить поп М. И. Распутин и псаломщик М. А. Попов. Вспоминается такой курьезный случай — в Мурманский губисполком в 1923 году обратился с жалобой председатель Ловозерского волисполкома. Суть его жалобы была такой: колдун посылал на него нечистую силу...[1].

Один из членов экспедиции Института народов Севера, побывавший на Кольском полуострове, рассказывал, что саамы, учившиеся в дореволюционное время, не умели читать и писать, не знали арифметических действий, но зато хорошо помнили заученные в детстве молитвы. «В Воронинском погосте, — вспоминала саамка А. И. Яковлева,— умела читать только старуха Селиванова. Карандаш был для большинства детей радужной мечтой, ибо в школах писали углем на строганых дощечках» [2].

Выпускник Института народов Севера Н. П. Герасимов

По данным первой Всесоюзной переписи населения, грамотных среди саамов было 12,5 процента. Всего лишь 213 человек умели кое-как читать и писать. А из более чем 800 саамских женщин знали азбуку 43. Это в целом по стране. Что же касается Мурмана, то в 1926 году здесь, как мы уже говорили, жило 1708 саамов, из них было только 159 грамотных мужчин и 32 умевшие читать женщины. Все остальные были абсолютно неграмотны. По уровню просвещения саамы уступали другим народностям: у коми в 1926 году было 45 процентов грамотных, у ненцев — 29 [3].

В начале 1923 года стали работать школа по ликвидации неграмотности взрослых в Ловозере, пункты ликбеза в Каменке и Воронинском погосте. В них занимались 45 лопарей. Как обычно, грамоте обучались либо в школах, либо в избах-читальнях, которые в 20-е годы являлись центрами всей культурной жизни тундры. Так, в январе 1925 года в ловозерской избе-читальне действовали два кружка — драматический и политико-просветительный, регулярно читались лекции и проводились беседы, тут же шли занятия с неграмотными. Вслед за Ловозером открылась изба-читальня в Пулозере. За 1924/25 год овладели грамотой 12 саамов [4]. Для культурно-просветительной работы выделялись дополнительные средства. В 1928/29 учебном году на пунктах ликбеза учились 73 саама, в том числе 20 женщин [5].

В Нотозерском погосте первым «выпускником» курсов ликбеза был Никон Герасимов. Ночами, при тусклом свете свечи, после тяжелой работы на лесозаготовках старательно выводил парень каракули. Вскоре Никон вступил в комсомол, стал писать заметки в стенгазету «Полярный лесоруб», выходящую на лесопункте. Он был первым селькором «Полярной правды» из саамов. Спустя несколько лет Н. Г. Герасимов в статье «Национальное устройство лопарей в Мурманском округе» сообщал, что

грамотность саамов за пять лет (с 1926 по 1931 год) «повысилась вдвое», что «наряду с этим повысилась сознательность и активность трудящихся саамской народности» [6]. К концу первой пятилетки в Мурманском округе грамотным уже был каждый третий саам.

Нельзя сказать, что ликвидация неграмотности и малограмотности среди малых народностей Севера проходила быстро и легко. Этот процесс затруднялся целым рядом факторов: и кочевым ведением хозяйства, и нехваткой кадров культармейцев, и непониманием значимости учебы отдельными оленеводами. Именно поэтому планы ликвидации неграмотности на Кольском полуострове не выполнялись и наполовину. И все же дело шло: пункты ликбеза работали, саамы постигали элементарную грамотность, постепенно приобщались к новой культуре.

Школьное строительство

Обучение грамоте взрослых саамов было не единственной задачей культурной революции в тундре. Не менее важно было заставить учиться всех саамских детей, дать молодому поколению — будущей смене — образование и закалить ее идейно.

Накануне революции дети богатых саамов учились в шести школах, которые находились в Ловозере, Иоканге, Кильдине, Нотозере, Пазреке и Сонгельском погосте. В период интервенции и гражданской войны почти все школы прекратили работу, народное образование Советской власти пришлось начинать, по существу, с нуля.

1 марта 1924 года «Полярная правда» в заметке «Вместо церкви — школа им. В. И. Ленина» сообщала читателям об открытии Нотозерской школы-интерната. Тогда же начала работать школа в погосте Лумбовка. Открылась школа и в Ивановке, жители которой решили содержать ее на свои средства. Они арендовали для школы помещение, оборудовали несколько классов, уроки в них вела одна учительница. Ивановская учительница два раза в неделю, по вечерам, приезжала учить саамов Каменского погоста.

Ловозерская школа тех лет представляла собой «помещение, состоящее из двух больших светлых комнат, в которых размещено 69 человек учащихся, при двух учительницах». Далее очевидец свидетельствовал: «Уроки идут с половины десятого до 4 часов вечера с часовым перерывом на обед. В школе из-за отсутствия часов перемены делаются по усмотрению учащих, когда они заметят, что дети к занятиям менее внимательны. Температура в классе 17 °С. Многие из детей сидят в верхнем платье» [7].

Школы в саамских погостах с каждым годом завоевывали

Первый пионерский отряд в тундре

все больший авторитет. В 1925/26 учебном году в школах первой ступени обучалось 112 детей, а в школе второй ступени — 5. В волостных центрах организовывались первые пионерские отряды. Больше стало открываться учебных заведений нового типа — школ-интернатов, где дети кочевников находились на полном обеспечении государства. В тундре появились школы-передвижки, действующие то в зимних, то в летних погостах. Такие школы существовали в Иоканге и Лумбовке, несколько позднее организовали школу-передвижку в Семиостровье.

К концу 1927 года в Ловозерском районе работали 3 общеобразовательные школы: в Ловозерской — 64 школьника и 3 учителя; в Ивановской — 24 ученика и один учитель; по третьей школе данных, к сожалению, нет. В Понойском районе имелась школа-трехлетка с одним учителем, в ней было 20 учеников.

В годы первой пятилетки в тундре развернулось широкое школьное строительство. Начали строить школы-интернаты в Поное и Нотозере, начальную школу — в Бабинском погосте. В тундре вводилось всеобщее начальное образование. Проводились собрания, где саамам разъясняли, что дети должны обязательно и бесплатно учиться четыре года, а кто пожелает, может учиться и дальше. Ловозерскую начальную школу преобразова-

ли в семилетнюю. На Мурмане тогда действовало 9 саамских школ.

Однако в большинстве случаев школы в тундровых погостах по-прежнему были смешанными, многонациональными. Так, в Туломской школе с 30 саамскими ребятами учились 20 финнов и 12 русских. Такое же положение сохранялось в Ловозере и Краснощелье, где вместе учились коми, саамы, русские, ненцы.

Преподавали в большинстве саамских школ русские учителя: в Ловозере — А. А. Пьянкова и С. В. Мартынова, в Краснощелье — Л. А. Голубкова, в Нотозере — А. Я. Костромичева. Из первых наставников саамы долго помнили учителя И. В. Губинского, о котором один из его учеников сорок лет спустя писал: «Вскоре после создания колхоза в селе открылась начальная школа. Первым учителем в ней был Иван Васильевич Губинский. Многих из работающих ныне колхозников он научил читать и писать, смотреть на мир широко открытыми глазами»[8].

Были случаи, когда учителями становились демобилизованные из Красной Армии и Флота. Так, летом 1921 года в газете «Полярная правда» была помещена маленькая заметка, в которой рассказывалось о приезде в погост Каменка матроса Ивана Ивановича Артиева, коми по национальности. Он стал учить детей и взрослых, организовал школу, сам сделал парты, доску, деревянные кубики — азбуку. Из учебных принадлежностей был только огрызок карандаша, которым поочередно пользовались и малыши-школьники, и их отцы и матери.

В 1930 году на Кольском полуострове появился первый учитель из саамов — Иван Андреевич Осипов. Он был уроженцем Рестикента, выпускником Ленинградского Института народов Севера. Затем в родные погосты вернулись выпускники ИНСа Анастасия Лукинична Матрехина (в Иокангу), Александр Григорьевич Герасимов (в Нотозеро) и другие. Чуть позже стала преподавать в Ловозерской саамской школе русский язык и литературу Т. Ф. Матрехина, в Воронинском погосте работал выпускник Мурманского педучилища Лазарь Дмитриевич Яковлев. Рост числа учителей из саамов позволил, во-первых, расширить сеть национальных школ; во-вторых, начать обучение саамских детей на родном языке; в-третьих, усилить воспитательную работу со школьниками.

После того как в 1933 году была введена саамская письменность, началось преподавание на саамском языке еще в четырех школах Мурмана. Число начальных школ в саамских погостах выросло с 7 в 1930 году до 17 в 1933 году.

Проведенные в саамских школах контрольные проверки и сочинения показали, что дети кочевников быстро адаптировались, хорошо усваивали материал, могли логично и абстрактно

Первый учитель из саамов
Иван Андреевич Осипов (1935 г.)

мыслить. В первом классе Иокангской школы выделялся математическими способностями Федя Матрехин, за что одноклассники прозвали его «счетоводом». 30 мая 1936 года ребята этой школы писали сочинение на тему «Кем я хочу быть». Ученик 3-го класса Шура Матрехин писал: «Я хочу быть пулеметчиком в дивизии Чапаева. Во время войны с белыми бандитами я буду защищать Советский Союз». Ученица 4-го класса Тася Харлина о своих планах говорила: «Я хочу работать заведующей саамскими яслями в Иоканге. Эта работа меня увлекает потому, что в яслях находятся маленькие дети. Их надо воспитывать, чтобы они были здоровые и развитые»[9].

В Ловозерском районе осенью 1936 года сели за парты 217 учащихся: в Ловозере — 172 школьника, в Воронинском погосте — 23, в Чудзьявре — 9. Ловозерская семилетка преобразована в среднюю школу, в ней работали 3 учителя-саама. В Саамском районе число школ возросло с пяти в 1934 году до девяти в 1939 году, в них учились 294 школьника, работали 27 учителей[10].

Накануне Великой Отечественной войны все дети тундры занимались в начальных и семилетних школах, а многие взрослые — в школах ликбеза. Начальные национальные школы (без интерната) существовали в Семиостровье, Лумбовке, Иоканге, Воронинском погосте, Западной Лице, небольшая школа с интернатом была в Восмусе, средние школы с интернатом работали в районных центрах Ловозере и Гремихе.

Подготовка национальных кадров

Чтобы решать сложные задачи социалистического строительства, крайне были нужны учителя, воспитатели, культработники, зоотехники, советские и партийные работники. Их готовили в учебных заведениях Москвы и Ленинграда, на специаль-

ных курсах в Мурманске. В 1925/26 году в Ленинграде открылся рабфак по подготовке кадров для малых северных народностей, который в 1930 году был преобразован в Институт народов Севера.

В начале 1932 года в ИНСе занимались 22 кольских саама. Еще в 1927—1929 годах уехали на учебу в Ленинград Евдокия, Анастасия и Илария Матрехины (все из Иоканги); в 1930—1931 годах — семиостровцы Александр Матрехин, Андрей и Василий Антоновы; ловозерцы Домна Кириллова и Яков Юрьев; из Сосновки Иван Матрехин и Иван Телышев; из Мотовки Иван Дмитриев; из Пейвоярви Яков Осипов; из Нотозера Александр Герасимов; из Кильдина Яков Юлин; из Лумбовки Анфиса Данилова и Татьяна Матрехина.

Среди студентов Института народов Севера в 30-е годы выделялся Тимофей Дмитриев, саам из Шонгуя, имевший несомненные задатки художника и скульптора. Активной студенткой стала Мария Павлова из Пулозера, поступившая учиться в 1933 году; ее отец в свое время был проводником геологической партии А. А. Полканова.

Первыми закончили институт нотозерцы И. А. Осипов, поступивший на учебу в 1925 году, и А. И. Герасимов — он учился на колхозно-кооперативном отделении. Вслед за ними успешно завершили учебу Анастасия Матрехина и Никон Герасимов. Приехав домой, выпускники активно включались в работу по переустройству жизни в тундре. А их становилось все больше: Понойский район к 1931 году отправил на учебу 14 человек, а в 1934 году 7 из них уже вернулись в родные места. Окончившие ИНС работали председателями, секретарями сельских Советов, учителями, избачами, заведовали красными чумами.

Председателем сельсовета в Чальмны-Варрэ работал саам М. Л. Окатов, он окончил судебно-прокурорские курсы и вскоре стал прокурором Саамского района. Другой саам — тоже Окатов — более тридцати лет трудился в Ловозерском районе фельдшером (он умер в Чальмны-Варрэ в 1958 году) [11].

Помимо Института народов Севера саамов направляли в другие вузы страны, в медицинское училище Кировска и педтехникум Мурманска. В последнем в 1931 году было создано специальное саамское отделение, призванное готовить местные национальные кадры. Об очередном наборе в педтехникум свидетельствовало такое объявление: «Мурманский педагогический техникум объявляет прием студентов на подготовительное саамское отделение. Гарантируется 100% обеспеченность поступающих общежитием со стипендией до 45 руб...» [12].

В первый год работы на саамском отделении педтехникума насчитывалось 11 саамов, на второй год их стало 29, а еще через

год — 32. В 1933/34 учебном году в педтехникуме учились 37 саамов.

В 30-е годы особое внимание уделялось подготовке национальных партийных и советских кадров для аппарата Советской власти на местах. Партийная организация Мурманского округа только в 1932 году отправила в Ленинград на курсы советского строительства семь саамов, в том числе одну женщину.

Подготовка национальных кадров велась также в Мурманской совпартшколе, в ней в 1932 году занимались три саама, а с осени 1934 года — уже восемь. Работали в Мурманске оленеводческие курсы, различные школы переподготовки. Саамы к этому времени поняли важность и необходимость учебы и охотнее отпускали молодежь в города.

Первые итоги многогранной работы по осуществлению культурной революции в Кольском Заполярье, по ликвидации неграмотности и малограмотности, по подготовке национальных кадров подведены в постановлении президиума Ленинградского облисполкома от 5 октября 1936 года «Об организационно-хозяйственной и культурной работе в национальных районах Мурманского округа». В соответствии с этим постановлением саамским районам выделили дополнительные средства на строительство школ, интернатов, общественных бань, подготовку кадров и т. д.[13]. В тот же год закончили обучение еще 105 неграмотных и 84 малограмотных оленевода, пять молодых саамов поехали на учебу в Институт народов Севера. Культурные преобразования в Кольской тундре продолжались.

О саамской письменности

В конце 20-х годов Комитет Севера, ряд научных учреждений Москвы и Ленинграда приступили к реализации сложной задачи — дать малым народам Севера свою, национальную письменность. В условиях пробуждения социалистического самосознания отдельных народностей, при росте населения, числа школ и обучающихся детей это было неотложно и необходимо.

Начались разработка алфавита, подготовка букваря и других учебников и для саамов. Для изучения саамского языка на Кольский полуостров прибыл лингвистический отряд под руководством Ильинского, а летом 1927 года с этой же целью в Мурманск приехал языковед А. Емельянов. Большую практическую работу в этом направлении провели научные сотрудники Института народов Севера А. Г. Эндюковский и З. Е. Черняков, которые в течение многих лет изучали разные диалекты саамского языка.

Секретариат Мурманского окружкома ВКП(б) 11 сентября 1933 года принял постановление, в котором говорилось: «В це-

лях содействия развитию языков и письменности народов Севера, находящихся в пределах округа, поднятия их культурного уровня, успешного развития национальной по форме и социалистической по содержанию культуры... образовать при Мурманском окружном исполкоме окружной Комитет содействия развитию языка и письменности народов Севера» [14]. Новый комитет (сокращенно его стали звать КНА — Комитет нового алфавита) стал главным организационным и методическим центром по внедрению саамской письменности. На местах, в национальных районах и сельсоветах, были образованы комиссии содействия КНА, которые сразу же обратились с просьбой к населению, к педагогам, комсомольскому активу, членам сельсоветов помочь в создании саамских учебников.

Лопари Кольского полуострова говорили тогда на четырех диалектах. Три из них состояли из ряда говоров: в туломском диалекте — нотозерский говор; в иокангском — чальмны-варрский и иокангский; а в кильдинском — ловозерский, териберский, воронинский, пулозерский и варзинский. Кильдинский диалект, правда с учетом особенностей туломского, ёно-бабинского и иокангского, и был выбран основным при создании письменности и подготовке букваря.

Над букварем вместе с А. Г. Эндюковским и З. Е. Черняковым работали и саамы: И. А. Осипов, Н. И. Герасимов, И. А. Матрехина, А. Т. Осипова. В обсуждении рукописи первого саамского букваря участвовали жители ряда погостов. Саамы писали в газете: «Букварь понятный и вполне пригодный... Для детей будет интересный и ясный» [15]. Окружной отдел народного образования принял решение: «В основном считать саамский букварь удовлетворяющим требованиям преподавания по языку для начинающих». Вслед за букварем в школы были направлены другие учебники, переведенные на саамский язык: книга для чтения первого года обучения, арифметика для первого и второго классов [16].

Пленум Ленинградского областного Комитета нового алфавита 7 декабря 1933 года отмечал, что в Мурманском округе проделана значительная работа по внедрению письменности среди саамов: организованы специальные экспедиции в районы по изучению диалектов и проверке рукописи, созданы первые учебники, работают районные комитеты содействия, улучшилась деятельность саамского отделения педтехникума [17].

Для саамов, обучающихся в национальных школах, разработали три варианта учебных программ: оленеводческо-кочевая, оседло-рыболовная и охотничья. Начались занятия шестимесячных курсов преподавателей саамского языка. Для внедрения саамской письменности в тундру выехали восемь студентов пед-

техникума. На саамском языке вышли первые книги: «Что дала Октябрьская революция трудящимся саамам», «Что такое индустриализация страны» и «Как люди ездят».

Однако вскоре из тундровых школ стали поступать сигналы, что латинизированный саамский алфавит дети плохо усваивают, а литературный язык, базировавшийся на всех саамских диалектах, оказался исковерканным. Качество учебы было низким. Обучение детей на саамском языке вызвало значительно больше трудностей, чем ожидали. Учителя убеждались, что более успешно обучение саамов идет на русском языке, тем более что почти все дети умели разговаривать по-русски.

По просьбе саамской общественности было принято решение о переводе письменности на русскую графику. С 1937 года саамская письменность стала реорганизовываться, но начавшаяся вскоре война прервала этот процесс. Таким образом, и вторая попытка (первая предпринималась в XIX веке) дать письменность кольским саамам окончилась неудачей [18]. Можно говорить о причинах организационного и методического плана. Но главное, по-видимому, заключалось в определенной «искусственности» мероприятия. Одно дело дать письменность северному народу, насчитывающему десятки тысяч человек и проживавшему изолированно. Значительно сложнее создавать письменность для небольшой народности, окруженной русским населением и в большинстве говорящей по-русски. Саамский язык в 30-е годы употреблялся только в домашней обстановке и значительно реже — в общественных местах. Русский язык по своей объективной и субъективной необходимости стал межнациональным, вторым родным языком саамов. А для их детей — тем более.

В то же время вопрос о создании письменности для кольских саамов никогда не снимался с повестки дня. Поиски решения проблемы продолжаются, эта работа ведется и сегодня.

Ефим Сахкре — друг саамов

Это имя кольские саамы дали неутомимому человеку, этнографу и педагогу, путешественнику и лингвисту, географу и автору первых книг на саамском языке — Захару Ефимовичу Чернякову. Они звали его «Сахкре Ефим альк», что означает Захар Ефима сын, то есть Захар Ефимович. За подписью «Сахкре» печатались заметки Чернякова в местных газетах в 20—30-е годы, под этим именем его знали в Ловозерском, Кольско-Лопарском, Понойском, а потом и в Саамском районах.

З. Е. Черняков изучал жизнь и быт лопарей Кольского полуострова, их язык, обычаи, записывал легенды и сказки.

С середины 20-х годов до самого последнего времени Черняков почти ежегодно приезжает на Кольский полуостров. Снача-

ла как ассистент кафедры этнографии Ленинградского университета, затем как научный сотрудник Института по изучению народов СССР, а позже как представитель научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера.

В личном архиве Чернякова сохранилась часть переписки с саамами в годы первой пятилетки. Они сообщали ему о том, что строится школа-интернат для лопарских детей, что в поселок саамов прибыла партия гидрологов для проектирования гидростанции на Туломе, саамы из Иоканги писали об организации колхозов, об острой классовой борьбе — из Пулозера. Саам М. Кобелев жаловался Чернякову на кулака К. Архипова за то, что тот «зажилил» у него 24 оленя. К письму он приложил свидетельство двух лопарей, из которого следовало, что Архипов не только кулак, но и «является колдуном».

З. Е. Черняков хорошо знал Василия Кондратьевича Алымова, видного советского работника (он возглавлял статистическое бюро окрисполкома и Мурманский комитет Севера) и краеведа. «Я уважал и восхищался Алымовым за его бескорыстное служение лопарскому народу,— вспоминает Черняков,— хотя расходился с ним во многих взглядах». В конце 1930 года Алымов писал ему: «Верно, что крепкое в борьбе за лучшую жизнь и культуру саамское племя скоро будет иметь не только настоящую газету, напечатанную по всем правилам типографского искусства, но и свой журнал, обсуждающий вопросы социалистического строительства родной народности, будет иметь свои книги и своих писателей».

К слову сказать, «Полярная правда» опубликовала тогда ряд материалов на саамском языке. 1 февраля 1931 года газета вышла с лозунгом «Привет третьему окружному съезду Советов» на русском, саамском и финском языках. В газете была помещена заметка Никона Герасимова на саамском и русском языках. И там же статья «Саамское лопарское землячество в Ленинграде», где рассказывалось о 14 саамах, которые учились в Институте народов Севера.

Захар Ефимович смело выступал в защиту саамов, когда видел ущемление их прав. Так, в июле 1932 года в окружной газете опубликована заметка за подписью Сахкре — «Расторгнуть кабальный договор». В ней сообщалось о том, что Кольское сельпо условилось с артелью туломских саамов о доставке рыбы и грузов. Все было бы хорошо, но договор не носил обоюдовыгодного характера. В нем, как писал Сахкре, «нет ни одного пункта, который хотя бы в какой-то мере защищал интересы артели». После заметки Чернякова этот договор был аннулирован и заменен новым, устраивающим обе стороны.

Он был ответственным секретарем Комитета нового алфавита

при окрисполкоме, состоял членом комиссии по районированию Мурманского округа. Но главным его делом в эти годы было завершение работы по созданию саамской письменности.

В Мурманском госархиве хранятся грамматические таблицы по саамскому языку и программы для преподавания его, составленные Черняковым. Там же хранится текст первой саамской пьесы о жизни оленеводов «Председатель Совета». Хотя ее автором был Тимофей Дмитриев, однако Захар Ефимович может быть смело назван его соавтором (да и перевод на русский язык принадлежит ему).

О роли Чернякова в создании саамской письменности, в подъеме национальной культуры оленеводов, создании кадров местной интеллигенции не раз писали многие газеты и краеведческие журналы. Сам же Захар Ефимович всегда подчеркивает, что букварь он делал не один, огромную помощь в работе ему оказали местные жители. В 1979 году он писал: «Вместе с Анастасией Матрехиной из Иоканги, Иваном Осиповым из Падуна и Яковом Осиповым из Юркина порога (селение на реке Туломе) принимал участие в подготовке саамского букваря Никон Герасимов. Неоценимую помощь в этом деле оказала А. Т. Осипова (мать Якова Осипова), имя которой не должно быть забыто в истории осуществления культурной революции в Заполярье».

Когда в последние годы началась работа по воссозданию саамской письменности, З. Е. Черняков почти ежегодно приезжал на Кольский полуостров. Беседуя с саамами, встречаясь в облоно, в Ловозерском райкоме КПСС с ответственными товарищами, в письменных представлениях в облисполком и обком партии он преследовал одну цель — заботился о саамской культуре, о сохранении языка и традиций, о воспитании саамской интеллигенции.

З. Е. Черняков внимательно следил за ростом саамских поэтов — Аскольда Бажанова и Октябрины Вороновой, а также начинающих писателей и поэтов, настаивал на предоставлении им возможности выступать в печати, по радио и телевидению на родном саамском и русском языках, всячески помогал им.

В 1984 году в Ловозере состоялась конференция-совещание по вопросам языка и культуры саамов. Неутомимый Захар Ефимович выступил с горячей речью. А совсем недавно преподаватели кафедры истории Мурманского пединститута обсуждали научный труд З. Е. Чернякова «Очерки этнографии саамов», дали положительный отзыв и рекомендовали его к изданию.

Саамский фольклор

При отсутствии письменности и литературных источников особую ценность и значимость для

сохранения древней, самобытной и во многом оригинальной культуры саамов имеет их устное народное творчество. Следует заметить, что саамский фольклор представлен достаточно солидно как в дореволюционных изданиях о саамах, так и в исследованиях первых советских лет. В последние 15—20 лет много внимания изучению языка и фольклора кольских саамов уделяли сотрудники сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Доктор филологических наук Г. М. Керт писал: «Богато и разнообразно устное народное творчество саамов. Самобытный характер носит цикл сказаний о дочери Солнца. В этих сказаниях рассказывается о приручении северного оленя женщинами, о борьбе доброй дочери Солнца со злой дочерью Луны. К героическому эпосу относятся также сказания о Найнасе, о злой волшебнице старухе Аадз (Аццы), о Мяндаше — человеке-олене» [19].

Большое место в устном народном творчестве саамов занимают исторические предания — о набегах легендарной чуди, о борьбе со шведами и финнами, причем интересно, что почти все сказания связаны с определенными, конкретно существующими географическими точками (горы, реки, острова). Саамские исторические предания пронизаны любовью к тундре, к Кольской Лапландии, к своей родине. Саамский фольклор наполнен идеями борьбы за существование — как с врагами-иноземцами (исторические предания, песни, были), так и с суровой природой (сказки о солнце, о животных, о чародеях).

Саамы очеловечивали все, с чем соприкасались и что видели. Солнце, по их мнению, ездило по небу на медведе и оленях; у него, как у людей, есть мать, сестра, жена, дочь. Северное сияние саамы представляли как отголоски душ умерших родных и знакомых и в пору «волшебного свечения неба» предпочитали прятаться. В сказаниях лопарей часто присутствовали и активно действовали камни, в которые превратился когда-то человек, олень или зверь. Так, они считали, что сейдозерский сейд имел темно-карие глаза, а на пальцах у него видны перстни.

У саамов существовало много сказок о животных — о собаке, медведе, которые тоже очеловечивались. В свое время саамскими сказками интересовались исследователи В. И. Немирович-Данченко, Н. Н. Харузин, В. Ю. Визе, А. Е. Ферсман, В. К. Алымов, О. А. Комарецкая, Я. А. Комшилов, А. П. Попов, А. Н. Ермолов.

Исследователи, посещавшие Мурман в 20—30-е годы, хорошо знали знатоков лопарского эпоса: Калину Ивановича Архипова и его сына Федора, П. Глухих, Л. Паршукова, О. Серьгина. Много сказаний, преданий и песен сохраняли в памяти Ф. Р. Серьгин, И. К. Черных, П. И. Тапио, Ф. М. Мошникова.

Самобытно и непередаваемо песенное наследие саамов. Писатель А. В. Кожевников писал: «...лопарская песня рождается в могильной тишине тундры и зимних ночей, когда можно забыть, что есть жизнь, одна она напоминает, что где-то шум, погосты, лайки, озера и на них хлопотливая птица. Не будь песни, можно лечь в снега и замерзнуть» [20]. В саамских песнях — вся тундра, с оленями, собаками, волками; озера и реки, горы и леса; тут и настроение певца, и быт народа. А ведь сто лет назад лопарей считали единственным в мире народом, совершенно не знавшим пения.

Саамские песни не имеют четко зафиксированных слов. Есть только общий сюжет, исполняемый по какому-либо поводу. Искусствовед М. И. Чулаки, изучавший песни саамов, писал: «Саамские песни полны своеобразной прелести и динамичности. Они настолько живы и расцвечены исполнительски, что вызывают самый непосредственный интерес. Удивления также достойна музыкальность саамского народа... Саамы поют чрезвычайно много. Всякий сколько-нибудь значительный повод вызывает к жизни если не развитую песню-импровизацию, то единичный рассказ в манере аморфного опевания. Так, старик может часами петь своей старухе о том, как хорошо он с ней прожил жизнь; старуха в свою очередь отвечает ему тем же» [21].

Большинство саамских песен отличается импровизацией и напоминает разговорную речь. Саамы поют, к примеру, о только что приехавших гостях, об оленях, на которых прибыли гости, о происшедших или даже происходящих событиях. В первые послереволюционные годы славились тем, что складывали и пели песни, Пимен Кобелев из Пулозера, Авдотья и Анна Пьяновы из Чудзьявра.

В советское время смысл саамских песен изменился, шире стал их диапазон — появились шуточные и хоровые песни. Судя по тем песням, что собрал Я. И. Юшков, богаче становилось их идейно-политическое содержание. Об этом говорит и «Песня про саамскую новую жизнь», записанная этнографом Н. Н. Волковым: «Раньше, при царе, саамы жили — грамоты не знали, не знали веселья. Жили в лесу, как лесные глухари. Стала Советская власть — вот мы, саамы, обрадовались... И стали строить колхозы саамы. Теперь в колхозе жить хорошо... Нет кулаков, нет купцов. Нас учат писать — маленьких и больших. Есть для детей школа, интернат и ясли. Есть больница...» Комсомолец-саам Яков Юлин составил еще один вариант «Песни про новую жизнь» («Он ялмуж баяс левть»): «Мы в колхозе работаем, учимся и будем жить культурно, как не жили раньше. Наша комсомольская организация и впредь будет хорошо работать под руководством партии» [22].

Как видим, в этих песнях запечатлены успехи социалистических преобразований, новый быт, новая культура.

Фольклорист и бытописатель саамов В. В. Чарнолуский

Впервые В. В. Чарнолуский приехал на Мурман еще в студенческие годы.

После окончания университета Чарнолускому представилась возможность участвовать в Лопарской экспедиции Географического общества. Руководил ею известный антрополог, профессор Д. А. Золотарев.

Задачей Лопарской экспедиции было антропологическое и медицинское обследование саамского населения. Начали с ближнего Пулозерского погоста. Ученые обмеряли лопарей, заносили в карточки данные: возраст, место рождения, семейное положение. Врач Ф. Г. Иванов-Дятлов осматривал саамов.

После Пулозера экспедиция перебралась в Ловозеро. И здесь ученые обследовали все саамское население, побывали почти в каждой семье. Иванов-Дятлов составил санитарно-медицинское описание населенного пункта.

Во время экспедиции Чарнолуский описывал жилища саамов, их одежду, утварь, собирал и записывал сказки и предания. В Лумбовском погосте В. В. Чарнолуский жил в доме Авдотьи Николаевны Матрехиной, по прозвищу Беспалиха, знавшей много оригинальных саамских сказок. Многие сказки, рассказанные ею, Чарнолуский записал.

Позднее В. В. Чарнолуский продолжал исследование этнографии саамов, участвуя в Кольской экспедиции Академии наук СССР, разрабатывал проблемы развития оленеводческого хозяйства на Кольском полуострове. Чарнолуский составил записку для Комитета Севера по общим вопросам оленеводства Мурманского округа, а также план организации Каневского оленесовхоза. Чарнолуский хорошо рисовал, в свое время он учился в Академии художеств, его рисунками иллюстрирована книга «В краю летучего камня». Рисунки и фотографии Владимира Владимировича стали историческими источниками для изучающих жизнь саамов.

Вновь на Кольский полуостров Чарнолуский приехал через четверть века, в 1961 году. Он писал: «Бывшие станции с одинокими избушками превратились в многолюдные поселки... Кирпичные и панельные здания слагают характерный ландшафт города с открытыми дворами. Это уже настоящие города и городки — Мончегорск, Апатиты, Кировск, Никель и многие другие. Мурманск слился с Колой».

Но больше всего его влекла тундра, ему хотелось узнать, живы ли люди, с которыми он встречался в довоенные годы.

В тот последний приезд на Кольский полуостров В. В. Чарнолуский записал от жительницы Каневки А. В. Даниловой целый ряд сказок: «Недопарушек трески», «О чем котлы говорили», «Мудрая сестра» и другие.

Владимир Владимирович Чарнолуский умер в 1969 году, но его многочисленные труды, которые родились в результате кропотливой и долгой работы, служат и сегодня всем тем, кто интересуется историей и судьбой маленького тундрового народа.

Культпросветработа среди саамов

Работа по приобщению саамов к культуре в первые годы Советской власти носила в определенной степени элементарный характер. Нужно было объяснить оленеводам, что такое Советская власть, растолковать основные политические истины, приучить к газете, книге, убедить изменить быт. Одним из первых культпросветработников в Ловозере стал избач А. И. Михайлов, а его главными помощниками — саамские женщины. С ними он проводил читки книг и материалов по домоводству, для них организовывал встречи с медиками. Женделегатки, а их в 1925 году в одном Ловозере насчитывалось 14, вели большую общественную работу. Они работали в кооперативе, комитете взаимопомощи, участвовали в деятельности волисполкома. Благодаря их стараниям налаживалась и культурная жизнь в тундре.

После создания в тундровых погостах партийных и комсомольских ячеек культурно-массовой работой руководили коммунисты. Именно в это время пополз провокационный слушок, распущенный кулаками: «Не ходите в избу-читальню, а то запишут в комсомол»[23]. Объектом идеологической борьбы стали даже оленьи бега в Ловозере, ежегодно по традиции проводившиеся 19 января. Для церковников и верующих — это день крещения, для большинства саамов — старинный праздник встречи солнца. А молодежь, комсомольцы в этот день проводили физкультурный праздник.

В 1927 году впервые услышали радио жители районного центра — Ловозера. Громоздкий батарейный радиоприемник, с трудом приобретенный и доставленный из Мурманска, был «чудом» техники. Спустя несколько лет решили купить радиоприемник кильдинские саамы. Этот вопрос обсуждался на общем собрании погоста, деньги для покупки приемника собрали путем самообложения. Один из оленеводов Кильдинского погоста вспоминал: «В 1934 г. жители села впервые услышали радио. Для нас оно было в диковинку. Помню, один старик все спрашивал: «Где это человек кричит?» Залез даже на чердак, думал, там его спрятали...»[24].

Пришел в тундру и кинематограф. И хотя фильмы крутили

Изба-читальня в погосте

немые и бесплатно, осмеливались глядеть на белое полотно с движущимися фигурами только ребятишки.

К началу первой пятилетки в Ловозерском районе была уже довольно разнообразная культурно-просветительная сеть: избы-читальни, кинопередвижка, 2 красных уголка, 2 радиоустановки, 2 пункта ликбеза, 2 школы малограмотных. В отчете Ловозерского райисполкома за 1928/29 год говорилось, что, несмотря на определенные успехи культурного строительства, главными проблемами продолжали оставаться нехватка кадров и низкий культурный уровень населения.

Большая культурно-просветительная работа велась в Поной-ском районе. В клубе «Пробуждение рыбака» шли репетиции драматического кружка, работал пункт ликбеза, здесь часто устраивали лекции, беседы, коллективные читки художественной литературы, журналов и газет. В районе действовали изба-читальня, 3 красных уголка, радиоустановка [25].

Признанной формой культпросветработы в тундре в годы коллективизации стали красные чумы. Они работали круглый год, переезжая с места на место по установленным маршрутам. В штат красного чума входили массовик-пропагандист, женорганизатор (она же фельдшер-акушерка) и киномеханик. Они разъясняли генеральную линию Коммунистической партии, законы Советского государства, сплачивали оленеводов в борьбе с кулаками, вели антирелигиозную и санитарно-просветительную ра-

боту. Работники красных чумов помогали Советам и партийным ячейкам в проведении хозяйственных и политических мероприятий, поднимали культурный уровень саамов, способствовали укреплению Советов, кооперации, колхозов.

В 30-е годы в Ловозере появилась электростанция, и в домах колхозников загорелись лампочки Ильича. В 1934 году вступил в строй радиоузел, и количество радиоточек быстро увеличилось до 122. В тундре насчитывалось 4 клуба, несколько кинопередвижек. Культурные преобразования и нововведения в жизни тундры становились все более многообразными. Это и появление в погостах местной, саамской, интеллигенции. Это и первое пианино, привезенное из Ленинграда в тундровую школу. Это и первый автомобиль, участвовавший в первомайской демонстрации ловозерцев в 1934 году.

Новый Дом оленевода построили в Мурманске, куда приезжали саамы из дальних погостов. В Доме оленевода велась культурно-просветительная, санитарная, ветеринарная работа. В отчете за период с 16 ноября 1934 года по 1 июля 1935 года читаем: «За вышеупомянутый период времени посетили саамский Дом оленевода 96 человек, в т. ч. саамов — 80 чел. Стояло упряжек 72 штуки, число оленей 237 голов» [26].

В тундре открывались новые больницы и амбулатории, росло число библиотек (только в 1935 году общественные организации Мурманского округа скомплектовали и отправили в саамские погосты 12 библиотек). Но были и такие казусы, об одном из которых рассказал секретарь Ловозерского райкома ВКП(б) на пленуме Мурманского окружкома партии в июле 1935 года: в библиотеку приходит читатель и спрашивает книгу Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев», на что библиотекарша вполне серьезно ответила: «Нет ни одного, все в ремонт отправлены...» [27].

Одним из заметных культурных явлений довоенных лет стала деятельность саамского хора, история создания которого такова.

Зимой 1935/36 года в ловозерской избе-читальне по просьбе учителя Н. Д. Юшкевича впервые собрались женщины, любящие петь. И начался большой разговор о музыке и песне, о нотной грамоте и репертуаре. Участники хора сами сочиняли и переводили тексты песен, шили костюмы. Спевки привлекали все больше людей. В октябре 1936 года о саамском хоре узнали в Мурманске, затем хор послали на олимпиаду в Москву. С тех пор хор побывал в Ленинграде и Финляндии, выезжал в Скандинавские страны. В 1964 году хор под руководством Владимира Минаева удостоен звания лауреата Всероссийского конкурса. Долгие годы в хоре пели его ветераны Павла Конькова, Анна Галкина, Павла Кобелева.

Саамы слушают Москву

Одним из участков культурно-просветительной работы в тундре в довоенные годы являлась атеистическая пропаганда, хотя саамы, как известно, никогда не были особенно религиозными. Поэтому борьба велась в погостах не столько с религией, сколько с церковниками и старыми обрядами.

Церкви и часовни в погостах почти повсеместно закрыли после революции и в начале 20-х годов. Но в пору расцвета нэпа при поддержке кулачества они снова ожили и стали играть определенную роль. Во второй половине 30-х годов, когда исчезли последние индивидуальные оленеводческие хозяйства, вновь начали закрываться церкви. Причем делалось это не директивным актом, как в период революции, а по решению сельских сходов.

Почти одновременно с ликвидацией церкви в Ловозере в 1939 году появилось звуковое кино. Накануне войны в Ловозере была построена двухэтажная школа-десятилетка, работали клуб, библиотеки для взрослых и детей, открылся книжный магазин.

Усилились контакты саамов с представителями других народов нашей страны. Саамы охотнее выезжали за пределы своего района и области. Если в 20-е годы саамы, раскрыв рты, слушали рассказы приезжих о железной дороге, о Мурманске, о паро-

возах и пароходах, то в 30-е годы многие из них побывали на курортах юга, в доме отдыха под Петергофом, на сельскохозяйственной выставке в Москве. Эти поездки были для саамов своеобразной жизненной школой.

В феврале 1937 года саамы колхоза «Одд-сийт» (Чудзьявр) писали: «Мы вышли из земляных веж и перебрались в новые дома. Раньше в вежах через стены текла вода, зимой было холодно, и в щели попадал снег. Новые дома — большие, светлые и теплые. В домах есть печи, в которых можно печь хлеб. Поэтому мы веселимся. У нас теперь есть то, о чем мы раньше даже не слышали: больницы, кооперативы, ветеринарные школы. Жить нам стало лучше. Мы, колхозники, выработали в этом году по 9 руб. 51 коп. на трудодень, увеличили наше оленье стадо и сделали новые неводы» [28].

Посылая в подарок всесоюзному старосте М. И. Калинину нарядные вышитые пимы, кольские саамы писали, что если раньше сааму предназначалось быть только пастухом-оленеводом, то теперь он может стать учителем, врачом, инженером, ученым.

Успехи культурной революции на Кольском полуострове, достигнутые в довоенные годы саамами вместе с русскими, финнами, карелами, коми, ненцами, были очевидны.

Защитник саамов
В. К. Алымов

Говоря о социалистических преобразованиях в Кольской тундре в предвоенные годы и подчеркивая роль русского народа в оказании многообразной помощи саамам, невозможно не сказать несколько слов о Василии Кондратьевиче Алымове — надежном друге и умном советчике саамов.

В. К. Алымов был изыскателем и геодезистом, имевшим к тому же аттестат гравера, навыки корректора и склонность к журналистике. Ему было уже под сорок (В. К. Алымов родился в марте 1883 года в деревне Ручьи Тосненского уезда Санкт-Петербургской губернии), когда он приехал в Мурманск. Старая жительница Мурманска Ф. А. Комшилова вспоминала, что В. К. Алымов сразу стал своим в среде немногочисленной мурманской интеллигенции. Вскоре его выдвинули в состав плановой комиссии Мурманского Совета, а спустя несколько месяцев он возглавил губстатотдел.

В феврале 1925 года В. К. Алымов избран членом Мурманского губисполкома. На V губернском съезде Советов он подробно рассказывал о саамах и оленеводстве на основе своих личных впечатлений после поездок в Ловозеро. В 1926 году на Кольском полуострове начало работать общество изучения Мурманского края. В. К. Алымов избирается заместителем председателя этого

общества и активно участвует в работе правления. Он направлял и деятельность всех секций краеведческого общества — естественноисторической, промыслово-экономической и этнографической.

Василий Кондратьевич готовил к печати и редактировал доклады и сообщения Мурманского общества краеведения. Первый выпуск вышел под его редакцией в 1927 году и включал 10 статей — в основном о саамах. Особенно интересны с позиций исторической науки статья самого В. К. Алымова, а также работы Н. В. Халапсина и В. И. Осиновского. Оригинальны материалы Я. А. Комшилова о лопарских клеймах (с изображениями их) и О. Н. Комарецкой — о культе сейдов.

Второй выпуск докладов и сообщений издан в 1928 году, он был посвящен проблемам развития производительных сил Кольского полуострова, точнее, вопросам изучения полезных ископаемых, оленеводства и озерного рыболовства.

В журнале «Карело-Мурманский край» публиковались статьи Алымова «Оседлые и полуоседлые хозяйства Мурманского округа», «Оленеводство у русского населения Терского берега» и другие.

С 1925 года на Кольском полуострове вели антрополого-этнографические исследования ведущие научные организации страны — Академия наук СССР, Лопарская экспедиция Географического общества и этнографический отдел Русского музея. И все они поддерживали тесные контакты с Алымовым, который был знатоком экономики, этнографии, истории и культуры саамов.

Особое внимание Алымов уделял экономическим вопросам. В одной из первых крупных работ по этой тематике — в очерке «Оленеводство Мурманского округа» — он привел подробные данные об изменении численности оленьего стада на Кольском полуострове за 40 лет. В. К. Алымов развеял миф об упадке саамского оленеводства. Используя документальные данные за полтора столетия, он доказал, что число оленей на душу саамского населения непрерывно росло: в 1785 году в среднем на саама приходилось 3—4 оленя, через 100 лет — 6—7, в 1928 году — уже по 13—14 голов.

Весной 1927 года Алымов составил проект генерального плана развития оленеводства на Кольском полуострове, который предусматривал решение трех основных задач — увеличение оленьего поголовья, качественное улучшение породы и повышение промыслового значения оленеводства. Для этого В. К. Алымов предлагал усилить охрану оленей от хищников, улучшить ветеринарную помощь, применять более рациональные способы пастьбы (применение изгородей, разработка маршрутов кочевий и т. д.), выводить новые породы оленей путем скрещивания

и отбора, комплексно использовать все продукты оленеводства (рога, шерсть, жилы, копыта) в промысловом хозяйстве, усилить финансовую и научно-исследовательскую помощь оленеводам. Об этом же говорил В. К. Алымов 31 мая 1927 года на заседании Карельско-Мурманской комиссии Всесоюзного Географического общества, где слушался его доклад «Характеристика современного состояния оленеводства на Кольском полуострове». С такими же предложениями В. К. Алымов выступил на II съезде Советов Мурманского округа.

В 1930 году в Ленинграде, в издательстве «Красная газета», вышла книга В. К. Алымова «Лопари», в которой он обобщил накопленный материал, сделал научные выводы о судьбах небольшого тундрового народа.

Квартира В. К. Алымова, а он жил в Мурманске на Красной улице, в доме № 4, была постоянным местом сбора краеведов полуострова. Его домашний телефон в те годы являлся, по сути дела, главным справочным бюро Мурмана.

К Алымову обычно обращались все исследователи, приезжавшие в Мурманск из Москвы и Ленинграда. Он устраивал их на «проживание и довольствие», советовал маршруты, подбирал проводников и помощников. За помощь в организации экспедиций к лопарям В. К. Алымова наградили Малой серебряной медалью Всесоюзного Географического общества. А за активное участие в разработке «лопарской темы» в журнале «Карело-Мурманский край» он получил от редколлегии серебряный портсигар.

На протяжении 15 лет на страницах «Полярной правды» печатались его очерки, статьи и заметки.

Интересы В. К. Алымова были весьма широкими. Он изучал топонимику Севера и саамские сейды, лопарские клейма и полярные сияния. Бывая в погостах, читал саамам лекции о природе и климате Кольского полуострова, рассказывал о лунных и солнечных затмениях, разъяснял, что полярные сияния — сложный физический процесс в высоких слоях атмосферы.

Он обрабатывал отчетные данные мурманских хозяйственных организаций за 1928—1932 годы, участвовал в систематизации материалов по оленеводству и рыболовству, собрал большой демографический материал о саамах. В связи с этим вспоминается такой факт. Как-то, услышав, что в Хибиногорске по материалам текущей переписи учтены саамы, которых там раньше не было, Алымов срочно выехал в отдаленный район Хибин, разыскал эти семьи и узнал, откуда и почему они прикочевали. Только после этого сведения о хибиногорских саамах появились в печати.

В. К. Алымов для саамов был не только «начальником»,

а «русским братом и большим другом». Работая заведующим сектором народнохозяйственного учета Мурманской плановой комиссии, уполномоченным Комитета Севера при ВЦИКе, возглавляя Мурманский комитет Севера, В. К. Алымов старался оправдать доверие саамов. Да и позже, когда в 1934—1935 годах работал старшим экономистом окрплана, а затем перешел на работу в Мурманский краеведческий музей, он не порывал связей с саамами. В последний раз в Ловозеро он приезжал летом 1936 года. Его обрадовали перемены в тундре — саамы переходили к оседлому образу жизни, крепли колхозы, росли их благосостояние и культура.

Неутомимая деятельность Василия Кондратьевича Алымова принесла ему заслуженную известность, признательность и уважение мурманчан. Многие саамы старшего поколения до сих пор помнят В. К. Алымова как советчика и заступника лопарей, активного участника социалистических преобразований в Кольской Лапландии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ВОЙНУ

Начало 1941 года для саамов было наполнено обычными хлопотами: шла подготовка к отельной кампании, оленеводы ждали летних перекочевок, в погостах велось большое строительство. В то же время тревожные вести поступали с границы — финская буржуазия, озлобленная поражением в 1940 году, готовилась к новой войне, грозилась с помощью Германии присоединить советскую Лапландию к Финляндии.

Июнь в тундре был теплым и ласковым. Сошел снег, в зелень пошли березы и рябины, запестрели болота, вскрывались озера и реки. Вступил в свои права полярный день, и ласковое солнце не сходило с горизонта.

Саамы, находившиеся в погостах, узнали о войне по радио в полдень 22 июня. В тот же день во всех селениях тундры состоялись митинги. Эти собрания в клубах или прямо на улице, около сельсовета или правления колхоза, никто не готовил, проходили они стихийно и взволнованно. Так, на центральной площади Ловозера как-то сразу собралось более 400 человек — почти все население, находившееся в селе. Выступавшие говорили о вероломстве врага, о задачах по отражению иноземного нашествия, о необходимости усилить бдительность, о стремлении пойти на фронт[1]. Люди на глазах преобразились — стали строже, собраннее. Все — и взрослые, и дети — понимали, что предстоят серьезные испытания.

В первые же часы войны было призвано в армию более 120 саамов Ловозерского района[2]. В военкомат пришли десятки коммунистов, комсомольцев и беспартийных. 23 июня 1941 года первые группы мобилизованных отправили на колхозных грузовиках в Кировск, на пункт сбора. Одновременно извещали военнообязанных, находившихся в тундре. Где на оленях, где на лодках или пешком добирались они до погостов, брали нехитрые пожитки, прощались с родными и уходили в военкоматы. Из Гремихи, Сосновки и других пунктов побережья призванных в армию саамов доставляли в Мурманск морем.

Многие саамы, как и все советские люди, ушли на фронты Великой Отечественной войны добровольцами, они сражались в партизанских отрядах и разведчастях, служили в подразделениях связи. Каждый третий коммунист и каждый второй комсомолец национальных районов области воевал на фронте.

Саамы на фронте

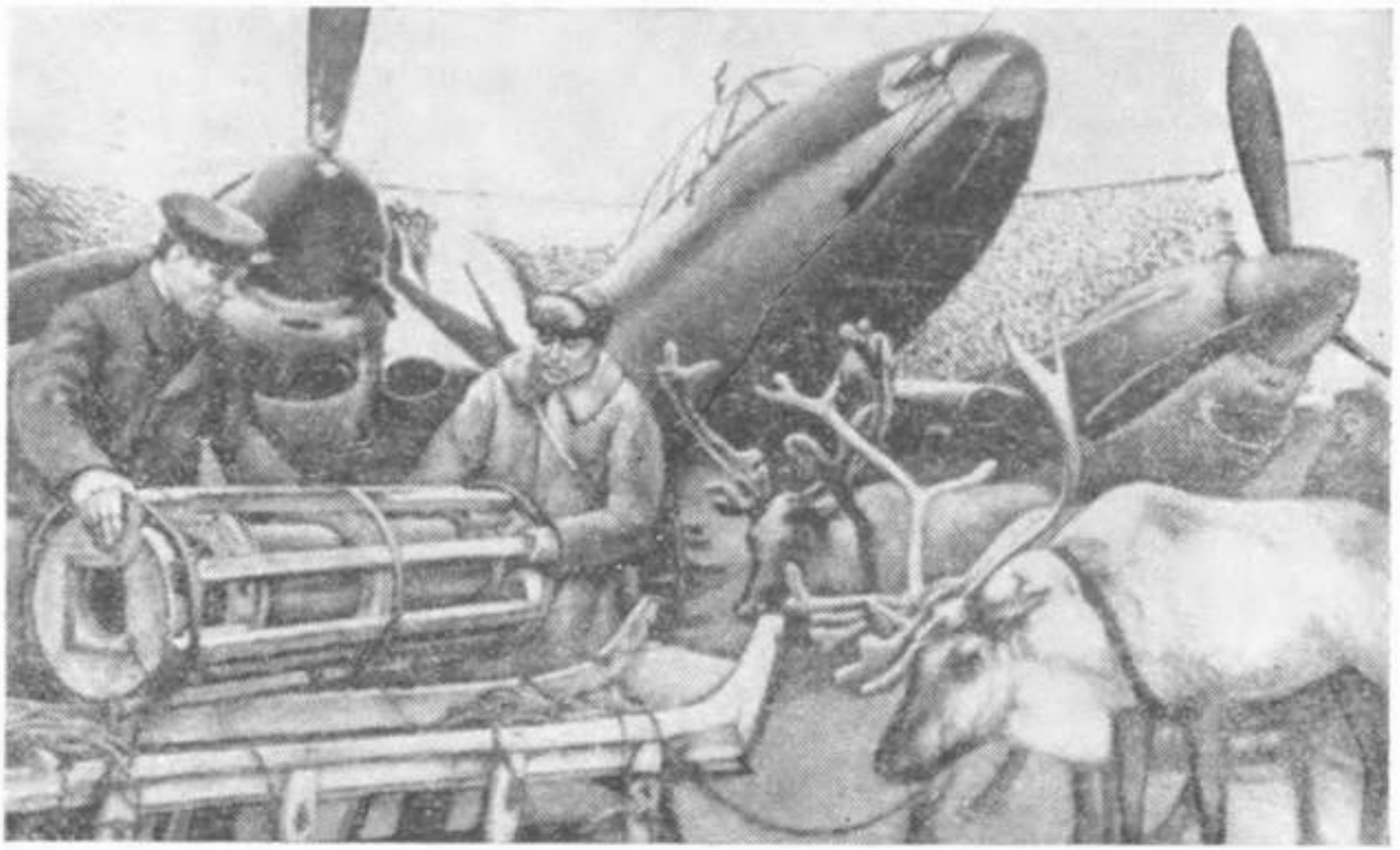
В первые недели войны саамов призывали в армию на общих основаниях и распределяли на военную службу наравне с русскими, коми, украинцами, ненцами. Одни попали в пехоту, другие — в артиллерию, третьи — в саперные роты. Часть саамов находилась в батальонах обслуживания аэродромов, в строительных подразделениях, а краснощельский саам А. Ф. Данилов всю войну прослужил в отдельной 17-й комендатуре.

В числе других вместе с братьями ушел на фронт саам Иван Андреевич Данилов. Он погиб под Сталинградом совсем молодым. По решению райисполкома 25 сентября 1974 года, к 30-летию разгрома Советской Армией немецко-фашистских войск в Заполярье, одна из улиц Ловозера переименована в честь воина.

Наряду с мужчинами ушли воевать саамские девушки Клавдия Юлина, Клавдия Матрехина и другие. Санитаркой воевала Марфа Дмитриевна Юлина, медсестра Елена Данилова погибла на фронте.

Но куда бы саамов ни посылали, они с честью выполняли свой воинский долг. В разгар войны красноармеец Иван Мелехов писал в «Ловозерскую правду»: «Со мной вместе в одной части служат ваши земляки. Надо прямо сказать, это замечательные товарищи и хорошие бойцы. Выполняя специальные боевые задания командования, они со своим грозным оружием выходят на передовую линию, подбираются к врагу на расстояние 150—200 метров и меткими выстрелами подавляют... противника»[3].

А вот как вспоминал о Великой Отечественной войне саам Г. Фефелов: «На фронте я был связным. Должность небольшая.



Оленеводы обслуживают военные аэродромы

А попробуй на фронте везде успеть, всякого найти. Нелегкое дело. Однако ни разу не было, чтобы не выполнил приказа»[4].

Храбро воевал на фронте и саам И. А. Пьянов. Товарищи о нем говорили: «Здоровый мужик был, веселый. В разведку всегда ходил. Однажды он в одиночку «языка» захватил. Подкрался к часовому, бросил аркан. Немец и автомата поднять не успел. Свалил его Пьянов, как оленя связал. Так и привел на привязи»[5]. Произошло это в первую военную зиму, за это Иван Пьянов получил медаль «За отвагу».

После того как по инициативе Мурманского обкома ВКП(б) в ноябре 1941 года было принято решение о формировании на Кольском полуострове оленьих транспортных подразделений, саамов направляли в эти части 14-й армии. Именно тогда ушли в армию 77 лучших оленеводов с упряжками[6].

Сначала было создано 3 армейских оленетранспортных дивизиона. По штату в каждом из них числились 154 человека (в том числе 77 оленеводов), 1015 оленей, 15 оленегонных собак, 237 грузовых и 76 легковых нарт. Колхозы Мурманской области выделяли оленей, упряжь, необходимое снаряжение. На помощь мурманчанам пришли оленеводы Ненецкого национального округа — прислали недостававших оленей.

Ветеринарный врач Мурманской оленеводческой опытной станции, лауреат Государственной премии Б. В. Преображенский,

находившийся тогда в Нарьян-Маре, вспоминал: «В конце 1941 года по заданию Архангельского облвоенкомата мы собрали около 4 тысяч ездовых быков-оленей и в самый короткий срок организовали перегоны за тысячи километров в Архангельск. Отсюда ездовые олени были переброшены по железной дороге на Кольский полуостров...» [7].

Саамы, как и бойцы других национальностей, на оленях доставляли к фронту боеприпасы, продукты, снаряжение, топливо и бомбы на аэродромы, искали в тундре сбитые самолеты, вывозили в тыл раненых. В первую военную зиму солдаты-оленеводы вывезли с передовой в тыл 5766 раненых, обмороженных и больных.

Один из бойцов оленетранспортного дивизиона рассказывал: «Много раненых на войне наши олени спасли. Раненый человек много крови теряет, тепло из него выходит. Стынет человек, погибает. А вот оленья шкура тепло очень хорошо держит. Завернешь раненого в шкуру, положишь на нарты и везешь. Доставишь в госпиталь — человек теплый, живой» [8].

Зимой 1942/43 года на Карельском фронте скомплектовали еще четыре оленетранспортных дивизиона. Ездовые олени появились в боевых порядках наших войск не только на Мурманском, но и на Кандалакшском и Лоухском направлениях [9].

Применяли оленей и на Северном флоте: их использовали разведчики и десантники, а также для подвоза различных грузов в отдаленные гарнизоны.

Весной 1942 года оленей использовали в составе десанта на Пикшуевом мысу. В 12-ю бригаду морской пехоты было доставлено 120 оленей. Десантная операция проходила в конце апреля — начале мая, когда обычно на Севере устанавливается плюсовая температура и начинает пригревать солнце. Но во время наступления неожиданно сильно подморозило. Погода ухудшилась из-за сильного ветра. Среди солдат и раненых было много обмороженных. Вот тогда и стали незаменимыми оленьи упряжки.

Во время боев на Пикшуевом мысу возникли трудности с ягелем для оленей, ибо участки, где он рос, враг ожесточенно обстреливал. Тогда парторг отряда сержант И. П. Данилов (до войны он был председателем Саамского райисполкома) с бойцами Василием Каневым, Яковом и Михаилом Матрехиными отправились собирать ягель на соседних сопках.

Саамы Г. Фефелов и А. Сорванов вспоминали: «Досталось тогда и нам и олешкам. Особенно когда поступил приказ отходить. Матросы уже идут к берегу, к катерам, а мы гоним оленей на юг, где шли бои, чтобы подобрать тяжелораненых. Но ничего, всех вывезли. Правда, много оленей погибло».

О другой боевой операции вспоминает капитан запаса С. П. Шерстобитов, до войны зоотехник по оленеводству в Мурманском управлении сельского хозяйства: «...Наш оленетранспортный взвод прибыл в артиллерийский полк... Погрузили на сани разобранные горные пушки, боеприпасы и другое снаряжение. В сопровождении артиллеристов взвод присоединился к стрелковому батальону.

К утру 29 апреля (речь идет о 1944 годе.— *Авт.*) батальон прибыл в заданный район. Быстро рассредоточились, окопались, замаскировались. Штурмовая группа оседлала вражескую контрольную лыжню, по которой днем между опорными пунктами ходили немецкие дозоры. Ездовые бойцы моего взвода развезли орудия на огневые позиции. Затем около скал, среди кустиков, по склонам, мы вырыли в снегу траншеи, в них разместили оленей и сани...

Утром раздались взрывы гранат, очереди из автоматов и ручных пулеметов. Фашистские егеря необыкновенно рано пошли по своей контрольной лыжне и нарвались на нашу засаду. Завязался бой...»

В составе тыловых подразделений Северного флота постоянно находилось 150—200 оленей — это несколько десятков упряжек, которые участвовали в выполнении различных ответственных заданий. Только зимой 1942/43 года оленетранспортные отряды 14-й армии вывезли 2010 раненых, 4585 тонн различных грузов, эвакуировали 38 аварийных, севших в тундре, самолетов [10].

К августу 1944 года в 14-й армии насчитывалось более четырех тысяч оленей, несколько меньше — в 19-й армии. А такое количество оленей прокормить — сложная задача, ведь ягельники в прифронтовой зоне погибли. Приходилось завозить фураж из средней полосы: по норме на каждого оленя полагалось в день по два килограмма комбикормов и килограмм сена. А сколько хлопот возникло с нартовым хозяйством! В армии использовались тысячи саней. И опять-таки выручили саамы — они наладили производство и ремонт нарт в Ловозере.

Саамы-оленеводы в силу своего опыта, знания местных условий составляли ядро подразделений. За годы войны в Заполярье они вывезли с линии фронта 10 142 раненых и больных, доставили для выполнения боевых заданий 7985 военнослужащих, перевезли 17 082 тонны боеприпасов и военных грузов, эвакуировали из тундры 162 аварийных самолета [11].

А ведь за каждой цифрой стоят события и факты, которые статистика не всегда может учесть: морозы и метели, бездорожье и болота, стрелковый огонь врага и бомбежки, различные неожиданности и сложные ситуации. Приходилось сутками

ждать на вражеской стороне возвращавшихся с задания разведчиков и партизан, долго плутать в тундре в поисках летчиков, выбросившихся со сбитых самолетов.

Однажды санный поезд, в котором было 300 оленей, переправлялся ранней зимой через озеро. На середине его догнало резервное оленье стадо из 500 голов. Лед не выдержал, и все олени и сопровождавшие их люди оказались в воде. Однако оленеводы не растерялись. По колонне передали приказ: «Стоять на санях! Гнать оленей вперед!» Олени вытянули сани с людьми, и все окончилось благополучно.

В мемуарах Героя Советского Союза С. Г. Курзенкова описан случай, когда саамы спасли летчика Алексея Шведова: «После четвертой ночи он (А. Шведов.— *Авт.*) потерял счет времени. Шел как в тумане. И вот однажды, когда совсем выбился из сил, услышал человеческие голоса. Из-за сопки появилась оленья упряжка. Алексей хотел крикнуть — и не смог: рот не открывался. Тогда он выхватил пистолет и стал стрелять...» [12]. Кстати говоря, и самого Сергея Курзенкова, раненного и почти выбившегося из сил, оленеводы нашли в тундре и доставили в госпиталь.

Оленетранспортные дивизионы участвовали в обороне полуострова Рыбачьего и рубежей на Западной Лице, а в период Петсамо-Киркенесской операции значительная часть оленьих упряжек была передана минометчикам и артиллеристам 126-го легкого стрелкового корпуса. Часть оленей шла под вьюками, в каждом вьюке по два ящика мин или снарядов. В быстром передвижении наших частей к Печенге есть немалая заслуга оленеводов.

О героизме и храбрости саамов, проявленных в боях, сообщалось в письмах с фронта, многие из которых опубликованы в «Ловозерской правде». Вот одно из них: «Товарищи ловозерцы! Вы можете гордиться вашими односельчанами. За образцовое выполнение боевого задания командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество Военный совет фронта наградил медалью «За боевые заслуги» Вокуева Петра Егоровича, Галкина Кондрата Павловича, Рогова Елисея Николаевича, Терентьева Василия Прокофьевича, Матрехина Егора Назаровича.

Командование оленетранспорта № 1 благодарит колхозы «Тундра», «Краснощелье» и «Красная тундра» за воспитание таких защитников нашей Родины. Командование надеется, что, находясь в тылу, вы еще лучше будете работать для фронта по выполнению ваших планов и тем самым ускорите нашу победу над злейшим врагом — немецким фашизмом.

Военком транспорта, старший политрук Г. Пожлаков» [13].

Все для победы над врагом!

Население саамских погостов Кольского полуострова четыре года находилось в прифронтовой полосе и испытало все тяготы войны. Особенно трудно пришлось в июне—июле 1941 года саамам, проживавшим в западной части Мурманской области. Их селения подвергались ежедневным бомбардировкам, враг сжег все жилища в Ристикенте, Ниванкюле, Титовке, Западной Лице, саамы потеряли скот, имущество, многие семьи оплакивали убитых. Так, у А. А. Костылевой-Осиповой, эвакуированной в поселок колхоза «Восмус», осколком бомбы убило старшего сына, ранило дочь. Были жертвы и в других семьях.

Всех саамов, не призванных в Красную Армию, летом 1941 года мобилизовали на выполнение разнообразных оборонных работ. Жители тундры строили дороги к фронту, подвозили на оленях бревна для землянок и огневых точек, помогали сооружать взлетные полосы на временных аэродромах, рыли щели и окопы, чтобы укрыться во время авианалетов. Вдоль Пулозерского тракта курсировали патрули, появился наблюдательный пост на крыше ловозерской школы. Такой же пункт наблюдения находился на окраине Ловозера, на кладбище, где на вершине сосны поочередно сидели школьники во главе с Валентином Забродиным (после войны и учебы В. М. Забродин был начальником рудника «Карнасурт», а потом — секретарем парткома Ловозерского горно-обогатительного комбината).

Летом 1941 года в Ловозерском и Саамском районах, так же как и в других районах области, было создано народное ополчение, организованы истребительные отряды. Саамы, русские, украинцы, коми, ненцы по первому приказу брались за оружие и шли выполнять боевые задания: вылавливали заброшенных немецких диверсантов, уничтожали вражеские десанты, искали упавшие в тундре фашистские бомбардировщики. Бойцы народного ополчения и истребители прочесывали леса, собирали и жгли гитлеровские листовки, охраняли Кировскую железную дорогу. И все это наряду с основной работой.

Одна из сложных задач, которую пришлось решать кольским оленеводам в 1941 году, была эвакуация оленьих стад из районов военных действий. Дело заключалось в том, что в начале войны на ягельниках близ границы оставалось около четырех тысяч оленей. Пастухи успели в июле — августе отогнать животных от Титовки и Рыбачьего. Огромное стадо оленей медленно двигалось на юго-восток. У Туломы пришлось остановиться (ждали, когда окрепнет молодой лед), и только 9 ноября 1941 года оленей переправили по льду через реку и вышли к железной дороге в районе Лопарской. Во время этого 130-дневного пере-

хода в условиях развернувшихся военных действий самоотверженно и героически вели себя саамы каневского совхоза Е. Ф. Антонов, И. М. Собакин, С. Т. Яковлев, А. А. Осипов, М. С. Герасимов. Родственники считали этих пастухов погибшими, но они, вернувшись в села живыми и невредимыми, через несколько дней взяли винтовки и ушли на фронт [14].

На смену ушедшим в армию оленеводам пришли женщины, подростки и пенсионеры. «Мы еще послужим Отечеству, мы еще покажем, как надо работать для фронта», — говорили 60—70-летние старики. Сколько инвентаря отремонтировано их руками, сколько сшито упряжи! Они руководили сенокосными, рыболовецкими, охотничьими бригадами, шли на любую работу, которую требовалось делать.

Пастух Ф. А. Юлина в войну

На них равнялись остальные. К. А. Сорванов с одним помощником сторожил стадо, которое раньше охраняла бригада пастухов из семи человек. Одним из лучших работников колхоза «Красная тундра» стал подросток И. Д. Матрехин [15]. Он наравне со взрослыми работал в тундре, на лесозаготовках, сопровождал оленьи райды, доставляя из райцентра грузы и продовольствие.

В войну нарушилась вековая традиция: пастьба оленей была всегда делом сугубо мужским. В первые недели войны пошли в пастухи Клавдия Галкина и Ульяна Юрьева. Их подруга Клавдия Матрехина в те дни писала: «Я с радостью иду на эту новую для меня работу и буду стараться скорее научиться пасти оленей. Призываю всех девушек-колхозниц отправиться в оленеводческие бригады» [16].

За годы войны колхозы и совхозы Ловозерского района передали фронту более пяти тысяч оленей с санями и упряжью. Колхозники артели «Тундра» в самом начале войны изготовили для армии 475 саней, 328 комплектов упряжи.

Летом 1944 года Саамский район передал 14-й армии дополнительно более 300 комплектов упряжи и почти столько же саней. Отдавали последнее: в артели «Просвет» осталось всего

На выполнение боевого задания

8 комплектов упряжи, в «Искре» — 3, а во всем районе — 84 комплекта упряжи и 118 саней [17].

Карельский фронт нуждался не только в оленях, нартах, упряжи, но и в теплых вещах. Уже к 15 декабря 1941 года трудящиеся Ловозерского района передали армии 750 пар тоборок и 770 пар липтов, кроме того — 1571 оленью шкуру. Лучшими мастерицами по шитью одежды из оленьего меха в годы войны были Феофания и Федора Юрьевы. Отличные пимы, тоборки, чулки, рукавицы шили Мария Собакина и Ульяна Яковлева [18].

Саамы помогали фронту и продовольствием. В первую военную зиму ловозерские охотники убили 115 лосей. Бóльшую часть мяса отправили в действующую армию, а остальную распределили между семьями фронтовиков. За зиму 1942/43 года (до 20 февраля) в Ловозерском районе было убито еще 72 лося. Колхоз «Краснощелье» добыл 27 лосей, «Красная тундра» — 25, «Тундра» — 12 и «Доброволец» — 8 [19]. Рыбаки колхоза «Искра» в 1943 году сдали государству более 2,5 тысячи центнеров рыбы.

С лета 1942 года в тундровых селениях на каждом клочке пригодной земли выращивали картофель и овощи. Чтобы добиться хорошего урожая, огороды обильно удобряли торфом. И земля отблагодарила — картофель и капуста уродились в тот год на славу. Часть урожая отправили в госпитали.

Каждую осень в тундре заготавливали грибы и ягоды. И тут

саамы были в числе первых. В 1943 году Ловозерский райисполком организовал ударную бригаду из восьми человек по сбору грибов и ягод, целиком состоявшую из саамов [20].

Говоря о вкладе кольских саамов в дело разгрома немецко-фашистской Германии, надо иметь в виду не только непосредственное участие оленеводов в боях, не только поставки фронту оленей, рыбы, овощей, грибов и ягод, теплой одежды и обуви, но ряд других факторов, обусловленных высоким моральным духом тундрового населения, его уверенностью в победе и патриотической поддержкой политики Коммунистической партии и решений Советского правительства.

Взрослые и дети активно участвовали в сборе средств в фонд обороны, посылали на фронт теплые письма и подарки. «Каждый школьник горит желанием сделать самый лучший подарок бойцу, — писала тогда «Ловозерская правда»,— излить в письме самые лучшие чувства и пожелания защитникам Родины. Школьники готовят в подарок бойцам искусно вышитые носовые платки, кисеты. Имеется уже много коробок зубного порошка, кусков туалетного мыла. В письмах, которые будут вложены в посылки, учащиеся рассказывают бойцам о своей учебе, о готовности к экзаменам в школе, о помощи колхозов семьям красноармейцев, о своей большой общественной работе».

Проявляя горячую любовь и заботу о бойцах Красной Армии, саамы отправили в армию сотни теплых вещей: ватных брюк, фуфаек, меховых рукавиц и т. д. Собрали 315 метров белого материала и 450 подарков бойцам на сумму 13,5 тысячи рублей.

Трудящиеся Ловозерского района внесли в фонд обороны более 500 тысяч рублей. Саамы сдавали золотые и серебряные украшения, облигации государственных займов и наличные деньги, собирали средства на строительство авиаэскадрильи «Советский Мурман» и танковой колонны «Белый медведь» [21].

А вот что сообщалось в информации Мурманскому обкому ВКП(б) о создании фонда обороны в Саамском районе: «Участие трудящихся района в создании фонда обороны Родины превратилось в массовое движение. Все трудящиеся района — рабочие, служащие, колхозники — считают своим долгом вложить в этот фонд соответствующую свою долю, внести в него облигации госзаймов, наличные деньги, отчисляя ежемесячно одно- и двухдневный заработок... Домохозяйки решили участвовать в создании фонда обороны своими рукодельными изделиями, пимами, туфлями из оленьей шкуры. Они говорили, что и наши изделия могут превратиться в винтовки, пулеметы, снаряды (Артиева А. П.). Домохозяйка т. Егорова А. П. внесла в фонд обороны облигаций на 1000 руб. Колхозница колхоза «Искра» т. Матрехина М. Л. сдала в фонд обороны золотое кольцо» [22].

Оленеводческие колхозы в войну

Трудно пришлось бы семьям саамов-фронтовиков в военную пору, не будь колхозов и совхозов. В первый год войны тундровые хозяйства Кольского полуострова продолжали вести строительство жилых и производственных помещений. Лумбовский колхоз «Просвет» в 1941 году построил скотный двор на 22 коровы, большой склад, два сарая (для сена и кирпича). В саамских колхозах интенсивно развивалось рыболовство, большое внимание уделялось растениеводству. Оленеводство, несмотря на то что лучшие пастухи ушли в армию, оставалось главной отраслью производства. В ловозерском колхозе «Тундра», возглавляемом И. С. Рочевым, результаты были таковы: если до войны годовой доход колхоза исчислялся в 230—300 тысяч рублей, то в 1942 году он увеличился до 1300 тысяч рублей [23].

Вместо ушедших на фронт мужчин работали женщины и молодежь. В ряде хозяйств комсомольцы возглавили полеводческие бригады и звенья. В колхозе «Тундра» Ловозерского района комсомолка Анна Чупрова в 1941 году выработала наибольшее среди комсомольцев количество трудодней. Затем ее поставили во главе бригады в составе 45 человек. Чупрова сумела четко и слаженно организовать работу бригады: вовремя и на высоком агротехническом уровне провели весенний сев, заготовили корм для скота, собрали неплохие урожаи картофеля и овощей. Позднее Чупрова работала заместителем председателя колхоза «Тундра» — крупнейшего оленеводческого колхоза области, получавшего более чем миллионный доход. За время войны на работу бригадирами было выдвинуто 37 комсомольцев, звеньевыми — 76 человек, заведующими молочнотоварными фермами — 23 человека.

Колхозы Ловозерского района и в 1943 году, несмотря на нехватку пастухов, появление большого количества волков и другие трудности, выполнили план по оленеводству. Денежный доход колхозов этого района за 1944 год составил 2240 тысяч рублей. Средняя стоимость трудодня по району была 11,6 рубля. Выросло число передовиков производства, среди которых выделялись два «деда» — А. М. Галкин и Е. А. Юрьев. По итогам 1944 года лучшими работниками колхоза «Тундра» признаны К. А. Сорванов, заработавший в течение года 1266 трудодней, подросток Ф. И. Данилов и пенсионер Г. В. Сорванов [24].

В не менее сложных условиях находились в войну колхозы Саамского района. В отчете артели «Север» за 1942 год отмечалось, что государственные поставки успешно выполнялись, однако в работе колхоза выявились два крупных недостатка: слишком велики безызвестные потери оленей и полностью «завален»

план по рыболовству [25].

Определенные трудности переживали в 1942 году сосновские саамы. В колхозе случился падеж скота, план по рыбе выполнили лишь на 12 процентов. Не хватало людей. И трудодень в колхозе оценивался в 5,3 рубля.

О такого же рода бедах писал в годовом отчете председатель варзинского колхоза «Большевик» Я. И. Юшков: положение хозяйства сложное, поголовье скота сокращалось (фронт требовал и мяса и ездовых оленей) [26].

Однако уже с 1943 года общая ситуация в погостах Саамского района начинает меняться в лучшую сторону. Колхозы нашли новые формы организации труда, мобилизовали внутренние резервы. Успехи колхоза «Просвет» за 1943 год зафиксированы так: «При меньшем, чем в 1942 г., количестве рабочей силы получено больше продукции по всем отраслям хозяйства. Денежный доход колхоза, общее поголовье оленей, крупного рогатого скота и овец, вылов рыбы, добыча пушного зверя, урожай картофеля и овощей значительно больше, чем в прошлом году» [27].

Аналогичных результатов достигла и артель «Искра», колхозники которой получили в 1943 году на заработанный трудодень по 29,3 рубля (правда, рубль в войну отличался по стоимости от довоенного).

Колхозников очень часто отвлекали по мобилизации на военные работы; они вели лесозаготовки для армии, строили аэродромы, дороги, тянули линии связи. Столбы и провода для линий доставляли саамы на оленях.

За годы Великой Отечественной войны число оленей в Мурманской области сократилось почти на 40 процентов: если в 1940 году на Кольском полуострове насчитывалось 70,3 тысячи оленей, то в 1945 году осталось только 42,9 тысячи. Но эти убытки можно было возместить — поголовье оленей при надлежащих условиях восстанавливается довольно быстро. Главное заключалось в том, что наша страна одержала Великую Победу.

И в этом есть заслуга саамов — тех, кто сражался на фронте, и тех, кто ковал победу в тылу.

Из одного металла
льют медаль за бой,
медаль за труд

В конце войны начали возвращаться саамы в родные селения. Сначала — раненые и выздоравливающие, затем демобилизованные по возрасту, по семейным обстоятельствам. Куда только не разбросала война саамов! А. П. Галкин дошел до Германии, П. И. Антонов освобождал Чехословакию, Г. М. Дмитриев из Териберки, хорошо знавший финский язык, ходил с партизанами в Финляндию, многие сражались в Польше, Австрии, на Балканах.

За мужество, героизм и храбрость, проявленные в боях, фронтовики получили высокие правительственные награды. С орденом Красной Звезды вернулся домой пастух Г. П. Галкин. После войны он построил хороший дом, воспитал пятерых детей. Таким же боевым орденом награжден Л. П. Захаров из колхоза «Север», прослуживший всю войну во 2-м оленетранспортном дивизионе 14-й армии. Солдатских орденов Славы удостоены Лазарь Дмитриевич Яковлев и Андрей Павлович Галкин. Медаль «За боевые заслуги» украсила грудь Бориса Степановича Юлина. Медаль «За отвагу» принес с фронта бывший связист А. П. Галкин. С наградами вернулись солдаты-фронтовики Григорий Михайлович Дмитриев, Кондратий Павлович Галкин, Федор Яковлевич Семяшкин, Артамон Александрович Сорванов, Виктор Иванович Маягин.

Десятки саамов награждены медалью «За оборону Советского Заполярья». Среди них коммунисты: старший пастух колхоза «Тундра» Н. П. Галкин, бригадир К. А. Семяшкин, пастухи Г. Ф. Кириллов и его сын Евдоким, председатель Воронинского сельсовета В. П. Карпов, отец и сын Юлины (Поликарп Иванович и Гавриил Поликарпович), братья Яковлевы — Иван и Егор, И. М. Антонов, Ф. П. Лукин, А. Т. и А. А. Дмитриевы, Л. С. и М. С. Карповы. Среди награжденных медалью «За оборону Советского Заполярья» немало саамских женщин: Н. А. Юшкова, У. А. и К. Т. Карповы, М. И. Юрьева, У. И. Юрьева, Т. И. Коварнина, А. Е. Кириллова и другие[28]. Многим саамам вручены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В честь погибших на фронтах Великой Отечественной войны во всех тундровых селениях воздвигнуты скромные обелиски — памятники человеческой благодарности за ратные подвиги земляков. И среди имен, начертанных на камне и металле, немало саамских. Есть такой памятник и в Ловозере.

В дни 30-летнего юбилея Великой Победы в 1975 году поставлен обелиск погибшим землякам в Краснощелье — на нем выбито 15 фамилий[29].

В мае 1985 года на площади в селе Ловозере, откуда в годы войны уходили сражаться с врагом ловозерцы, открыт новый памятный знак. В центре композиции на фоне солдатского штыка — мужественное лицо воина оленетранспортного отряда. На знаке надпись: «В честь ловозерцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

Вечная им слава!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОЛЕНЕВОДСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ /1946 - 1970/

После победоносного завершения Великой Отечественной войны одной из главных задач населения тундровых районов Кольского полуострова стало возрождение оленеводства как традиционной, высокорентабельной и вполне самостоятельной отрасли экономики. Необходимо было восстановить довоенное поголовье оленей, наладить нарушенную войной систему выпаса и перекочевок, отрегулировать структуру стада, поднять доходность колхозов и заработки оленеводов.

Решение этих проблем заняло целый ряд лет и проходило в отличающихся от довоенного времени условиях. Тундра наполнилась голосами людей, лязгом гусениц вездеходов, шумом моторов вертолетов. Основной оленеводческий район — Ловозерский — перестал быть чисто сельскохозяйственным. В 1951 году пущен в эксплуатацию Ловозерский горно-обогатительный комбинат, заработали рудники и обогатительная фабрика, через тундру протянули линии электропередачи, построены десятки километров асфальтированных дорог, выросли новые рабочие поселки.

Изменились люди, их быт и занятия. Если раньше в погостах не было иного дела, как пасти оленей и рыбачить, то после войны многие саамы вернулись из армии с новыми профессиями. Да и сама колхозная жизнь заставляла саамов сеять и убирать

корма, доить коров, водить тракторы и автомобили, становиться строителями, электромонтерами.

И тем не менее к вопросам развития оленеводства было приковано внимание партийных, советских и хозяйственных организаций Ловозерского района все сорок с лишним послевоенных лет. В этом они видели и решение проблемы занятости части саамского населения, и сохранение вековых традиций, и создание прочной собственной продовольственной базы.

Специалисты подсчитали, что на земном шаре сейчас около трех миллионов северных оленей, 80 процентов их находится в СССР, в районах Арктики, — от Кольского полуострова до Чукотки и Камчатки[1]. Однако оленье стадо Мурманской области всегда было сравнительно небольшим. В 1932 году на Кольском Севере насчитывалось 63 тысячи оленей[2], на 1 января 1941 года — 70,3 тысячи, на начало 1972 года — 82,8 тысячи голов и в 1975—1976 годах — 65 тысяч[3]. Приблизительно таким, по-видимому, останется оленье стадо и в обозримом будущем, ибо ограниченные размеры пастбищ не позволяют увеличивать поголовье оленей Кольской Лапландии в значительных масштабах.

В первое послевоенное десятилетие

Восстановление оленеводства на Кольском полуострове началось еще в дни Великой Отечественной войны. Национальные колхозы Мурманской области были освобождены от государственных поставок сельскохозяйственных продуктов, им предоставлялись кредиты для пополнения оленьего, в первую очередь племенного, стада.

Более интенсивно шло возрождение оленеводства в годы четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). Каждый год за счет приплода увеличивалось поголовье, пастухи, соскучившись в дни войны по оленям и тундре, заботливо охраняли каждую важенку, каждого олененка. Осваивались ягельники отдаленных районов, началось истребление волков, расплодившихся в войну. Вместо уничтоженных построек на промежуточных базах выросли новые избы, сараи, корали. Строились и жилые дома в погостах.

26 марта 1948 года при обсуждении итогов хозяйственной деятельности колхозов за предыдущий год Ловозерский райисполком (председатель И. М. Кузгинов) отмечал, что оленеводческие хозяйства улучшили свою деятельность, выполнили план по росту и сохранению оленьего поголовья.

Хорошо работали и оленеводы Саамского района (он существовал до 1963 года). В районную Книгу почета занесены имена бригадиров П. И. Долгих и А. С. Матрехина из колхоза «Север»; коммунистов артели «Искра» С. Н. Койвина и П. Н. Матрехина. Победителем в социалистическом соревновании стала

оленеводческая бригада колхоза «Просвет» (бригадир И. П. Данилов), выполнившая все показатели плана по оленеводству на 180 процентов [4].

Программой деятельности оленеводческих хозяйств Мурманской области в первые послевоенные годы стали государственные задания по развитию сельского хозяйства Крайнего Севера СССР. Они предусматривали необходимость повышения продуктивности оленеводства, сокращение непроизводительных потерь в стадах, эффективное использование тундровых и лесных пастбищ, улучшение бытовых и производственных условий работы оленеводов. Мурманский облисполком на основании этих заданий разработал план строительства в Ловозерском районе 4 промежуточных баз, 5 стационарных и 5 переносных коралей, 29 теневых навесов, 120 километров изгороди и т. д.[5].

Все оленеводческие хозяйства Мурманской области в начале 50-х годов достигли довоенного уровня поголовья оленей и, что особенно важно, обеспечили саамам хорошие заработки. Средняя стоимость трудодня в Ловозерском районе в 1950 году составила 18,4 рубля. Высокие заработки были и в Саамском районе. Колхозники Иоканги получили в 1952 году на трудодень по 22 рубля, а кроме того, по 300 граммов мяса и по литру молока.

В оленеводческих колхозах развернулось широкое строительство. Саамы колхоза «Доброволец» построили в 1951 году теневой навес. Артель успешно справилась с планом по оленеводству. Только от извоза колхоз выручил в том году 70 тысяч рублей прибыли.

Ловозерский райисполком запланировал на 1952 год сооружение в тундре 13 теневых навесов, 3 загонов, промежуточной базы и 67 километров изгородей. Причем в решении райисполкома особо подчеркивалось, что к строительству необходимо приступить немедленно, для чего создать специальные бригады рабочих. О том, как началась реализация этого указания, председатели колхозов доложили райисполкому уже 21 мая 1952 года. В течение года в Ловозерском районе построили 8 теневых навесов, 3 кораля, забойный пункт и скотный двор [6].

За годы пятой пятилетки (1951—1955 гг.) поголовье оленей в Ловозерском районе увеличилось более чем на 10 тысяч. На открывшейся в декабре 1955 года районной сельскохозяйственной выставке были представлены все пять оленеводческих хозяйств («Тундра», «Красная тундра», «Краснощелье», «Вперед» и «Доброволец»). Колхоз «Тундра» построил за пятилетку около 100 километров изгородей, ряд промежуточных баз и коралей.

Развитие оленеводства шло параллельно с ростом других отраслей экономики. Ряд хозяйств стал заниматься звероводством — разводить песцов и норок. В колхозе «Красная тундра»

Поступила почта

построили новый скотный двор. К концу пятой пятилетки завершилась электрификация Ловозерского района. Все колхозы для пастушеских бригад приобрели радиоприемники. За 1952—1956 годы в селе Ловозере построено 98 индивидуальных домов общей площадью 4300 квадратных метров.

Значительно улучшилась жизнь оленеводов Саамского района. Колхоз «Искра» ввел в строй в 1956 году 6 жилых домов, колхоз им. Чкалова заселил 2 дома, один дом сдали в Каневке. Пастухи колхоза «Север» жили в тундре в утепленных палатках. Колхозы покупали подвесные дороги для ферм, монтировали новое оборудование. Повысилось благосостояние оленеводов. К примеру, в артели им. Чкалова в 1956 году колхозники получили на трудодень по 21 рублю, 850 граммов молока и 150 граммов мяса.

Оленье стадо Саамского района в 1956 году насчитывало 22 950 голов. Лучшая оленеводческая бригада под руководством депутата райсовета Ф. Т. Захарова в течение трех лет подряд была участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Хорошо работали также бригады рыбаков под руководством А. А. Харлина и Т. П. Харлина [7].

В колхозах Мурманской области продолжалась борьба за сохранность оленьего поголовья. Пастухам приходилось трудиться в нелегких условиях. Вот обычные факты тех лет.

Колхозные пастухи Я. И. Юрьев и И. М. Галкин поздней осенью перегоняли оленей на новые пастбища. Пока вели оленей до реки Вороньей, все шло благополучно. Но на переправе случилось непредвиденное — молодой лед не выдержал, и часть стада попала в полынью. Несколько часов пастухи вытаскивали оленей из обжигающе холодной воды на берег, но свой долг выполнили — стадо было спасено.

Зимней ночью на стадо, охраняемое Николаем Пельтихиным, напала стая волков. В темноте да в метель, к тому же на бегу, трудно попасть из винтовки в хитрого и смелого зверя, но пастух сделал другое — отогнал оленей из теснины на ровное место, где волкам тяжелее догнать испуганных оленей. Пока были патроны, не столько выстрелы — их глушил ветер, — сколько вспышки отпугивали хищников. Вместе с последним патроном пастух достал нож и стал ждать очередной атаки. И трудно сказать, чем все кончилось бы, не подоспей на помощь друзья-пастухи.

И такие эпизоды не являлись чем-то героическим. Это — обычные трудовые будни оленеводов 50-х годов.

Главное — рентабельность

Одной из главных проблем оленеводства по-прежнему являлась ликвидация больших непроизводительных отходов, или безызвестных потерь стада, которые при полувольной пастьбе в общем-то неизбежны. Олень может попасть в трясину, под снежную лавину или обвал, в капкан или под пулю браконьера. Оленя подстерегают волки, медведи, росомахи. Олень, наконец, может заболеть или просто уйти, особенно в период гона, за диким сородичем. В общем, причин много. Главное в другом — в величине урона. Потери в стадах и до войны на Кольском полуострове были велики (в 1937 году они достигали 17 процентов), но тогда борьба за продуктивность и рентабельность оленеводства только начиналась, и с такими потерями еще мирились [8].

По-иному встал вопрос в послевоенные годы, когда началась планомерная и кропотливая работа по сохранению стада и обо-

В стаде совхоза «Тундра» (1972 г.)

значились пути к ликвидации потерь, а стало быть, к подъему продуктивности оленеводства. А осуществлялась эта деятельность в следующих направлениях.

Во-первых, сооружались проволочные изгороди вдоль границ сезонных пастбищ, что облегчало выпас, не позволяло отдельным оленям отбиться от стада. То, что хотели сделать с помощью кооперации в 20-е годы, ту работу, что начали колхозы по установке изгородей в 30-е годы, продолжили после войны. Вместе с изгородями строили теневые навесы, корали и промежуточные базы.

Во-вторых, успешнее решалась кадровая проблема — в тундре росло число квалифицированных и добросовестных пастухов. Было решено покончить с таким положением, когда от стада откалывалось по 500—1000 голов и никто не знал, куда ушли олени. Зимой, когда пастухи съезжались в села, с ними проводили разнообразную учебу — по ветеринарии, зоотехнике, радиоделу.

В-третьих, результаты целого сезона в оленеводстве зачастую зависели от величины и структуры оленьего стада. Средний размер производственного стада в Мурманской области составлял 2100—3300 голов, тогда как по рекомендациям ученых он не должен превышать 1400—1600 голов для тундры и 1200—1400 оленей для лесотундры.

Один из способов повышения рентабельности оленеводства — улучшение структуры стада. В условиях Кольского полуострова,

когда количество пастбищ ограничено и общее поголовье животных более или менее стабильно, рекомендуется иметь более высокий удельный вес маточного поголовья — до 58—60 процентов. Сравнительно высокий процент важенок был в 60-е годы в стадах колхоза «Тундра» — около 54. В колхозе им. Ленина на 100 оленей имелось 53 матки. А в колхозах им. Чкалова, «Север» и Понойском оленесовхозе их насчитывалось еще меньше [9].

Существовали и другие неиспользованные резервы. Мало уделялось внимания борьбе с гельминтозами оленей и оленегонных собак, плохо налаживалась племенная работа. До последнего времени в области отсутствовали специализированные племенные стада (с поголовьем 1,0—1,2 тысячи голов), а проводился лишь комплекс простейших приемов племенной работы: отбор производителей, маток и молодняка для ремонта стада, обмен производителями, выбраковка малопродуктивных оленей на убой.

Центром оленеводства Кольского полуострова в послевоенные годы стал Ловозерский район, где сосредоточено 85 процентов оленьего поголовья области. Если в 1955 году в районе было 43,6 тысячи оленей, то в 1967 году в колхозных стадах паслось около 60 тысяч оленей. Только за один 1966 год хозяйства Ловозерского района сдали на мясо 11,5 тысячи оленей [10].

О пастухах-саамах

Труд оленеводов по сложности можно сравнить с работой рыбаков. Только вместо бурного моря — у пастухов метельная или дождливая тундра; вместо палубы корабля — огромная территория ягельников, где кормятся олени; вместо каюты — либо брезентовый чум, либо временный домик на санях, в лучшем случае — изба промежуточной базы. Чтобы сберечь ищущее ягель стадо, «вахта» оленеводов длится целыми сутками под открытым небом: в мороз и дождь, в метель и слякоть. Не зря говорят, что оленевод восемь месяцев в году мерзнет и четыре мокнет.

В марте надо сделать переучет стада, отделить плодовую часть от неплодовой. Во время отела проследить за каждой важенкой и слабым в первые дни жизни теленком. Нелегко летом и осенью, особенно в грибное время, когда олени «нагуливают тело», когда начинается гон. А в забойное время бригада в 8—10 человек должна забить в день 300 оленей.

Сколько пастухам приходится пройти или проехать за сезон! Наверное, потому расстояния в тундре часто меряют не километрами, а днями и неделями. На такое способны только выносливые, мужественные и любящие природу люди, и среди них — большинство саамов.

До коллективизации каждый саам на свой страх и риск пас небольшое собственное стадо. В оленеводческих колхозах и товариществах первые пастушеские бригады создавались в основном из саамов. Их бескорыстие, готовность помочь соседу в работе, безотказность по достоинству оценивались в национальных коллективах. Саамы-пастухи проявляли много трудолюбия, а порой и самоотверженности, чтобы сберечь колхозные стада, спасти их от волков, болезней и бескормицы. За хорошую работу в 1936 году пастуха Е. А. Яковлева из товарищества «Саам» наградили именными серебряными часами [11]. И подобных фактов было немало.

Тогда же на Кольском полуострове началась планомерная подготовка колхозных пастухов. На курсах оленеводов в Мурманске учился Г. П. Галкин. Вернувшись в колхоз, он сразу зарекомендовал себя пастухом нового склада, знающим зоотехнику, ветеринарию. Нашествие фашистов прервало его мирный труд, но после войны Григорий Павлович возвратился в тундру и долго трудился бригадиром третьей бригады колхоза «Тундра».

Вернулся с фронта и пастух С. П. Яковлев, о котором оленевод соседнего хозяйства рассказывал: «А вот в десятой бригаде есть пастух Сергей Яковлев. Руку на фронте человек потерял. Мог после войны найти в колхозе работу какая полегче. Нет, снова пошел к стаду. А здесь у него работа тяжелая. Оленя арканом поймать да удержать, упряжку запрячь, чум поставить — вся работа тяжелая, что и с двумя руками еле управляешься. А Яковлев так быстро все делает, что не угонишься за ним. Да и все фронтовики работают здорово. Многие награды имеют и за войну, и за труд» [12].

Почти три десятилетия работал пастухом С. И. Юшков. До войны еще пришла к нему трудовая слава: он — один из первых саамов, удостоенных чести быть на открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве в 1939 году. И в трудное для страны военное время Семен Иванович не расставался с оленями. На упряжках доставлял на передовую боеприпасы, продовольствие, вывозил в тыл раненых. Бригада, руководимая С. И. Юшковым в послевоенные годы, считалась одной из лучших в колхозе «Тундра» и в районе. Забота о сохранности оленей для Юшкова всегда была на первом плане.

Среди замечательных мастеров своего дела, пастухов высшего класса следует упомянуть К. А. Сорванова, у которого училось много молодых пастухов. Им передавал он свои знания, свой опыт. Труд Константина Александровича высоко оценила Родина, наградив его орденом Ленина. 40 лет проработал в тундре (из них половину бригадиром) саам, коммунист с 1945 года И. А. Яковлев, отмеченный орденом «Знак Почета».

Награды получили оленеводы А. Я. Семяшкин, В. А. Галкин и другие.

Пастухи Кольского полуострова активно участвуют в политической жизни района, области, страны, среди них много коммунистов и комсомольцев. Василий Николаевич Юрьев за самоотверженный труд удостоен высшего в СССР трудового отличия — звания Героя Социалистического Труда. До конца жизни (умер он 25 февраля 1975 года) В. Н. Юрьев любил говорить: «Это наградили не меня, а весь мой народ». Под началом у В. Н. Юрьева была оленеводческая бригада, которая выпасала три тысячи оленей. В его бригаду входили саамы Захар и Осип Герасимовы, коми Михаил, Николай Терентьевы и Павел Канев, ненец Гавриил Хатанзей. Понимали друг друга пастухи с полуслова и работали на совесть. Эта бригада всегда добивалась высоких показателей, она отличалась сознательной дисциплиной[13].

С. И. Юшков

В. Н. Юрьев в совершенстве владел всеми «секретами» профессии, завоевал славу лучшего оленевода области. Он являлся инициатором внедрения передовых приемов в оленеводстве. Богатым опытом бригадир щедро делился с оленеводами, активно участвовал в жизни партийной организации, неоднократно избирался членом Кольского райкома КПСС, депутатом Кольского Совета депутатов трудящихся, был участником ВДНХ СССР.

Василий Николаевич Юрьев прошел всю войну: будучи бронебойщиком, не раз отражал атаки немецких танков. На Карельском фронте был он тяжело ранен, полгода лежал в госпитале, затем снова воевал. В мае 1944 года вступил в партию, после войны вернулся в тундру и пошел работать бригадиром оленеводов.

В. Н. Юрьев прожил большую жизнь — знал тундру и оленей, войну и разруху, видел Скандинавию и Прибалтику, был членом ученого совета Мурманской опытной оленеводческой

Герой Социалистического Труда саам В. Н. Юрьев

станции, в коллективе которой работал с 1934 года, не раз бывал в Москве, где представлял интересы оленеводов-саамов.

А таких, как В. Н. Юрьев, в Кольской тундре много. С 1976 года среди пастушеских бригад организовано соревнование на приз Героя Социалистического Труда В. Н. Юрьева. Победителем считается коллектив оленеводческой бригады, который добился наивысших годовых показателей в работе, получив не меньше 72 телят от 100 оленематок, сохранив взрослое поголовье оленей на 85—90 процентов.

По официальным данным, в оленеводческих бригадах колхоза «Тундра» в 1969 году насчитывалось 75 пастухов, в том числе 58 саамов, 14 коми и 3 ненца. Состав пастухов по стажу работы был таков: до 5 лет — 3 человека, от 5 до 10 лет — 11, от 10 до 20 лет — 33, от 20 до 30 лет — 16, от 30 до 40 лет — 8 и свыше 40 лет — 4 пастуха. По возрасту они подразделялись следующим образом: до 20 лет — 14 человек, от 20 до 30 лет — 14, от 30 до 40 лет — 14, от 40 до 55 лет — 22 и старше 55 лет — 11. Приблизительно такое же соотношение было и в целом по Мурманской области, где по состоянию на 1 января 1974 года насчитывалось 200 пастухов-оленеводов [14].

И все же пастухов не хватает, оленеводческие хозяйства до последнего времени испытывали острую нехватку кадров, на 1 января 1986 года был 181 пастух. Недостаток пастухов вынуждает укрупнять стада; нередко нагрузка на оленевода доходит до 500—600 оленей при норме 300—350 голов.

В шестидесятые годы

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС развитию оленеводства Кольского Севера уделялось особое и пристальное внимание. Советское государство, укрепляя экономику оленеводческих хозяйств, повысило закупочные цены на оленину

на 50 процентов. Через три года произошло новое повышение закупочных цен: оленина высшего сорта стала стоить 187 рублей за центнер, мясо средней упитанности — 160 рублей и ниже средней — 121 рубль. А себестоимость центнера оленины (в живом весе) в целом по Ловозерскому району в 1968 году оценивалась в 62 рубля [15].

Повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию дало возможность поднять рентабельность оленеводства. Совершенствовалась оплата труда оленеводов. Подверглись общественному осуждению факты, когда оленеводы, стараясь во что бы то ни стало перевыполнить план, отправляли животных на забойные пункты без всякого отбора, не обращали внимания на выходное поголовье оленей, особенно маточное, не заботились об улучшении структуры стада.

Утверждение технически обоснованных норм выработки в оленеводстве помогло решить ряд важных вопросов: устранить обезличку в оплате труда, совершенствовать организацию и технологию производства, наиболее эффективно использовать машины и средства механизации. Все это способствовало увеличению выпуска продукции и снижению ее себестоимости.

Экономист колхоза «Тундра» А. Гужевников в 1966 году делился опытом: «Совершенствуя систему оплаты труда, мы многого добились. Если в 1963 г. маточное поголовье в оленьих стадах составляло 54 процента, то к концу 1965 г. оно увеличилось до 56 процентов. В 1963 г. от 100 январских оленей мы получили в среднем около 15 центнеров мяса, в 1964 г. — около 19 центнеров, а в прошлом году — 20,6 центнера. С 74,4 процента в 1963 г. до 77,4 процента в прошлом году увеличился выход телят» [16].

К началу восьмой пятилетки (1966—1970 гг.) в хозяйствах Кольского полуострова значительно выросло поголовье оленей — в 1966 году в колхозе «Тундра» было 39 тысяч голов, в артели им. Ленина — 18 тысяч, в «Севере» — 6 тысяч. Колхозы воспитали хорошие кадры специалистов, накопили опыт коллективной работы. За успехи в развитии народного хозяйства и в связи с 50-летием Советской власти колхозу «Тундра» в 1967 году присуждено и вручено на вечное хранение памятное Красное знамя Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Министров РСФСР и ВЦСПС.

Секретарь Ловозерского райкома КПСС саам Л. А. Голубев писал в те дни: «В настоящее время в районе пять крупных колхозов, оленеводческий совхоз и два подсобных хозяйства. В 1940 г. в общественном секторе было 39 тыс. оленей, а теперь их 60 тысяч. В колхозах развиваются и другие отрасли производства: животноводство, птицеводство, полеводство, звероводч-

ство и рыболовство. В 1966 г. на каждого жителя района произведено 117 килограммов молока, 100 штук яиц, 135 килограммов мяса в живом весе. Растут доходы колхозов. Если в 1960 г. они составляли 740 тыс. руб., то в 1966 г. — 1602 тыс. руб.» [17].

В тундре имелось 26 промежуточных баз и 18 коралей. В распоряжение пастухов предоставлено 10 радиостанций. Доходы передовых оленеводческих хозяйств в 1969 году выглядели так: колхоз «Тундра» получил 521 тысячу рублей прибыли, колхоз им. Ленина и Мурманская оленеводческая опытная станция — по 210 тысяч.

Итоги работы кольских оленеводческих хозяйств в восьмой пятилетке были внушительными. Оленье стадо Мурманской области в 1970 году насчитывало 75 тысяч голов. Саамы В. А. Галкин, А. Я. Семяшкин, Г. А. Фефелов, И. А. Яковлев удостоены правительственных наград. Особо отличилась в годы восьмой пятилетки бригада Василия Галкина: в 1968 году она сохранила 96,3 процента взрослого поголовья оленей и от каждых 100 маток получила в тот год по 91 теленку [18].

Забота о саамах и оленеводстве

В послевоенные годы забота Советского государства и КПСС о малых народностях Крайнего Севера стала еще более многогранной и ощутимой. В соответствии с постановлениями Совета Министров РСФСР «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера» (декабрь 1956 года) и «О мерах по дальнейшему развитию северного оленеводства» (сентябрь 1958 года) в Кольской тундре развернулось большое строительство [19]. Сооружались дороги, линии электропередачи, телефонная линия связала с районным центром село Краснощелье. В Ловозере построено трехэтажное каменное здание школы-интерната, общежитие при нем, новая больница.

Успешно шло индивидуальное жилищное строительство. На пятнадцати улицах Ловозера выросли десятки новых домов, в селе появился водопровод. С августа 1960 года в колхозе «Тундра» введена денежная оплата труда. Саам Григорий Антонов учился как колхозный стипендиат в сельскохозяйственном институте, Валентина Галкина и Софья Захарова были посланы на учебу в зооветеринарный техникум.

Выполняя постановления и директивы Советского правительства об усилении заботы о саамах и о дальнейшем развитии северного оленеводства, принятые в 1960—1961 годах, Мурманский облисполком в марте 1962 года рассмотрел вопрос «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера». Было предложено направлять больше саамов на учебу в Красноярский и Омский институты, в Ловозере нача-

лось строительство дома для учителей, гаража и мастерских для школы [20].

Большую роль в развитии тундрового хозяйства Кольского полуострова сыграло постановление Совета Министров РСФСР от 26 февраля 1963 года «О мерах по дальнейшему развитию оленеводства в Коми АССР, Архангельской и Мурманской областях», в котором намечались пути повышения продуктивности оленеводства и улучшения подготовки специалистов для тундры в средних учебных заведениях [21].

Постановления Коммунистической партии и Советского правительства, касающиеся проблем оленеводства, благотворно отразились на доходах и благосостоянии малых народов Севера, в том числе и Кольского полуострова, где по состоянию на 1 января 1965 года проживало 1885 саамов, 1860 коми и 115 ненцев.

Если в первые годы Советской власти благосостояние саамской семьи находилось в прямой связи с доходами от натурального хозяйства, то теперь все целиком стало зависеть от результатов деятельности того трудового коллектива, в составе которого работали члены семьи.

В оплате труда оленеводческих совхозов применяется 40-процентный районный коэффициент. Ежегодно растут полярные надбавки, максимум которых может достигнуть 80 процентов к тарифной ставке. С 1967 года работа пастухов-оленеводов тарифицирована по пятому разряду сдельно-тарифной сетки конно-ручных работ в животноводстве. Если число охраняемых оленей превышает норму нагрузки, то тарифная ставка увеличивается. Не освобожденному от основной работы бригадиру-оленеводу и его заместителю за руководство бригадой начисляется дополнительная оплата. За выпас, обслуживание и сохранение закрепленных за бригадой животных пастухи получают по расценкам, установленным для каждого сезона года. В зимний период (с ноября по май) расценка за выпас одного животного в месяц в 60-е годы составляла 39 копеек, в летний (с июня по октябрь) — 29 копеек.

Такая дифференциация расценок позволила более равномерно оплачивать труд оленеводов. Если раньше оленеводу вручали основную плату только в конце хозяйственного года, то с 1966 года с пастухами стали рассчитываться ежемесячно. Кроме того, в конце года оленеводам дополнительно начисляют деньги за сданных на забой животных из расчета суммы тарифного фонда, увеличенного на 30 процентов. Особо оплачивается часть работы в ночное время, бесплатно выдается пастухам спецодежда. По нормам, утвержденным в 1960 году, каждому оленеводу полагается совик меховой (на 4 года), тоборки оленьи (на 2 года), накомарник (на 2 года).

В целях повышения материальной заинтересованности пастухов в увеличении производства мяса практикуется дополнительная оплата за молодняк. За каждого теленка, выращенного сверх плана, саамы получают до 50 процентов его стоимости. Если на конец года взрослое поголовье оленей сохранено более чем на 92 процента, то и за это пастуху положена дополнительная оплата. В то же время за производственные упущения бригады или отдельные пастухи могут лишаться дополнительной оплаты полностью или частично.

Средний месячный заработок пастуха-оленевода в Мурманской области постоянно растет, в отдельных хозяйствах он уже в 1967—1968 годах составлял 200—300 рублей. После преобразования в начале 70-х годов колхозов в совхозы заработки оленеводов не уменьшились, хотя различия в индивидуальном плане остались: хорошие пастухи зарабатывают значительно больше ленивых и недобросовестных. Вот пример на этот счет: семье оленевода Василия Поликарповича Юлина ежемесячно вручали в совхозной кассе 1000—1100 рублей зарплаты [22].

И попутно еще один вопрос, который обычно всплывает в беседах с зарубежными саамами: «А каково положение с индивидуальными оленями? Есть ли они у кольских саамов?» Да, есть: на 1 января 1968 года в личной собственности колхозников и рабочих совхозов области имелось 4117 оленей. На одного колхозника и рабочего совхоза (из числа тех, кто владел оленями) приходилось в среднем 10—15 оленей. В 1972 году в личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих было 5100 оленей.

В связи с реорганизацией колхозов и превращением их в совхозы — а этот процесс закончился в начале 70-х годов — положение несколько изменилось: в 1974 году в Ловозерском районе в личном пользовании находилось 3233 оленя. Индивидуальные владельцы ежегодно продают государству более 700 центнеров мяса.

Забота Советского государства о саамах и других малых северных народностях еще более усилилась с конца 60-х годов. 21 апреля 1967 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», в котором говорилось об усилении строительства в тундре, о выделении необходимых ссуд на сооружение жилых домов для оленеводов с рассрочкой на 15 лет (кочевникам до 3,5 тысячи рублей и остальным — до 2 тысяч рублей), о более широком использовании для нужд малых народностей Севера авиации, речных и морских судов, радио и т. д.[23].

В постановлении Совета Министров РСФСР от 4 августа 1967 года «О мерах по дальнейшему развитию экономики и куль-

туры народностей Севера» предлагалось в ближайшие годы завершить переход всех малых народностей Крайнего Севера на оседлость. Мурманскому облисполкому предписывалось детально разобраться с состоянием оленеводства и звероводства, разработать перспективные планы их развития, организовать в тундровых хозяйствах подсобные производства, улучшить снабжение оленеводческих хозяйств, больше посылать саамов на учебу [24].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

громные социально-экономические, материальные и культурные изменения произошли в Кольской тундре за послевоенные десятилетия. Укрепились тундровые колхозы и совхозы, увеличилась их рентабельность, улучшились другие экономические показатели. В погостах росла рождаемость, восстанавливалась нормальная структура населения, значительно повысилось благосостояние оленеводческих хозяйств в целом и саамских семей в частности.

Однако хватало в жизни тундры и старых и новых недостатков. В оленеводстве — это большие непроизводительные отходы в стадах, отсутствие племенной работы, недостаточное количество важенок, сокращение площадей ягельников. В тундре не обрабатывали оленьи шкуры, не использовались такие отходы оленеводства, как рога, копыта, хвосты. Это было связано с нехваткой людей, ледников и вездеходов, пьянством, даже алкоголизмом работающих.

Многие трудности были общими для всех районов Крайнего Севера. Так, долгое время спорили: стоит ли увеличивать число маток в оленьих стадах и если стоит, то на сколько? Просчитали на ЭВМ и получили более двухсот вариантов. Какой из них выбрать? Другая проблема: оседлость местного населения. Ведь жить и работать надо в тундре. Или проблема пастбищ: и им надо давать отдых. Появилась и проблема, связанная с волками:

для диких оленей в разумной мере — это санитар, а для домашних?

Усиливалась потребность в кадрах, и решение ее виделось в одном: шире привлекать в оленеводство молодежь. Для этого предлагалось строить для каждой бригады в тундре стационарный жилищно-бытовой комплекс. Это — дом, объединяющий под одной крышей несколько помещений различного типа — для семейных, для одиноких, зал для культурного отдыха, кухни, кладовые, подсобки и прочее.

И все эти проблемы стояли остро.

О том, как они решались в течение трех последних пятилеток, и пойдет речь в этой главе.

В семидесятые годы

Девятую пятилетку (1971—1975 гг.) оленеводы Кольского полуострова начинали в тяжелых условиях. Часть ягельников в силу ряда причин выпала из кормового оборота, в стадах систематически не хватало пастухов. Не сокращались и так называемые безызвестные потери. Наоборот, число утерянных пастухами оленей, а также ушедших в тундру и затем одичавших все увеличивалось. К тому же весной 1971 года гололед надолго закрыл тундру, олени не могли достать ягель. Пришлось на вертолетах забрасывать в стада корма, концентраты и минеральную подкормку.

Все это, конечно, сказалось на состоянии оленьих стад. Только за три сезона (1972—1974 гг.) хозяйства потеряли 19 тысяч оленей. Ловозерский район недодал государству 455 тонн оленьего мяса[1]. Причинами временных неудач оленеводства явились также просчеты в планировании, бессистемное использование пастбищ, отсутствие в ряде хозяйств даже простейших пастбищеоборотов, непродуманный выпас оленей, слабый зоотехнический контроль, неудовлетворительная дисциплина пастухов.

Партийные организации и руководители оленеводческих хозяйств сосредоточили основное внимание на решении проблем улучшения структуры оленьего стада и племенного дела, рационального использования ягельников, подкормки оленей в зимние месяцы. Более организованно стала проводиться ежегодно начинающаяся в сентябре страдная пора — годовой переучет оленей, выбраковка и забой.

В 70-е годы достигнуты определенные сдвиги в решении кадровой проблемы — пастухов (оленеводов-механизаторов) стали готовить в одном из профтехучилищ Мурманской области. В учебном плане — 17 дисциплин, учащиеся проходят полугодовую производственную практику в тундре. Молодые парни учатся водить вездеход, управлять мотонартами, работать на рации.

Саамы отправляются в тундру

В их распоряжении — необходимая техника и опытное стадо. Преподаватели воспитывают у молодежи чувство любви и уважения к природе, к тундре, к будущей профессии. За первые годы существования профтехучилище подготовило 54 оленевода. Самый большой выпуск был в 1978 году — 25 человек, в их числе дети потомственных оленеводов: Борис Кириллов, Василий Сорванов и другие[2].

Условия работы в тундре улучшались с каждым годом. Только в 1974 году для пастухов построено 5 бань, 7 санных передвижных домиков, промежуточная база. Снабженческие организации стали давать оленеводам в нужном количестве и ассортименте палатки, брезент, телогрейки, сукно, куртки и кожаные ичиги. Оленеводам своевременно доставлялись продукты питания, газеты и журналы, книги и письма.

В тундре прошла тарификация пастухов. Высшие разряды получили наиболее опытные оленеводы. Один из ветеранов писал в газете: «Никогда раньше не делалось столько добра для оленеводов, как сейчас. Это для них строятся базы в тундре и благоустроенные дома в селах, заводы выпускают мотонарты и вездеходы, радиостанции и электростанции, для них стараются работники торговли и службы быта, культуры и медицины. Зарплата нынешнего пастуха не меньше трехсот рублей в месяц. Ему готова помочь в любое время авиация...»[3].

Да, авиация стала постоянным помощником оленеводов. В 1957 году впервые проведен с самолета учет оленей. В 1971 году в совхозе «Понойский» отбился и ушел в лесотундру большой «кусок» стада — 1200 голов. Многодневные поиски своими силами не дали результатов. Вызвали самолет «АН-2», посадили в кабину опытного оленевода В. В. Канева и через несколько часов нашли стадо. В 1973 году с помощью вертолетов «МИ-8» забросили в Каневку 5 сборных домиков, а с 1974 года вертолеты Мурманского авиапредприятия закреплены за совхозами на

арендных началах. Уже не первый год авиация выполняет работы по охране огромной территории (3,5 миллиона га) оленьих пастбищ области. В 1976 году на ягельниках совхоза «Тундра» потушено с помощью «воздушных пожарных» 4 пожара. С помощью авиации каждую забойную кампанию перевозится 400—500 тонн оленины.

И все же труд оленеводов по-прежнему нелегок. Как обычно, неподалеку от речки или озера под прикрытием горы или леса стоит несколько палаток или бревенчатый домик. Отсюда ежедневно пастухи делают путь по 20—30 километров, охраняя тысячные стада оленей. А если опустится туман, налетит непогода или спугнет стадо волк или шум вездехода, олени разбегаются. Тогда ищи их, как ветра в поле.

Возможно, в силу этих условий и укоренились в оленеводстве недостатки. Специалисты же объясняют сложившуюся ситуацию рядом объективных причин и главное тем, что изменилась тундра. Появились гидросооружения и водохранилища, дороги и линии электропередачи. Меньше стало пастбищ, хуже — ягельники. Тундра действительно перестала быть заповедной. Ее население непрерывно увеличивается за счет геологов, участников различных экспедиций, строителей. К сожалению, растет и число браконьеров, которые нередко остаются безнаказанными. Да и волки, которых, казалось бы, истребили, начали появляться вновь: если в 1973 году на полуострове видели 5 волков, то в 1978 году — уже 35—40. Только в Ловозерском районе они уничтожили в 1978 году более 200 оленей.

А если ко всему этому добавить сложные климатические условия? В феврале—марте 1974 года, когда температура воздуха на Кольском полуострове то поднималась до плюс 5—7°, то опускалась до минус 15° и ягельники затянуло ледовой пленкой, пришлось, как и в 1971 году, принимать экстренные меры по спасению оленей, искать новые пастбища с помощью вертолетов. После того как нашли ягельники, стали перегонять стада сразу пяти бригад совхоза «Тундра». Для оленей второй бригады в глубоком снегу пробивали дорогу вездеходом. В ту весну в стада пришлось завезти много сена, комбикормов и рыбной муки [4].

Чтобы ликвидировать недосдачу оленьего мяса прошлых лет и выполнить план мясопоставок, в начале 1975 года произвели отлов и забой нескольких сотен одичавших оленей. Так, в январе—марте с помощью экипажа вертолетчиков во главе с В. Я. Ивановым добыто в районе реки Лебяжьей 1300 оленей. Это — первое межсовхозное мероприятие по борьбе с потерями в оленеводстве. За первый квартал 1975 года Ловозерский район сдал за счет отлова диких оленей 1700 центнеров оленины.

Вертолет — постоянный помощник оленеводов

Вообще-то об этом резерве получения оленины знали и раньше. В 1967—1968 годах стадо диких оленей западной части Кольского полуострова насчитывало 13 тысяч голов, а восточной — 8 тысяч [5]. К середине 70-х годов численность диких оленей в области исчислялась в 30 тысяч. Был разрешен отстрел диких оленей и лосей: в 1972 году охотникам-любителям и профессионалам выдано 2300 лицензий, а с 1975 года охотой занялись и совхозы.

1975 год для оленеводства Мурманской области прошел более благоприятно, чем предыдущие. Совхозы Ловозерского района лучше подготовились к отельной кампании и успешно провели ее. В большинстве стад произвели разделение животных на плодовую и неплодовую части. В течение зимнего и весеннего периода проводилась солевая подкормка животных.

Бригады укомплектовали кадрами пастухов, обеспечили необходимым инвентарем, медицинскими аптечками, радиоприемниками, спецодеждой. Для связи с бригадирами приобретены новые радиоприемники «Гроза». Весной 1975 года в совхозах разработаны и доведены до пастухов хозрасчетные задания, утверждены графики выезда в стада специалистов.

В совхозе «Тундра» хорошо работал экономический совет, занимающийся планированием производства по отраслям, выявлением возможностей более рационального использования земель, пастбищ и техники, изучением путей повышения эффективности оленеводства. По рекомендации совета только за один 1976 год совхоз приобрел на 190 тысяч рублей новой техники. В стадах организовали двухсменную работу по вахтовому принципу (каждая вахта — 10 суток).

Успешно развивалось в совхозе «Тундра» молочное животноводство. За десять лет надои выросли более чем в два раза, население Ловозерского района полностью было обеспечено свежим молоком. Гордость совхоза — замечательные кадры. На молочной ферме хорошо работали Зинаида Гельминаускене (в девичестве Собакина), Домна и Валентина Захаровы. Более 20 лет возглавляла полеводческую бригаду в совхозе Домна Антоновна Лукина, агрономом работала Зинаида Антонова, бухгалтером — О. В. Ануфриева. Все эти женщины по национальности саамы.

Летом 1972 года в Москве проходило совещание, где обсуждалась работа советских органов власти по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Крайнего Севера в свете решений XXIV съезда КПСС. Там говорилось об увеличении капиталовложений для тундрового хозяйства, о создании прочной продовольственной базы, о подготовке кадров пастухов, о переходе на оседлость, о работе национальных школ-интернатов, о пенсиях для оленеводов. Было предложено обсудить в соответствующих ведомствах проект закона об оленьих пастбищах и вопрос о размерах оплаты за пользование полярной авиацией.

Выполняя рекомендации директивных органов, Мурманский облисполком и Ловозерский райисполком усилили руководство зооветеринарной работой в тундре, особенно по предупреждению болезней и потерь оленей, вызываемых личинками оводов. Специальными средствами для уничтожения личинок оводов стали обрабатывать 60 процентов оленьего стада, оставляемого для воспроизводства. На полуострове проведена бонитировка 63 тысяч оленей, создано племенное стадо в хозяйстве «Восход» [6].

Вопросы развития тундрового хозяйства, забота о малых народностях Севера находились в поле зрения Советского государства и КПСС. Местные Советы народных депутатов Мурманской области, партийные организации Ловозерского района и оленеводческих хозяйств повседневно и целенаправленно осуществляли эту работу. Директор совхоза «Тундра» (позднее первый секретарь Ловозерского райкома КПСС) В. М. Гришин в беседе с корреспондентом говорил: «Оленеводство — исторически сложившаяся отрасль, беспокойная, трудоемкая, но вместе с тем еще очень нужная нашему хозяйству. В корне труд оленевода

В день 50-летия совхоза «Тундра»

с веками не изменился и, я думаю, не изменится». А потому, продолжал он, надо больше заботиться об оленеводах, всемерно помогать им, а не «размышлять о низком духовном уровне пастухов, об их непритязательности» [7].

В десятой пятилетке

Несмотря на временные трудности объективного и субъективного характера, преобразование тундры успешно продолжалось в десятой пятилетке (1976—1980 гг.). В 1976 году оленеводство вышло из прорыва, в котором находилось ряд лет. Были выполнены планы по производству оленины и по росту поголовья оленей. На 1 января 1977 года в Ловозерском районе было на 550 оленей больше, чем год назад, почти на 800 голов уменьшились безызвестные потери.

1977 год был самым удачным после 1971 года. Совхозы Ловозерского района произвели 8803 центнера оленины, на тысячу центнеров больше плана. Пастухи снизили безызвестные потери на 1085 оленей.

За первые два года десятой пятилетки непроизводительные отходы оленей в районе сократились на 5 процентов, а это ни мало ни много 3897 голов. При плане 14 600 центнеров оленины произведено за 1976—1977 годы 15 789 центнеров. Выход телят в 1978 году увеличился по сравнению с 1977 годом на 2,5 процента [8].

По итогам соревнования 1977 года вперед вышла четвертая комсомольско-молодежная бригада совхоза «Тундра», руководимая Семеном Николаевичем Галкиным. Этот коллектив завоевал приз имени В. Н. Юрьева, и его занесли в областную Книгу почета. Молодые оленеводы получили по 73 теленка от каждых ста маток, сдали 513 центнеров мяса вместо 473 по плану.

В 1978 году хорошо работали пастухи девятой бригады совхоза «Тундра» во главе с П. С. Гавриловым. Они лучше других провели отельную кампанию и заняли первое место в районе по итогам первого полугодия.

Хорошая работа оленеводов отмечалась на собрании актива Мурманской областной партийной организации при обсуждении итогов июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС: «За последние годы поголовье оленей приведено в соответствие с оленеемкостью пастбищ, в текущем году улучшены показатели по приплоду» [9]. Говорилось и о причинах наметившегося подъема — только за пять лет в оленеводство области вложено более 1,5 миллиона рублей, в бригадах внедряется сменно-звеньевая система выпаса, пополнены кадры пастухов, улучшен их быт, все промежуточные базы не только электрифицированы, но и газифицированы.

На собрании областного партактива говорилось и о нерешенных вопросах. В 1977 году непроизводительный отход оленей составил 10 тысяч голов, в том числе безызвестные потери — 6 тысяч. Не использовались ягельники лесотундры южной и западной частей полуострова. Все еще высока яловость маток (21 процент), низок выход телят (на 100 маток в среднем по 69 телят). Значительную часть оленей — более половины — забивали в поздние сроки, из-за чего теряли сотни центнеров мяса и ухудшалось качество оленьих шкур.

Однако оленеводы были уверены, что трудности, переживаемые оленеводством Кольского полуострова, в ближайшие годы будут устранены. Одной из главных задач в этом плане являлось обязательное условие — освободиться от недостатков, влияющих на эффективность оленеводства.

Итоги пятилетки доказали правильность этих предположений. Задания по производству и продаже государству оленины были выполнены. Оленеводы Ловозерского района дали в 1980 году 8907 центнеров мяса, тогда как в 1975 году — только 7155 центнеров [10]. В оленеводстве сократились непроизводительные отходы, продуктивность оленьих стад возросла более чем на 20 процентов [11]. Да и другие показатели оленеводства были выше, чем раньше. Так, процент сохранности взрослого поголовья составил 86 (в 1975 году — 84 процента), на сто январских оленей было получено 15,5 центнера мяса (в 1975 году — 12,9 центнера).

Еще более высокие показатели были в передовых оленеводческих бригадах Г. М. Семяшкина, А. И. Артиева, П. С. Гаврилова. Победителем в социалистическом соревновании 1980 года стала бригада Г. М. Семяшкина, она сохранила 94,4 процента поголовья стада и добилась наивысшего привеса: 23 центнера на 100 январских оленей. Пастухи этой бригады хорошо провели отельную кампанию. Бригадир рассказывал: «Важно во время отела видеть каждую важенку, а потом каждого пыжика. Олененок при рождении весит где-то около шести килограммов, но молоко матери такое жирное, а летняя тундра такая добрая, что за лето детеныш увеличивает свой вес в десять раз. Мясо полугодового олененка очень вкусное. На международном рынке оно признано диетическим, лечебным, высококалорийным и легкоусвояемым. Да и шкура молодого оленя чистая, без оводовых повреждений. Вот почему мои ребята так заботятся о молодняке». Хорошо провела бригада Г. М. Семяшкина и осенний забой. От передовой бригады старались не отстать и другие рабочие коллективы [12].

В конце десятой пятилетки был укреплен кадрами ряд отстающих оленеводческих бригад. Семен Яковлевич Канев принял

девятую оленеводческую бригаду, а Павел Семенович Гаврилов, который возглавлял ее до этого, перешел в отстающую пятую бригаду. Дела стали налаживаться и тут.

В восьмидесятые годы

В начале 80-х годов оленеводство являлось ведущей отраслью сельского хозяйства Заполярья. На одном из пленумов Ловозерского райкома КПСС отмечалось, что в тундре сократились непроизводительные отходы, возросла продуктивность оленьего стада: район перевыполнил план по производству и продаже государству оленины.

Эти результаты стали возможны благодаря неустанной заботе Советского государства о тружениках тундры. Ныне созданы благоприятные условия для укрепления экономики оленеводческих хозяйств, возросла техническая оснащенность отрасли, улучшается медицинское и культурное обслуживание оленеводов.

В 1981 году оленеводческий совхоз «Память Ленина» получил более 200 тысяч рублей прибыли. Сохранность взрослого поголовья составила 90 процентов. Лучшие бригады В. Е. Русинова и А. И. Елисеева добились еще более ощутимых результатов [13].

Совхоз «Тундра» в 1983 году произвел дополнительно к плану 455 центнеров оленины. Было перекрыто задание и по поголовью: при задании 29 720 голов в стадах совхоза осталось на зиму более 31 300 оленей.

При подведении итогов социалистического соревнования фамилии многих оленеводов совхоза «Тундра» были занесены на районную Доску почета.

Третий год одиннадцатой пятилетки стал для оленеводов совхоза «Тундра» одним из самых удачных.

Многие успехи оленеводства в 80-е годы связаны с внедрением бригадного подряда. Положение о бригадном подряде в совхозе «Тундра» было разработано в 1983 году. Коллективы пастухов заключили договоры с администрацией, где предусматривалось применение коэффициента трудового участия. По нему и стали распределять заработки, а размер денежного вознаграждения определяет совет бригады.

Широко поощряются инициатива и предприимчивость, использование резервов, направленных на снижение затрат по производству продукции. Учитываются и участие каждого оленевода в общественной жизни, его дисциплинированность.

Внедрению коэффициента трудового участия (КТУ) предшествовала широкая разъяснительная работа. На цифрах и фактах показывали оленеводам преимущества новой системы. Инициативу тружеников совхоза поддержало руководство района.

Райда в Краснощелье

Проблемы экологии в Кольской тундре

Вмешательство человека в жизнь тундры не проходит бесследно. Складывавшиеся веками природные комплексы могут быть нарушены за несколько лет.

Конечно, это прогресс, что в тундру пришла механизация. Но есть в этом и отрицательная сторона: тягачи и снегоходы разоряют ягельники, уничтожают их гусеницами, запахи бензина и солярки, которых олени не любят, долго не выветриваются. Машинами, тягачами, кострами уничтожается ягель, а в местах, где бывает много людей, вытаптывается.

Как известно, олень круглый год пасется на естественных угодьях, сам добывая себе корм, главным образом ягель. Под этим названием объединены лишайники, произрастающие на земле, камнях. Они имеют различный вид — от кустистых веточек до листочков, чешуек, столбиков всех цветов: от серовато-белых, серовато-светло-зеленых и пепельных до коричневых и почти черных. При выпасе оленей используется только 8—10 процентов запасов ягельников, так как олени откусывают растения на ходу, выборочно. Поэтому площади сезонных пастбищ для оленей составляют десятки и сотни тысяч гектаров.

Для содержания оленьих стад совхозам Мурманской области выделено в долгосрочное пользование более 8 миллионов гектаров пастбищ, что составляет более половины территории области. И эти угодья необходимо беречь. Выбивание травы, уничтожение кустарников также ведет к снижению запасов кормов. Особенно осторожного обращения требуют лишайники, они не выносят механических повреждений и при среднем приросте в год на 2—3 миллиметра очень медленно восстанавливаются. Даже под ногой человека лишайники ломаются. Особый же вред, как мы говорили, наносит гусеничный транспорт. После разового его прохода по ягельнику на восстановление лишайников требуется 5—7 лет, после двухразового — 10—15 лет.

При промышленном освоении Севера и посещении отдаленных мест туристами и рыболовами случаются пожары, после которых опять-таки гибнет ягель, служащий не только кормом для оленей, но и защитником вечной мерзлоты от таяния. Сухой ягель вспыхивает как порох, пожар мгновенно охватывает огромные территории. Восстановление же лишайников после пожарищ, если и возможно, то лишь через 40—50 лет. В тундре появляются почвенная эрозия, новые непроходимые болота, начинается деградация оленьих пастбищ.

Не полностью решена проблема охраны водных бассейнов тундры. Интенсивное загрязнение рек и озер идет в районе Ловозерского горно-обогатительного комбината. Ждет своего решения и проблема избавления реки Сергевань и губы Сергевань

озера Ловозеро от фторсодержащих рудничных вод, стекающих сюда с промплощадки рудника «Карнасурт». С перегрузкой работают сооружения по очистке хозяйственно-бытовых сточных вод.

На Кольском полуострове с каждым годом все больше людей выезжает за город на отдых, на охоту и рыбалку. С увеличением количества личного транспорта северяне начинают проникать в самые отдаленные участки полуострова. Увеличивается приток туристов из других районов страны. Но, к сожалению, далеко не все туристы ведут себя в тундре как подобает.

Советские ученые, специалисты разных областей знания, Всероссийское общество охраны природы много работают над тем, как обезопасить тундру от негативных последствий деятельности человека, как совместить такие проблемы: освоить богатства северных земель, дать возможность отдохнуть туристам и сохранить экологический баланс тундры. Что можно сделать? Запретить водителям всей гусеничной техники движение в тундре вне дорог? Запретить рубку деревьев? Не строить гидростанции и промышленные предприятия? Не пускать в тундру туристов и отдыхающих? Проводить занятия с населением о важности экологических мероприятий?

Как известно, Мурманская область является регионом во многих отношениях чрезвычайно своеобразным. Одна из особенностей состоит в том, что Кольский полуостров пересекают три природные зоны — тундра, лесотундра и северотаежные леса. При этом тундра занимает около трех миллионов гектаров, не считая арктических и горных тундр, широко распространенных на полуострове.

Необходимо исследовать основные закономерности экологических систем этой зоны, разработать методы прогнозирования ее тенденций, изучить пути более полной мобилизации природных ресурсов тундровой территории. Эту работу лучше всего проводить в условиях заповедника.

Изучив эту проблему, сотрудники Кольского филиала Академии наук СССР пришли к выводу, что наиболее перспективной территорией для организации тундрового заповедника Кольского Севера является участок на северо-востоке области. Правда, тут есть одно «но» — здесь оленьи пастбища. Но олень издавна — неотъемлемая часть тундры, и он не нарушит экологического равновесия заповедной зоны.

На выбранном участке обилие лишайников, растительный покров почвы почти не нарушен. Здесь большое количество тундровых птиц и одно из самых крупных и чистых озер — Енозеро, а также река Варзина, в которой обитают ценные виды рыб.

Сегодня обнаружилась еще одна проблема — на Кольском

полуострове практически не стало диких оленей. В 1967 году только на западе Мурманской области насчитывалось более 12 тысяч «дикарей», учет которых проводился с вертолета старшим научным сотрудником Лапландского государственного заповедника, доктором биологических наук О. И. Семеновым-Тян-Шанским. Это был год максимальной численности диких оленей. Как оказалось впоследствии, естественный процесс сокращения численности диких оленей совпал с их отстрелом. В 1976 году было принято решение — охоту на оленей прекратить. В 1977 году на западе области было учтено всего 1200 «дикарей», в 1980 году — около 300 животных, в 1981 году — только 100 голов. Это не может не беспокоить. Так как запрет на отстрел диких оленей не дал ожидаемых результатов и численность их продолжала сокращаться, ученые Лапландского заповедника стали выявлять причины резкого сокращения поголовья оленей.

Выяснилось, что, помимо природных причин — дикие олени не любят контактов с человеком, с транспортными средствами, боятся шума, — огромный вред оленям наносят браконьеры. Следы браконьерства встречаются довольно часто. Вот только несколько примеров. В избушке на берегу Сава-губы озера Верхняя Пиренга в апреле 1981 года были обнаружены снаряженные картечью патроны, куски шкур, кости оленей. Вблизи озера Кандас тоже найдены следы отстрела оленей. А ведь только в районе Верхней Пиренги насчитывается более 200 избушек для временного проживания рыболовов и охотников, постоянно шумят моторы лодок и мотоциклов [15]. Поэтому и был поднят вопрос о расширении территории Лапландского заповедника.

Такое решение было принято в сентябре 1983 года. Площадь Лапландского заповедника увеличилась более чем на 120 тысяч гектаров. Недавно на полуострове организованы три новых заказника — Пиренгский, Варзугский, Сейдозерский, выделены зеленые зоны вокруг Ковдора и Ловозера.

И все же проблема борьбы с браконьерством полностью не решена. Вот что по этому поводу говорил бригадир пастухов П. С. Гаврилов: «...Нас мучили браконьеры, которых со строительством Териберских ГЭС стало как никогда много. Нельзя даже представить себе всю эту армию потерявших стыд людей. Вооружены, моторизованы и, к несчастью, неуловимы. Но тундра долго хранит след... Нет, наверное, на пастбищах таких участков, где бы ни валялись оленьи туши, от которых взята только часть мяса, другая оставлена за ненадобностью. Можно это терпеть?

Конечно, промышленное освоение края не запретишь и не остановишь. Но и меры по сохранности оленьих пастбищ тоже принимать надо» [16].

О людях тундры

В Программе КПСС, утвержденной XXVII съездом партии, говорится о повышении роли человеческого фактора в решении социально-экономических задач советского общества. Если применить это положение к тундре, то оно конкретно может прозвучать так: пока не будет хороших пастухов — честных, надежных, стойких к капризам природы, физически здоровых, духовно богатых, — оленеводство будет хромать на обе ноги. Но тундре нужны не только рядовые пастухи, но и хорошо подготовленные кадры высшей квалификации. Раньше эти кадры специалистов-оленеводов готовил Омский сельскохозяйственный институт. В послевоенные годы их подготовка была сосредоточена в Ленинградском сельскохозяйственном институте. Сейчас же, как нам известно, ни один вуз страны не готовит таких специалистов. Для работы в хозяйствах Мурманской области направляют зооинженеров и ветеринарных врачей, окончивших учебные заведения, где оленеводство как особая дисциплина вообще не преподается. Неудивительно, что значительная часть специалистов отсеивается после окончания договорных сроков [17]. Необходимо в ближайшее время открыть в одном из северных вузов специальное оленеводческое отделение. Причем специалист-оленевод должен обладать разнообразными теоретическими знаниями и практическими навыками. Только такие специалисты смогут стать организаторами высокоэффективного производства в оленеводческих хозяйствах.

Раньше у саамов сын перенимал опыт у отца-пастуха, дочь — навыки у матери, хранительницы очага. Когда завершился этап перехода к оседлости и в тундре появились другие виды занятий, эти вековые традиции стали нарушаться, многие дети саамов перестали быть оленеводами. Вот история нескольких саамских семей.

У Феодосии Дмитриевны Юлиной (она родилась в 1928 году) шестеро детей. Два сына, как и отец, пошли пастухами-оленеводами, а дочери стали работать в разных местах: Ольга — воспитателем в детском саду, Галина — в магазине, Людмила — в больнице, младшая, Шура, пошла учиться в институт. Сама Феодосия Дмитриевна работает в мастерской по пошиву одежды для оленеводов. Первый раз она взяла в руки иглу, когда было ей 13 лет. Шел тогда сорок первый год.

Если в этой семье связи с тундрой и оленями не совсем нарушились, то в семье саамов Мелентьевых ситуация была сложнее. Во-первых, пойти работать пастухом глава семьи не мог: он вернулся с войны искалеченным. Во-вторых, из шести детей — три сына и три дочери — пятеро живут и работают

в Ловозере, но никто из них не связан с оленеводством. Когда корреспонденты спросили одного из сыновей — Вячеслава, вернувшегося после армии в родное село и работающего в совхозе трактористом, как получилось, что в семье не стало оленеводов, он отвечал, что оленеводом надо становиться в отроческом возрасте и с помощью деда, отца, а у них в семье так не получилось.

А вот третья история. В семье иокангских саамов Захаровых было восемь детей. Но случилось несчастье — погиб в тундре отец, а вскоре, не выдержав неожиданного горя, умерла мать. Детей определили в Ловозерскую школу-интернат, их вырастило и воспитало государство. После окончания восьмилетки дети саамского рыбака и оленевода Захарова стали строителями, они окончили профтехучилище и разъехались по области.

Или вот еще одна судьба. Анна Александровна Гурова долгое время работала директором магазина «Продовольственные товары» в Ловозере. Родилась она в Воронинском погосте в саамской семье, училась в Ловозерской школе-интернате, затем работала: ученик продавца, младший продавец, контролер-кассир. Окончила заочное отделение Петрозаводского кооперативного техникума и с 1980 года стала заведовать самым крупным магазином Ловозера. Анна Александровна — член КПСС, наставник молодежи, агитатор и политинформатор.

Как известно, люди нужны везде — и в сфере производства, и в сфере обслуживания. Сейчас в оленеводческих бригадах можно встретить людей разных национальностей и разных поколений. Есть в тундре и ветераны. Так, до самого последнего времени работал ветеран тундры Иван Александрович Чупров, которому в 1979 году исполнилось 70 лет. Но, как говорил секретарь парткома совхоза «Тундра» Василий Николаевич Филиппов, годы не старят ветерана. Чупров и в 80-е годы выводил упряжку на трассы оленьих гонок. И не просто участвовал в соревнованиях, а занимал призовые места. Как-то победил в гонках и на длинной, и на короткой дистанциях, и лишь неучастие в буксировке не позволило ему стать абсолютным чемпионом. Начинал Иван Александрович свой жизненный путь батраком. Выбирать профессию не приходилось, ибо другого пути не было.

Сегодня в оленеводстве около тридцати процентов составляет молодежь. Часть кадров готовят в кружке «Юный оленевод», работающем при районном Доме пионеров. Большинство участников кружка поступают в Ловозерский филиал Кольского профтехучилища. Выпускники его составляют костяк четвертой и шестой бригад совхоза «Тундра».

Выросли в тундре и новые кадры бригадиров. Семен Галкин — бригадир комсомольско-молодежной оленеводческой

бригады совхоза «Тундра», по национальности саам. Человек в районе видный: депутат райсовета, был делегатом XVI съезда профсоюзов, кавалер ордена Трудовой Славы III степени, награжден знаком «Отличник социалистического соревнования». Он считает, что молодежь пойдет в оленеводство, если оно будет технически перевооружаться. Вот что он говорил: «У нас очень старые вездеходы, громоздкие и «прожорливые»: одна заправка — 500 литров. Нужен легкий, подвижный вездеход. Тяжеловат для тундры и трактор «ДТ-75б». Или вот мотонарты «Буран» — популярная машина, их продают населению. Но совхоз купить не может: нет нарядов, а за наличные — нельзя» [18].

Павел Гаврилов — коммунист, награжденный медалью «За освоение Нечерноземья», перешел работать в отстающую бригаду, чтобы вывести ее из прорыва. В 1983 году бригада П. С. Гаврилова сохранила 94 процента взрослого поголовья, перевыполнила задание по производству мяса.

Хорошо шли дела в последние годы и в бригаде оленеводов С. Я. Канева. По итогам 1983 года сохранность взрослого поголовья составила 96 процентов, почти на 7 процентов выше плана. Бригада заботится об улучшении структуры стада, в котором 62 процента маточного поголовья. Коллектив не раз завоевывал в областном социалистическом соревновании переходящий приз имени Героя Социалистического Труда В. Н. Юрьева. В бригаде много опытных пастухов. М. А. Захаров и В. П. Канев умело передают свой опыт молодым оленеводам. Велик вклад в дела бригады партгрупорга А. Кобелева [19].

На отчетно-выборном партийном собрании совхоза «Тундра» накануне XXVII съезда КПСС говорилось: «Стабильно работает основная отрасль хозяйства — оленеводство. Из года в год здесь перевыполняются планы по производству мяса. Увеличилось поголовье оленей, несколько улучшились качественные показатели. По результатам 1984 года «Тундра» признана победителем в социалистическом соревновании оленеводческих хозяйств Российской Федерации и получила переходящее Красное знамя Министерства сельского хозяйства республики и ЦК профсоюза работников сельского хозяйства» [20].

Перспективы тундры

Семидесятые годы были для оленеводства действительно нелегкими. Но понемногу дела налаживались.

20 мая 1980 года было принято постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». Ловозерский районный Совет народных депутатов, рассмотрев это постановление, обязал совхозы улучшить условия труда

и быта оленеводов на летних и зимних пастбищах. Широко обсуждался план мероприятий по дальнейшему развитию оленеводства. Райисполком принял решение к концу одиннадцатой пятилетки всех рабочих и служащих совхоза «Тундра» из коренного населения обеспечить благоустроенным жильем. Были намечены меры по улучшению бытового и торгового обслуживания жителей тундры. Особое внимание было предложено уделять трудовой подготовке и профориентации школьников из саамских семей.

Выполняя постановления партии и правительства, Ловозерский райком партии и райисполком заключили договор с Кольским филиалом АН СССР о творческом сотрудничестве по разработке комплексного плана экономического и социального развития района на период до 1990 года. Были утверждены совет и положение о его функциях в организационном руководстве разработкой плана. Научно-методическое координирование принял на себя отдел экономических исследований Кольского филиала АН СССР.

Прежде чем приступить к работе над комплексным планом, ученые установили первоочередные экономические и социальные проблемы в районе. Провели опрос различных категорий населения Ловозера, Ревды, Краснощелья, Сосновки, Каневки. Из ответов на анкетные вопросы выяснилось, что необходимо улучшать снабжение продуктами питания и некоторыми промышленными товарами, повышать качество бытового обслуживания, благоустраивать села, более полно обеспечивать население благоустроенным жильем, строить новые магазины и культпросветучреждения.

К октябрю 1981 года комплексный план развития тундры был разработан. Он состоял из нескольких разделов. В первом дана подробная характеристика Ловозерского района, проанализирована экономическая и социальная база развития.

Формирование хозяйственного комплекса региона определялось наличием на его территории уникальных месторождений полезных ископаемых, и прежде всего редких металлов. В районе огромные запасы кианита — сырья для производства алюминия и огнеупоров, амазонита и ряда других минералов. Поэтому основная отрасль промышленности в районе — горнодобывающая. На ее долю приходится три четверти общего объема промышленного производства, составляющего 80 процентов валовой продукции. По плану выпуск промышленной продукции к концу пятилетки должен возрасти более чем в два раза.

В сельском хозяйстве основное место занимает оленеводство, оно дает свыше 60 процентов валовой продукции сельского хозяйства. По производству мяса на душу населения Ловозерский

район стоит на первом месте в области. Намечен рост производства сельскохозяйственной продукции: молока на 13 процентов, а мяса на 16 процентов.

На момент составления плана обеспеченность населения поселка Ревды жильем составляла 92 процента от норм, установленных для районов Крайнего Севера, сельских жителей — 75 процентов. В Краснощелье, Сосновке и Каневке население проживает в неблагоустроенных деревянных домах.

В комплексном плане отмечено, что обеспеченность жителей услугами быта в Ревде и Ловозере близка к установленным нормам. А бытовое обслуживание населения Каневки и Сосновки требует значительного улучшения. В районе недостает предприятий общепита и торговли, недостаточно развито складское хозяйство. Школьные здания в Каневке и Сосновке представляли собой приспособленные деревянные строения, требовалась реорганизация Ловозерской школы-интерната в национальную школу-интернат.

Количество медицинских коек в стационарах района соответствовало установленным нормам, однако медицинские учреждения в Краснощелье, Каневке, Сосновке и частично в Ревде находились в неприспособленных деревянных зданиях, были не полностью укомплектованы медицинскими кадрами. Слабо развита в Ловозерском районе спортивная база.

В разделе комплексного плана «Повышение уровня благосостояния населения и формирование коммунистического образа жизни» предусматривалось дальнейшее развитие жилищного строительства, культуры, здравоохранения, физкультуры и спорта. Чтобы решить проблему занятости женщин, сохранить традиционные саамские народные промыслы — изготовление изделий из оленьего меха, пошив меховой обуви, резьба по дереву и кости, — намечается строительство филиала фабрики «Кольский сувенир».

Работа культурно-массовых учреждений должна проводиться с учетом саамской тематики, необходимо создать национальный фольклорный ансамбль, обучать саамских детей музыке, пению, хореографии. Планируется строительство межсовхозного санатория-профилактория для оленеводов [21].

Важное место в плане занимает раздел «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов». Разработаны конкретные мероприятия по рациональному природопользованию: по сокращению сброса загрязненных вод в реки и озеро Ловозеро, по сохранению пастбищ и правильному их использованию.

В обсуждении комплексного плана развития тундрового хозяйства приняли участие оленеводы-саамы. Бригадир оленевод-

ческой бригады совхоза «Тундра» С. Н. Галкин предложил: «Задача оленеводов — подтянуть отстающие бригады хотя бы до уровня средних, добиться, чтобы каждое стадо на 60 процентов состояло из маток, обеспечить сохранность 90 процентов поголовья и 72 процента выхода телят. Для этого надо внедрить постоянное окарауливание стад, планировать строительство изгородей по разделению сезонных пастбищ» [22].

Об этом же говорили и другие саамы: «Тундровые угодья еще нередко эксплуатируются так, будто они безбрежны. Маршруты движения стад в хозяйствах не разрабатываются, пастбищеоборот не соблюдается, в результате истощается запас зеленых кормов, выбиваются ягельники» [23].

Первые итоги работы по комплексному плану подводились в 1984 году на пленуме райкома партии и в июле 1985 года на второй сессии районного Совета народных депутатов. Отмечалось, что за четыре года одиннадцатой пятилетки на развитие оленеводческих хозяйств направлено 3,8 миллиона рублей капитальных вложений. Значительно окрепла материально-техническая база отрасли, интенсивно велось строительство в тундре, последовательно решались социальные проблемы. Более целенаправленно стали готовить кадры для оленеводства, больше стало поступать техники. В распоряжении тружеников тундры имелось 12 вездеходов, 55 «Буранов», 24 малогабаритные электростанции, 65 домов-баз, причем все они газифицированы. С пастухами-оленеводами налажена радиосвязь. Перевозки в тундре осуществляются не только гусеничной техникой, но и авиацией.

В докладе председателя Ловозерского райисполкома А. А. Рочева говорилось: «Забота партии и правительства об экономическом и социальном развитии народностей Крайнего Севера, настойчивая работа партийных и советских органов, руководителей и специалистов трудовых коллективов принесли хорошие результаты. Отрасль сейчас на подъеме. Успешно выполняются производственные планы, наращивается производство мяса. Оленье стадо в районе за годы одиннадцатой пятилетки возросло более чем на 5 тысяч голов. Возросла прибыль, получаемая оленеводством.

До сих пор отрасль развивалась в основном за счет экстенсивных факторов, сейчас возросла необходимость ее интенсификации. Пути интенсификации: внедрение прогрессивных методов и совершенствование планирования и управления, усиление зоотехнической и ветеринарной работы, улучшение условий труда и быта оленеводов. Большой эффект дает межстадный обмен производителями, но он у нас часто игнорируется. Не всегда применяется такой прием, как распределение стад на плодовую и неплодовую части перед отелом. Большой урон терпит олене-

водство от болезней животных. В совхозе «Тундра», например, перестали проводить летнюю обработку оленей против кровососущих насекомых» [24].

Интенсификация оленеводства не исключает дальнейшего роста поголовья оленей: поставлена задача довести число оленей в области до 100 тысяч голов. Многое нужно сделать для улучшения труда и быта оленеводов. Надо укреплять и дисциплину среди оленеводов.

За последние годы окрепли связи пастухов с учеными Мурманской сельскохозяйственной опытной станции. Совхозы заключили с ними договоры на разработку ряда важных проблем. С помощью сотрудников станции составлена научно обоснованная система ведения отрасли на 1986—1990 годы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К ЗНАНИЯМ И СВЕТУ

Хозяйственная и общественно-политическая жизнь советских саамов в течение послевоенных десятилетий развивалась так же, как и у других народов СССР, — полнокровно, стабильно и динамично. Саамы успешно выполняли основные задания пятилеток, во многом улучшилось материальное благосостояние оленеводов. За последние годы утвердилось много позитивных изменений в укладе жизни маленькой народности.

Если в первые годы Советской власти культурные преобразования в тундре носили первичный характер — ликвидировали неграмотность, создавали малокомплектные школы, росла своя интеллигенция, начинали работу избы-читальни, — то в послевоенный период в духовной жизни саамского народа происходили более глубокие качественные изменения.

В жизнь саамов вошел богатый мир современности с его стремительностью, автоматизацией, механизацией и урбанизацией. В Ловозерском районе появился свой рабочий класс — горняки, обогатители, строители, дорожники. Сотни людей заняты в службе быта, на предприятиях промкомбината, автотранспорта.

Знания, полученные в школах, из книг, лекций, с помощью радио, телевидения, во многом изменили духовный мир и мировоззрение саамов. А это, в свою очередь, привело к изменениям в быту, в экономическом и семейном укладе жизни.

К сожалению, нельзя сказать, что все проблемы общественно-политического характера и повышения культурного уровня тундрового населения сегодня решены полностью. Конечно же нет. Но сравнивая этот период с предшествующим, улучшение, безусловно, есть — и огромное.

Всем саамам — среднее образование

Если в довоенные годы речь шла о том, чтобы все дети саамов получили хотя бы начальное образование, то ныне они должны иметь законченное среднее образование. Одним из главных типов национальных школ стали школы-интернаты.

Интернаты при школах для детей кочевников появились еще в 20-е годы. Но тогда они были небольшими и выполняли только роль общежитий, где дети приобщались к элементарной культуре. Там учили саамских детей ежедневно умываться, чистить зубы, сидеть за столом, спать на кровати, работать с книгой. Воспитательница довоенного интерната Н. А. Рогозина вспоминала, что саамские дети не хотели есть манную кашу, не любили суп со свининой, предпочитали рыбу картофелю. Даже к новой пище их нужно было приучить [1]. В интернатах дети разных национальностей воспитывались в духе дружбы и пролетарского интернационализма.

В конце 50-х годов в Кольской тундре создаются школы-интернаты нового типа. Это — крупные учебные заведения, рассчитанные на содержание, обучение и воспитание сотен детей. В 1964/65 учебном году в школе-интернате Ловозера училось 279 ребят. 103 школьника находились в двух других интернатах района. Государство взяло на себя все расходы по обучению детей — содержание ребенка в школе-интернате ежегодно обходилось в 1000—1100 рублей [2].

В школах-интернатах хорошо поставлена учебно-воспитательная, внеклассная и спортивно-оздоровительная работа. Ребята из Сосновки, Лумбовки, Каневки и других селений постигают азы наук, учатся в дружной многонациональной семье. Школы неплохо оборудованы: кроме учебных классов, в Ловозерском интернате есть столярные и слесарные мастерские. Ребята занимаются в электротехническом, судомодельном, радиотехническом кружках, делают из оленьих рогов и меха сувениры.

В 1975 году в Ловозерской средней школе-интернате училось 230 человек, из них 175 саамов. В Ловозерской вспомогательной школе саамы и ненцы составляли 38 процентов. Среди учащихся средней школы Ловозера каждый десятый — саам. В Краснощельской школе на 190 учеников приходилось 32 саама. А всего среди учащихся общеобразовательных школ Ловозерского района было 286 саамских ребят [3].

В 80-е годы в Ловозерской школе-интернате, а также в Краснощельской школе созданы нулевые классы для шестилетних детей. Рядом со школой в Краснощелье работники совхоза «Память Ленина» возвели пристройку, где разместились классная, игровая и спальная комнаты для учащихся нулевого класса.

Нынешние саамские школьники живут интересами своей страны, области, района, села. Об этом можно судить по школьному сочинению «Наша биография» ученицы Ловозерской средней школы № 1 Елены Фефеловой. Она писала: «Залпы «Авроры» раскатистым эхом отозвались в тундре. Люди узнали, что есть в мире солнце, но его надо добыть. Об этом им сказал мудрый человек. Единой стеной вместе с русским народом встал саамский народ на борьбу против богачей, против нищеты и невежества. Над тундрой засияло солнце.

Я очень люблю свое село Ловозеро. Здесь моя родина. Ранним утром, когда на улице еще тишина, торопится в правление совхоза «Тундра» его директор И. Г. Кравец. Много у него дел, ведь в совхозе 30 тысяч оленей. По 30 оленей приходится теперь на каждого саама. Это из общественного стада. А если сюда прибавить оленей из личного хозяйства членов совхоза?

...А какие люди живут в совхозе! Их биография — биография нашего села и частичка биографии нашей Родины. Галкин Семен Николаевич — руководитель лучшей оленеводческой бригады совхоза, Ужакина Мария Яковлевна, Филиппова Ольга Ивановна — лучшие доярки области. Это мы, ловозерцы, направили первого секретаря райкома партии Гуляева Павла Петровича делегатом на XXV съезд КПСС...

Наше село молодеет с каждым годом. Растут новые пятиэтажные дома, асфальтируются дороги, озеленяются улицы. Летними вечерами, когда «одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса», у Дома культуры, на берегу Вирмы, собирается молодежь. Песни, девичий звонкий смех...

А в центре села на высоком постаменте стоит памятник человеку, который зажег солнце над тундрой, дал счастье и радость нашему маленькому северному народу. Имя этому человеку — Ленин» [4].

В 1967 году в 10 школах Ловозерского района обучалось 2045 детей, работали 2 вечерние школы. В районе преподавали 173 учителя, большинство из них с высшим образованием. 12 учителей награждены значком «Отличник народного просвещения». За хорошую постановку учебно-воспитательной работы ряд преподавателей удостоен орденов и медалей Союза ССР. В районе выросли свои национальные кадры.

Более тридцати лет учительствовал в Гремихе саам Г. А. Друженьков. В войну он был офицером-разведчиком, а в 1960 году

его избрали делегатом от Мурманской области на Всероссийский съезд учителей. За заслуги в обучении и воспитании детей Г. А. Друженькову — первому среди саамов — присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Делегатом Всесоюзного съезда учителей в 1978 году была А. А. Антонова. Она вела в начальных классах Ловозерской школы-интерната уроки устного саамского языка, изучение которого организовано по просьбе общественности. С помощью методистов и специалистов народного образования разработаны планы 80 уроков, среди которых такие темы: «Семья», «Оленеводство», «Рыболовство», «Охота». Первоначально изъявили желание посещать уроки саамского языка 130 детей [5].

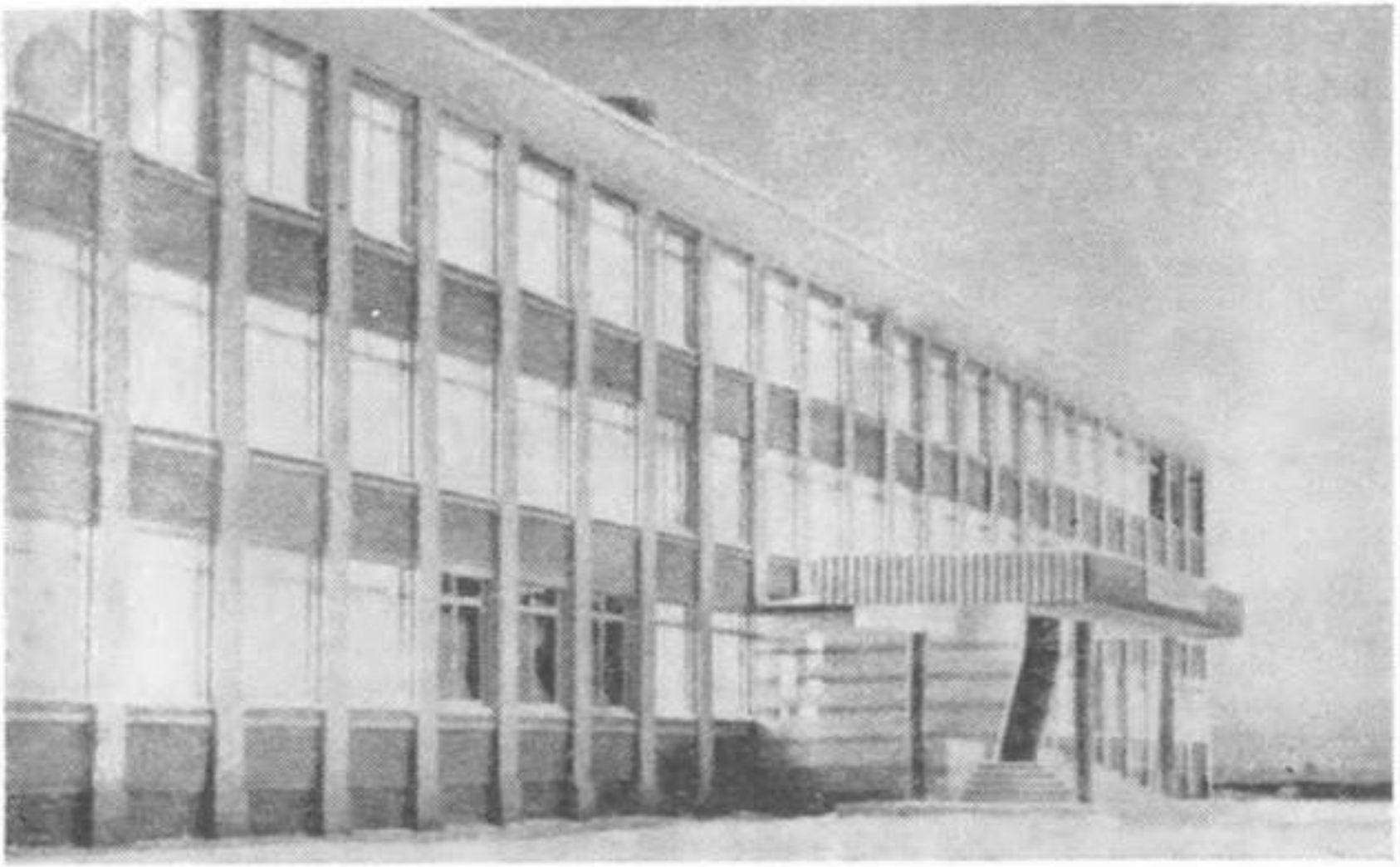
Успеваемость в школах, где учатся дети саамов, в основном неплохая — от 96 до 99 процентов. «Однако, — как писал весной 1975 года в отчете Мурманскому облисполкому З. Е. Черняков, — эти осредненные цифры не отражают реальной действительности. Непосредственные наблюдения в школах обнаруживают, что успеваемость саамов, ненцев и коми-ижемцев значительно ниже успеваемости учащихся русских, украинцев и других национальностей» [6]. Все еще велик отсев детей малых народностей Севера из школ. Так, по данным Ловозерского районо, из набора 1965/66 учебного года, где было 26 саамов, семилетку закончили 18 человек, а в десятом классе учились только 8 саамов.

Уровень образования среди саамов, по последним данным, выглядит так: 6,4 процента имеют высшее и незаконченное высшее образование, 30,6 процента — среднее и незаконченное среднее, 32,9 процента — неполное среднее и 30,1 процента — начальное. Уровень образования женщин значительно превышает уровень образования мужчин. Особую тревогу вызывает низкий уровень образования саамской молодежи. Одной из причин такого положения является отсутствие национальной школы в районе и слабое преподавание в школах родного языка.

Сегодня в районах проживания саамов 5 средних и 2 начальные школы. Около 150 детей находятся на государственном обеспечении, а на каждого ученика государство затрачивает в день 82 рубля.

Около 500 дошкольников воспитываются в садах-яслях. Дети работников совхозов и рыбкоопа содержатся в них бесплатно. Для новорожденных саамов, ненцев и коми в течение первого года жизни выделяются бесплатно питание и лекарства [7].

В сентябре 1981 года в Мурманске состоялось совещание-семинар по актуальным вопросам создания нормативного саамского языка и организации его изучения в школах области. На совещании подводились итоги пятилетней работы по эксперимен-



Ловозерская школа

тальному изучению саамского языка, определен круг проблем, требующих первоочередного решения.

Участники семинара отмечали, что опыт трехлетнего преподавания саамского языка в Ловозерской школе-интернате не только повысил интерес местного населения к родному языку, но и способствовал подъему национального самосознания. Но преподавание саамского языка носило пока экспериментальный характер и велось на уровне кружка в Доме пионеров.

Вопрос о преподавании саамского языка в школах изучался и в Москве. С авторской группой, занимающейся изучением саамского языка, успешно сотрудничала саамская интеллигенция: начальник Ловозерской геофизической обсерватории Василий Павлович Селиванов, работница детского сада Ольга Гавриловна Пауль, сотрудница областной станции юных туристов Анастасия Гавриловна Хворостухина, учитель Лазарь Дмитриевич Яковлев, руководитель кружка «Юный оленевод» Павел Поликарпович Юрьев. Эта инициативная группа, которой руководил В. П. Селиванов, взялась вести на общественных началах агитационную работу среди молодежи [8].

В 1982 году Ленинградское отделение издательства «Просвещение» выпустило саамский букварь, автор его — ловозерская учительница А. А. Антонова. Появлению букваря предшествовала многогранная работа по созданию саамского алфавита, подбор

Они учат саамский язык

и написание текстов, длительные экспедиции по селам района, кропотливые лингвистические исследования родного языка.

Много лет посвятила изучению саамского языка кандидат педагогических наук Р. А. Куруч. Вместе с Б. А. Глуховым и А. А. Антоновой они разработали алфавит, на основе которого был подготовлен букварь. Р. А. Куруч — руководитель авторского коллектива, подготовившего к изданию русско-саамский словарь, она избрана членом-корреспондентом Международного общества финноугроведов. Саамская письменность — одна из 57 вновь созданных в СССР [9].

Инициатором обучения саамскому языку в детском саду стала воспитательница Эмилия Константиновна Добрынина. На занятиях с детьми она использовала народные песни, приглашала солистку Ловозерского народного ансамбля, работницу совхоза «Тундра» Павлу Ивановну Конькову. В школе преподает саамский язык Екатерина Николаевна Коркина.

Расцвет духовной жизни саамов

В дни 50-летия Советской власти «Полярная правда» писала: «За годы Советской власти в Заполярье совершилась под-

линная культурная революция. Повсеместно создана широкая сеть школ, больниц, культурно-просветительных учреждений. В 1921 году в Ловозерском районе была одна изба-читальня с книжным фондом не более тысячи книг. В настоящеее время в 18 библиотеках насчитывается 160 тысяч книг. Каждая семья пользуется услугами библиотеки. Имеется Дом культуры, 10 клубов, 4 красных чума, передвижной автоклуб, две музыкальные школы, во всех селах и поселках есть киноустановки» [10].

Ныне среди саамов есть и врачи, и инженеры, и ученые. В далекое прошлое ушли те времена, когда саамы не умели писать и читать. После окончания средних специальных и высших учебных заведений работали в тундре В. С. Сорванов, П. И. Антонов, Г. А. Антонов, офицером Вооруженных Сил СССР стал Н. Т. Захаров, начальником научной геофизической станции — В. П. Селиванов. Саам А. Г. Дмитриев — врач, Т. П. Фефелова — инженер-строитель, Людмила Захарова — геодезист, Анастасия Яковлева — врач-окулист. Преподает математику в школе и пишет стихи Антонина Горбунцова, учительница биологии Ирина Виноградова стала кандидатом в мастера спорта по спортивной гимнастике. Были среди саамов и прокуроры (М. Л. Окатов), и партийные работники (О. Н. Захарова).

Растет число саамской интеллигенции и за пределами Ловозерского района: Нина Елисеевна Афанасьева работает в институте усовершенствования учителей в Мурманске, Ираида Владимировна Виноградова — воспитателем детсада в Оленегорске, Роза Ивановна Яковлева — учительницей в Лопарской школе, Анастасия Елисеевна Мозолевская — учитель ВСОШ № 3 Оленегорска, Екатерина Ивановна Мечкина преподает в Кировске.

За годы Советской власти саамы стали вровень со многими народами страны в области культуры и образования. Духовное развитие саамов — яркое свидетельство торжества ленинской национальной политики.

В декабре 1982 года исполнилось 25 лет Ловозерской геофизической станции. К этой дате была организована выставка научных публикаций сотрудников, состоялось расширенное заседание ученого совета Полярного геофизического института Кольского филиала Академии наук СССР. Много добрых слов было сказано в адрес Василия Павловича Селиванова. Его родители — саамы-оленеводы. Он окончил вуз в Ленинграде, вернулся в тундру и занимался изучением вариаций электромагнитного поля Земли и интенсивности свечения полярных сияний. «Теперь мы в нашей лаборатории переходим к получению данных в таком виде, — говорил Селиванов, — чтобы их можно было читать с помощью новейших ЭВМ». Он женился на русской девушке, их дочь окончила медицинский институт в Тюмени, сын — ЛГУ.

Саамы в библиотеке

«Достигнутый общеобразовательный и культурный уровень саамов — это заслуга нашей советской системы образования. Благодаря влиянию русской культуры и постоянной заботе партии и правительства о развитии социально-экономической и культурной жизни народов Крайнего Севера саамский народ стал вровень с другими народами СССР», — говорил Василий Павлович авторам этой книги при последней встрече.

Говоря о культурных преобразованиях в жизни саамов, хотелось бы подчеркнуть такую немаловажную деталь: все лучшие помещения, появившиеся в тундре, принадлежат культурно-идеологическим учреждениям. Так, в первом каменном здании, построенном в Ловозере в 1958 году, — Дом культуры. Его открытие приурочили к 350-летию Ловозера. На митинге выступил секретарь райкома партии А. П. Терентьев. В приветственной телеграмме Мурманского обкома КПСС и облисполкома говорилось: «Неузнаваем стал облик села за годы Советской власти. Успешно осваиваются недра Ловозерской тундры. Село Ловозеро живет содержательной культурной жизнью».

В сентябре 1966 года в Ловозере открылась музыкальная школа, дети оленеводов обучаются игре на фортепьяно и баяне.

С 1968 года в Ловозерском Доме культуры работает клуб женщин. Только в 1965—1966 годах 43 передовика производства Ловозерского района отмечены правительственными наградами, в их числе много саамов.

Изменилась жизнь саамов не только в Ловозере, но и во всех селениях, где живут оленеводы. Совхозы приобретают вездеходы, радиостанции, автомобили, тракторы. У пастухов появились транзисторные приемники, мотонарты; самолеты и вертолеты на аэродромах Ловозера, Сосновки, Краснощелья стали привычным делом.

Есть много и других явлений. Вот одно из них: портрет оленевода совхоза «Тундра» Анисима Ефимовича Юрьева работы краснодарского художника В. К. Мордовина экспонировался на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 60-летию Великого Октября. Могли ли раньше саамы представить, что их земляк удостоится такой чести?

Саамка Ф. И. Яковлева во время учебы в Мурманском музыкальном училище

Продолжает меняться жизнь тундры. Вдумайтесь хотя бы в такой факт: работники ловозерской и краснощельской агитбригад в 1977 году провели в общей сложности в тундре, в оленеводческих бригадах, 215 дней, а за первую половину 1978 года — 302 дня [11].

Культурное обслуживание сельского населения Ловозерского района обеспечивают районный Дом культуры, сельские клубы, киноустановки, народные коллективы и агиткультбригады. Большую роль в оживлении культурно-воспитательной работы на селе сыграла социально-культурная программа Ловозерского района по реализации решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, составленная с помощью областного научно-методического центра и утвержденная райисполкомом.

Если раньше в состав агиткультбригад входили только лектор и киномеханик, то теперь с агитбригадой едет обязательно ра-

Заведующий лабораторией Геофизического института саам В. П. Селиванов

ботник торговли, который доставляет заказанные оленеводами товары, свежие фрукты и овощи. Участвуют в выездных бригадах медицинские работники, они выступают с беседами, проверяют состояние здоровья оленеводов. Иногда с бригадами отправляются ветераны войны и партийные работники.

В феврале 1983 года краснощельская агитбригада провела в Семиостровье встречу с пастухами первой и третьей бригад центрального отделения, в марте побывала в четвертой бригаде. В июне она организовала агитпоход на моторных лодках по Поною в Каневку. По пути бригада останавливалась на оленеводческих базах, проводила там беседы о текущем моменте, показывала новые кинофильмы, давала концерты.

Формы культурной работы стали разнообразнее. Организуются традиционные праздники оленеводов, проводы русской зимы и т. д. В программу их входят спортивные состязания, концерты художественной самодеятельности, лекции и беседы. В селах и оленеводческих бригадах прошли референдумы «Я голосую за мир!», в которых активно участвовали пастухи: и ветераны Степан Ефимович Канев, Иван Матвеевич и Григорий Игнатьевич Терентьевы, и молодые оленеводы.

Но, пожалуй, одним из главных достижений культурного преобразования жителей тундры является то, что постоянными спутниками саамов стали книги, журналы, газеты. Редкая семья в тундре не выписывает газет или журналов. Когда поступают новые книги в книжный магазин в Ловозере, их хватает на час-два торговли.

В Ловозере самая большая библиотека района. В 1969 году ее услугами пользовались 208 саамов. Судя по читательским билетам, Иван Юшков прочитал за тот год 50 книг, Семен Данилов — 16, Серафима Юрьева — 27. В детской библиотеке Ловозера среди читателей 190 саамов. Семиклассник Вася Селиванов прочитал за 6 месяцев 1969 года 20 книг, Марина Юшкова — 27 книг. Число читателей в библиотеках постоянно растет [12].

В 1986 году в Ловозерском районе насчитывалось 20 библиотек: государственных, профсоюзных, школьных. Среди читателей 743 человека — коми, саамов, ненцев. В среднем каждый саам берет в течение года 20—25 книг. Читателями библиотек являются все саамские дети школьного возраста.

Национальная по форме и социалистическая по содержанию культура саамов находит свое отражение и в репертуаре саамского хора, который в 1964 году стал лауреатом Всероссийского смотра художественной самодеятельности. В дни 50-летия Советской власти этот саамский коллектив вновь был отмечен почетной наградой, тогда же он получил звание народного хора. Артисты хора выступили по Центральному телевидению. 24 января 1968 года концерт саамского хора передавали по Интервидению. Саамский хор успешно гастролировал в других областях страны, в Норвегии.

Небольшой в прошлом хор превратился в настоящий ансамбль песни и пляски малых народностей Кольского Севера, исполняющий как русские, так и саамские песни. Тепло принимают зрители написанную местным композитором В. Д. Гуриновым «Райдную песню», которую поют пастухи:

Мороз не страшен:
Мы в теплых малицах
и пимах,
Расшитых пимах.
Всю ночь пурга,
пурга мела,
От снега тундра
вся бела.
Э-гей!

Авторами слов и музыки современных саамских песен («Мотчес Катрэм», «Сойв Пинк»), исполняемых хором, являются руководитель ансамбля, выпускник Мурманского музыкального учи-

Саамский хор

лица Валентин Гуринов, курьер Павла Конькова, слесарь Аскольд Бажанов. Саамские танцы ставит балетмейстер О. В. Лисина.

П. И. Конькова, одна из самых активных солисток хора, петь в коллективе стала еще в 50-е годы. В содружестве с композитором В. Д. Гуриновым она создала песню «Катерину сватали». С песней «Я по тундре еду» П. И. Конькова выступила в Москве. Павла Конькова возглавляла саамский квартет в гастрольных поездках по Швеции, Финляндии, Норвегии. Всесоюзная фирма звукозаписи «Мелодия» в 1977 году записала на пластинки восемь саамских народных песен в исполнении П. И. Коньковой (Ловозеро) и А. И. Герасимовой (Пулозеро).

Другая хористка Ловозерского ансамбля — доярка совхоза «Тундра» Д. М. Хомюк, член райкома КПСС, депутат областного Совета народных депутатов. Она не раз бывала на гастролях в Скандинавских странах и в Финляндии. На одном из праздников стран Северного Калотта Домна Максимовна познакомилась с норвежским саамом Юханом, между ними завязалась перепи-

ска. А когда Д. М. Хомюк ездила в Норвегию, они встретились вновь.

По инициативе В. Д. Гуринова, награжденного в 1986 году орденом Дружбы народов, в Ловозерском ансамбле широко применяются саамские народные музыкальные инструменты. Начали с навьта (по-русски — завывалка). Устройство ее довольно простое. Деревянная, тщательно выструганная, определенной формы пластинка, к которой привязана нитка. С помощью нитки придается пластинке вращательное движение, и она издает звук, похожий на завывание ветра. Затем изготовили хоуфф (жужжалка) и келлах (колокольчики), придумали и свои инструменты: постучалки, оленьи копытца, природные камушки. Постарались придать этим инструментам самобытный внешний вид. На деревянных деталях выжгли клейма, образцы которых нашли в местном музее.

Саамский хор хранит песенные традиции своего народа. Это отмечал и представитель финского «Юлейсрадио» А. Нойонен: «Большое впечатление произвел на нас ансамбль песни и танца Ловозерского Дома культуры. У нас тоже есть любительские хоры, но в сравнении с вашим они, пожалуй, проигрывают. Когда слушаешь ансамбль, то возникает чувство, будто выступают профессионалы. Отрадно то, что в репертуаре участников ансамбля песни и танца — саамские народные произведения, песни и танцы других народов Крайнего Севера. По всему видно, что на Кольской земле бережно относятся к народному творчеству» [13].

В 1982 году в Москве на ВДНХ проходил смотр художественной самодеятельности народов Крайнего Севера, посвященный 60-летию образования СССР. Народный ансамбль песни и танца Ловозерского районного Дома культуры был участником этого праздника, ему был вручен диплом первой степени ВДНХ СССР. Серебряной медали выставки удостоена солистка хора и автор песен П. И. Конькова.

В том же, 1982 году в Таллине проходила конференция, посвященная проблемам музыкального фольклора финно-угорских народностей. По приглашению Союза композиторов и Института языка и литературы Эстонии в этнографическом концерте, организованном после конференции, выступила одна из исполнительниц саамских национальных песен Анна Ивановна Осипова из Туломы. На эстонском телевидении была организована передача с участием А. И. Осиповой, которой в ту пору было 72 года [14].

Ловозерский народный ансамбль песни и танца часто бывает с концертами в селах района, на производственных участках. В 1984 году подготовлен новый репертуар, в него включены частушки на местные темы. На областном фольклорном фестивале в июне 1984 года, который проходил в Умбе, с саамскими песня-

ми выступали, кроме Павлы Ивановны Коньковой из Ловозера, два саама из Ёны — Федор Романович и Прохор Герасимович Серьгины. Их очень тепло принимали зрители.

Рождение саамской литературы

Сложным и далеко не простым путем шло создание саамской письменности: от азбуки священника Щеколдина к букварю и первым книжечкам на саамском языке 30-х годов. Букварь 30-х годов не был совершенным, его составители не смогли передать дух языка. Есть сложности и с новым букварем А. А. Антоновой, ибо в основе его только один из четырех диалектов саамского языка — кильдинский. А ведь из 1565 саамов, проживающих в Мурманской области, лишь половина говорит на этом диалекте, и сосредоточены они в Ловозерском районе. Остальные говорят на нотозерском или туломском либо на иокангском диалекте.

И тем не менее выход в свет нового саамского букваря — явление отрадное. Он непременно послужит дальнейшему развитию саамской письменности и литературы.

Литература о саамах и для саамов на русском языке издается давно. В сборник саамских сказок, изданный в 1959 году, вошло около 70 сказок. В 1980 году в Мурманском книжном издательстве вышел сборник «Саамские сказки» (составитель Е. Я. Пация). В нем — 170 сказок. Если все предыдущие издания страдали стилизацией в результате литературной обработки, то в это издание включены сказки в том виде, в каком они сохранились — в подлинном народном звучании. Записаны сказки собирателями Н. Н. Харузиным, М. М. Пришвиным, В. В. Чарнолуским, К. Щеколдиным, а также нашими современниками: Г. М. Кертом, А. А. Антоновой, О. В. Вороновой (Матрехиной) и другими.

Весной 1983 года в Мурманске вышла первая книга стихов саамского поэта Аскольда Бажанова «Солнце над тундрой». Стихи Бажанова не раз печатались в местных газетах, были включены в сборник «Близок Крайний Север». Пишет поэт на русском, своем втором родном языке, но содержание его стихов чисто саамское, с присущим народным колоритом.

Почти одновременно с А. А. Бажановым в советскую литературу вошла Октябрина Воронова, библиотекарь из поселка Ревды. В конце 70 — начале 80-х годов она участвовала в работе нескольких семинаров молодых литераторов народов Крайнего Севера. Ее стихи публиковались в якутском журнале «Полярная звезда», в саратовском — «Волга», в коллективном сборнике писателей малых народностей Севера «Близок Крайний Север». В 1986 году в Мурманском книжном издательстве вышел

сборник стихов первой саамской поэтессы — «Снежница».

Владимир Санги отмечает, что в стихах Вороновой много человеческой теплоты, что она хорошо чувствует душу народа и прекрасно использует в своих стихах саамский фольклор.

«Литературная газета» еще в 1982 году, в год 60-летия образования СССР, отмечала, что создается саамская литература, 78-я по счету в стране [15].

Осенью 1982 года в Ловозерском районе прошел семинар журналистов области по теме «Достижения ленинской национальной политики в районах Крайнего Севера». Семинар был организован сектором печати, телевидения и радио отдела пропаганды и агитации Мурманского обкома КПСС и правлением областной организации Союза журналистов СССР. Участники семинара побывали в филиале краеведческого музея, в районном Доме пионеров. Состоялись интересные встречи с работниками Ловозерского горно-обогатительного комбината и с коллективом Ловозерского народного ансамбля песни и танца. Журналисты беседовали со старейшими саамами-оленеводами Е. И. Кузьминым и И. А. Яковлевым, автором саамского букваря А. А. Антоновой, поэтами А. А. Бажановым и О. В. Вороновой.

В марте 1983 года в Ловозере проходило совещание по вопросам развития языка и культуры саамов, организованное Ловозерским райкомом КПСС, исполкомом районного Совета народных депутатов и Мурманским областным отделом народного образования. На совещании рассматривался широкий круг вопросов, связанных с выполнением постановлений партии и правительства по экономическому и социальному развитию народов Крайнего Севера, обсуждались проблемы развития языка саамов. Как положительное отмечалось создание алфавита саамского языка, выпуск саамского букваря, разработка основных вопросов теории нормативного саамского языка, преподавание саамского языка в школах района. Министерством просвещения РСФСР были утверждены должности научного сотрудника по саамскому языку и заведующего кабинетом национальных школ в институте усовершенствования учителей. В то же время участники совещания считали, что назрела необходимость организации научно-исследовательской лаборатории, способной комплексно решать задачи дальнейшего развития саамской культуры, языка, литературы и истории.

На страницах районной газеты «Ловозерская правда» регулярно печатаются стихи саамских поэтов, материалы по топонимике, рецензии на книги, «исторические страницы», а также корреспонденции о достижениях науки и передовой практики в сельском хозяйстве, рекомендации оленеводам. Постоянными

авторами газеты являются научные сотрудники Мурманской государственной областной сельскохозяйственной опытной станции, ученые ПОСВИРа и Норильского НИИ сельского хозяйства.

Радио, телевидение и кино в жизни саамов

Ныне в каждой саамской семье есть радиоприемник, транзистор или телевизор. Радиорелейная линия в тундру и ретрансляционный узел в Ловозере построены одними из первых в Мурманской области. Советское государство считало и считает дело культурного просвещения малых народностей Севера с помощью радио и телевидения наиважнейшим.

В 1965 году в Ловозере насчитывалось более 700 радиоточек (в 1940 году их было только 120) и 270 телевизоров [16]. Радиофикация тундровых селений закончена полностью.

23 марта 1983 года саамы Ловозера впервые услышали передачи местного радиовещания на родном языке. Диктор говорил о том, как прошел в районе День оленевода, познакомил жителей села с новостями. Передачу вел на саамском языке начальник геофизической станции Василий Павлович Селиванов.

Нередко можно увидеть в тундре и телевизор. Еще в 1968 году пастухи третьей бригады Мурманской оленеводческой опытной станции стали смотреть передачи Центрального телевидения. Появились телевизоры и в тундре, у оленеводов.

Радиоприемники и телевизоры прочно вошли в быт. Саамы слушают последние известия из Москвы, Мурманска и свои местные. В погостах «болеют» в ходе олимпийских соревнований, хоккейных и футбольных матчей, смотрят телефильмы и спектакли. Одним словом, саамы сейчас видят весь мир.

В 1983 году Мурманская студия телевидения представила на Всесоюзный конкурс лучших программ о профессиональных училищах страны фильм, который назывался «Мы — оленный народ». В нем рассказывалось об учащихся филиала сельского профтехучилища № 2 — будущих оленеводах.

В годы одиннадцатой пятилетки вступили в строй наземная станция космической связи «Москва» и телевизионный передатчик в Краснощелье. Станция прямо со спутника принимает первую программу Центрального телевидения. Жители села получили возможность смотреть передачи из Москвы в цветном и черно-белом изображении.

Саамы по-прежнему любят кино. Их привлекают не только художественные, но и документальные фильмы. И если на экране появляется тундра, стада оленей и сами оленеводы, в зале вспыхивает радостное оживление.

Саамы охотно снимаются в кино. В 1971 году вышел на экра-

ны один из фильмов с участием саамов — «Люся едет в Москву». Он был сделан по заказу телевидения для зарубежных друзей, изучающих русский язык. Сюжет фильма несложен и взят из жизни: ребята, радиолюбители-коротковолновики Московского Дома пионеров, установили по радио связь с геологами в тундре. Радист дядя Миша рассказал пионерам о своей гостье — дочери пастуха-оленевода Люсе Юлиной, которая приехала в тундру на каникулы к отцу. Пионеры пригласили Люсю в гости в Москву. Главную героиню сыграла саамская девочка, которую и в действительности звали Люсей Юлиной.

Лопарские погосты, старожилы тундры П. П. Юрьев, И. А. Яковлев, П. И. Конькова, саамские школьники показаны в другом (художественном полнометражном) фильме «Лавина». Один из консультантов фильма, Павел Юрьев, выступал в роли проводника. Саамскую песню в фильме исполняет Павла Конькова, упоминавшаяся нами участница ансамбля песни и пляски. Она поет: «Пришла весна. Поедут саамы в тундру пасти оленей. Сейчас собираются и запрягают оленей. Едут, едут и сделают чум. Станут жить. Их жены шьют, шьют красивые пимы и красивые малицы. Мужья пасут, пасут стада оленей, за большими стадами ходят днем и ночью».

Ей вторит голос С. П. Антоновой: «Тундра, тундра... Красивые олени бегут. Куда, куда бегут? В молодости ездила с красивыми пастухами в тундру. Запрягу красивых оленей и поеду за красивыми важенками с красивыми телятами. Смотрю, смотрю на красивых оленей, любуюсь ими и еду, еду за ними» [17].

В 1974 году в Ловозерской тундре снимали фильм финские кинематографисты. Руководитель их группы писал: «Когда я собирался в Ловозеро, то знал из литературы, что это — благоустроенное село с современными, городского типа зданиями. А когда приехал, то увидел гораздо больше, чем предполагал, — чудесный населенный пункт на Севере... Но самое приятное впечатление оставляют люди. Мы встречались с оленеводом Егором Кузьминым и его товарищами. Наблюдали за их работой, были у Егора дома. Это приветливые, гостеприимные люди, отличные труженики... Я доволен поездкой и хочу пожелать населению Ловозера больших успехов в труде и жизни» [18].

Беречь старину и традиции

В последние годы в культурной жизни саамов наблюдается возросший интерес к прошлому, к своим традициям и обычаям. Почетом и уважением окружены саамские сказительницы Елизавета Александровна Горбунцова из Гремихи, Мария Александровна Матрехина из Каневки, Варвара Дмитриевна Захарова из Краснощелья.

Руководитель кружка «Юный оленевод» П. П. Юрьев со своими воспитанниками

Еще в начале 60-х годов в Ловозерской школе-интернате появился краеведческий уголок, который вскоре вырос в школьный музей. Там разместили предметы домашнего обихода: миски и ковши, сделанные из дерева; национальную одежду — пимы, совики, малицы; нарты, оленью упряжь и сети для ловли рыбы; инструменты для выделки оленьих шкур. Все это сделано руками саамских умельцев.

Первым начал, как говорится, по-серьезному собирать старые саамские вещи, «антикварные» изделия, одежду, обувь, головные уборы, посуду учитель П. П. Юрьев. Его поддержали общественные организации и областной краеведческий музей. И уже в 1969 году краеведческий музей в школе посетило свыше двух тысяч человек. Вот одна из первых записей в книге отзывов, сделанная учеными Кольского филиала Академии наук СССР: «Приятно познакомиться с историей, бытом и культурой народа саами. Выражаем нашу искреннюю благодарность и признательность организаторам музея» [19].

Жители Ловозера разыскали для музея орудия лова, которыми раньше пользовались саамы, нашли веревку из корней сосны и ели, «возраст» которой 70 лет. Ефим Юрьев подарил рыболов-

ную сеть с двумя грузилами: одно — череп оленя, другое — камень, обернутый берестой. Старожилы передали музею национальную одежду, редкие украшения. Есть среди экспонатов музея старинная саамская оленья упряжь, какую сегодня и не встретишь. Ее принес в музей Федот Галкин. В экспозиции представлены сумки из оленьих шкур, украшенные национальным орнаментом, в которых женщины хранили пуговицы, иголки, различные безделушки, летнюю и зимнюю обувь.

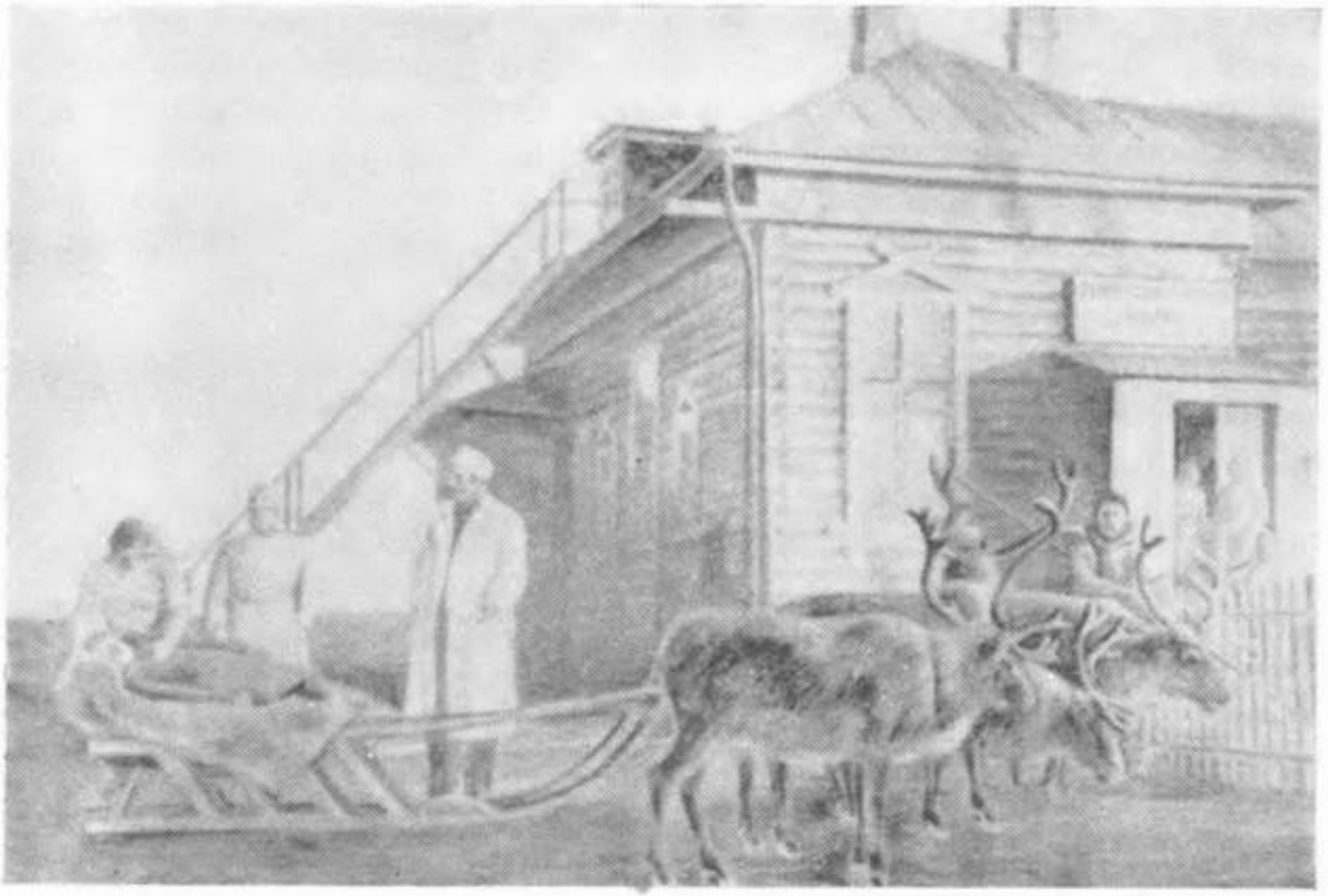
В 1970 году Ловозерский музей стал отделом культуры и быта малых народностей Севера Мурманского областного краеведческого музея. Он пользуется широкой известностью среди краеведов, туристов, учителей. В нем открыты экспозиции, рассказывающие о культуре и быте саамов, ненцев и коми в дореволюционное время, о ленинской национальной политике на Севере, о становлении Советской власти на Мурмане и о современном развитии народного хозяйства в Ловозерском районе. Ежегодно музей посещает более 5 тысяч человек.

Саамы издавна шили из оленьих шкур обувь, одежду, головные уборы, украшали их замечательными орнаментами. Сшитые из меховых лоскутков изделия кажутся цельными, без единого шва. Тонко подобранные цвета создают неповторимый колорит, в основе которого обычно традиционный саамский узор. Теплые малицы, красивые пимы, пушистые рукавички, кисы-сумочки, коврики, различные сувениры шьют ловозерские мастерицы А. Т. Фефелова, Л. А. Антонова, А. Ф. Чупрова, К. Е. Юшкова.

Прикладное саамское искусство сегодня возрождается. Ловозерская учительница домоводства О. Н. Шахова организовала кружок по изготовлению национальных сувениров. Воспитатель детского сада Э. К. Добрынина собрала богатую коллекцию вышивок. Изделия из оленьего меха, сделанные ловозерскими школьниками, получили признание не только в нашей стране, но и на выставках в Индии, Америке, Италии, ГДР.

В Ловозере начала работу мастерская национальных художественных промыслов, где изготовляют пыжиковые шапки, оленьи бурки и тапки, кисы-сумочки, сапоги-яры и другие изделия. А. А. Данилова, А. А. Фефелова и В. Г. Юлина украшают олений мех оригинальными рисунками.

На Ловозерском участке фабрики «Кольский сувенир» работают прекрасные мастера. М. И. Захарова делает прекрасные современные сумки на основе саамской сумки-кисы, О. П. Сорванова создает великолепные по своей выразительности ковры, взяв за основу национальные мотивы. Коллекция саамской одежды была представлена в 1983 году на ВДНХ и вызвала большой интерес [20].



У старой больницы

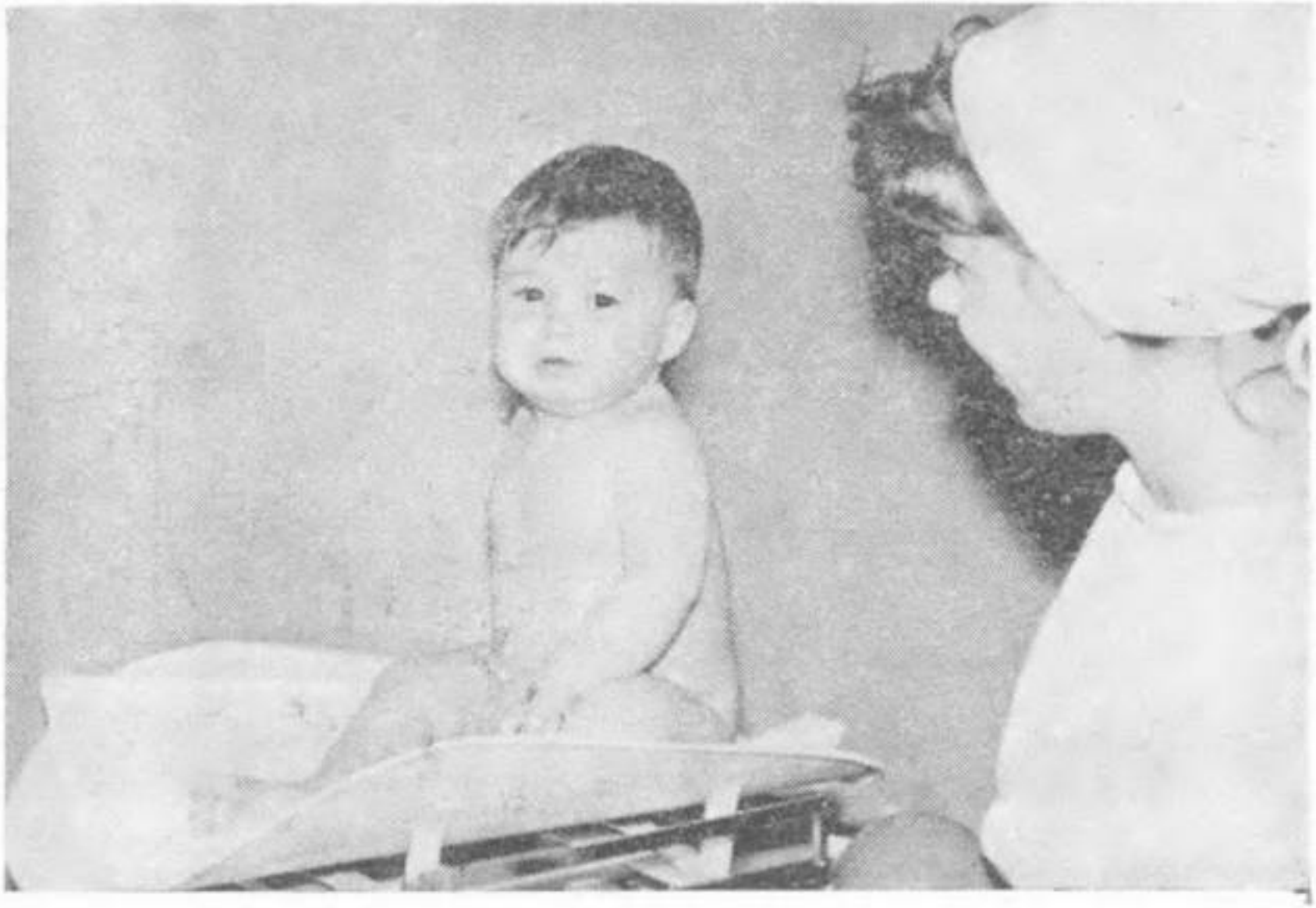
Обычную, будничную одежду для оленеводов из оленьего меха шьют саамские мастерицы. В Ловозере и Краснощелье пастухам эту одежду выдают бесплатно.

Охрана здоровья и быт саамов

Советское государство повседневно заботится о здоровье и быте саамов. Еще накануне Великой Отечественной войны в Ловозере построили больницу на 10 коек, ясли на 15 мест, аптеку. В Краснощелье появилась амбулатория, а в других погостах — фельдшерско-акушерские пункты с койками для рожениц.

В послевоенные годы медицинская сеть в тундре выросла в 10 раз, и большая заслуга в этом принадлежит главному врачу Ловозерской больницы Н. П. Шамляну, проработавшему в ней более 25 лет.

Смертность от туберкулеза по сравнению с дореволюционным периодом ныне сокращена в 15 раз, от пневмонии — в 50 раз. Средняя продолжительность жизни оленевода возросла с 27—28 лет до 70. В беседе с корреспондентом журнала «Охрана труда и социальное страхование» председатель рабочего комитета совхоза «Тундра» В. Н. Филиппов говорил, что заболевае-

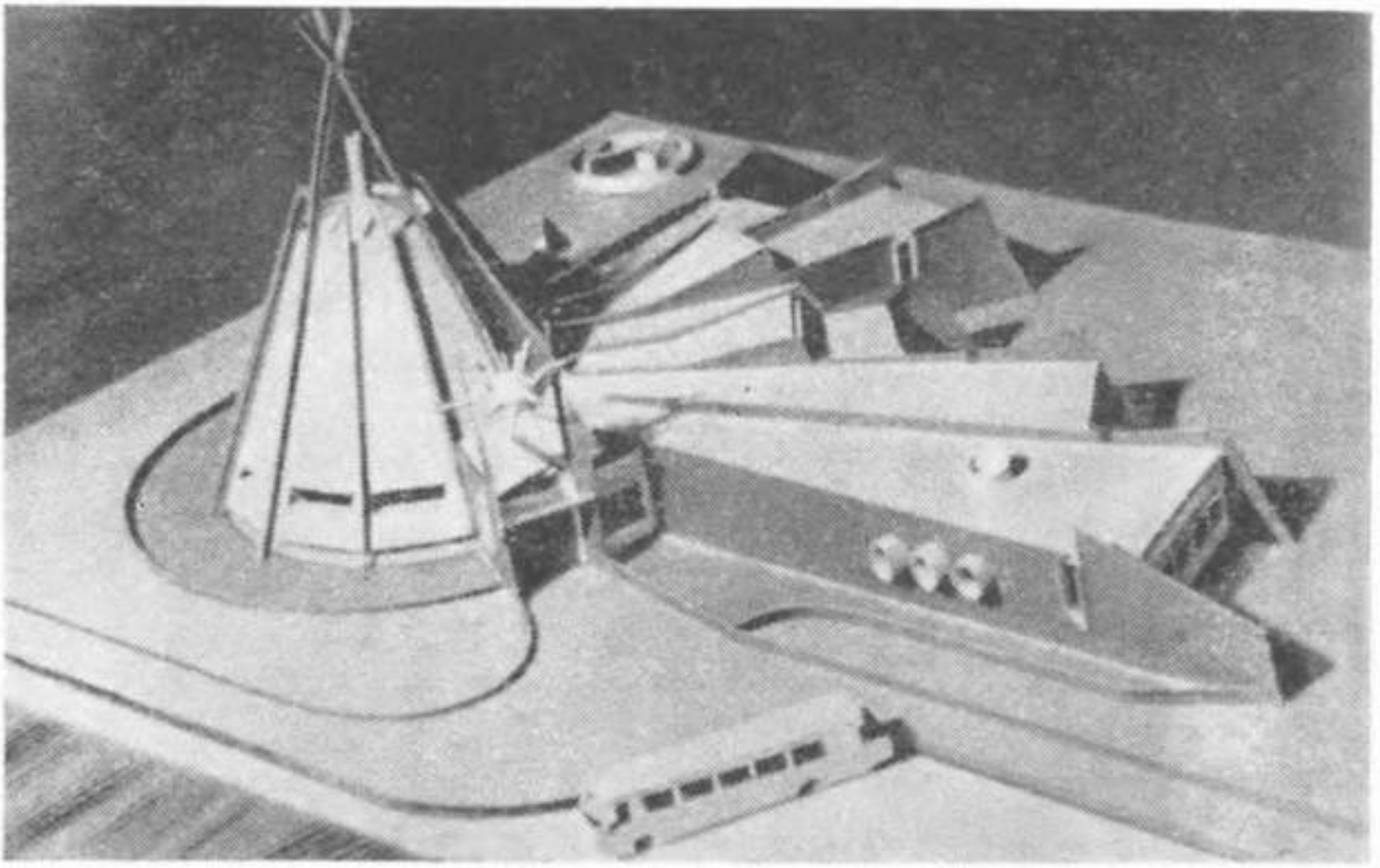


За здоровьем малышей внимательно следят медицинские работники Ловозера

мость среди оленеводов сравнительно невысока. «Основная патология — ревматизм и болезни опорно-двигательного аппарата. Но и они в последние годы имеют тенденцию к снижению»[21]. А простудные заболевания среди оленеводов вообще редки.

Проблемы охраны здоровья малых народностей Севера, в том числе саамов, решаются в СССР на самом высоком уровне. Так, 22—24 июня 1961 года в Мурманске состоялась выездная сессия Академии медицинских наук СССР и Министерства здравоохранения РСФСР, где обсуждались вопросы медицинского обслуживания оленеводов, создания гигиенических условий труда и жизни человека на Крайнем Севере. В 1973 году в Мурманске проводилась научная конференция, посвященная вопросам акклиматизации и патологии человека на европейском Севере[22].

В настоящее время в поликлинике Ловозерской больницы ведут прием 12 врачей-специалистов. Из 48 работающих врачей четверо из местного населения. В каждый из отдаленных населенных пунктов по 10—12 раз в год выезжают врачи для осмотра и лечения населения. Ловозерская районная больница за медико-санитарное обслуживание населения в 1981 году отмечена дипломом ВДНХ. В том году в районе не было случаев детской смертности.



Проект кафе «Чум» в Ловозере

Ежегодно только на оплату лекарств для саамов в районе расходуется из госбюджета 10 тысяч рублей [23].

Охрана здоровья саамов неразрывно связана с физической культурой и спортом. Саамы — постоянные участники спортивных Праздников Севера как в своих селах, так и в районе и областном центре. В числе победителей Праздников Севера неоднократно были Семен Галкин и Петр Сорванов. В гонках, как правило, участвуют не только мужчины, но и женщины. Соревнуются оленеводы на легких санях, на лыжах, буксируемые оленями. А еще соревнуются в гонках на кережах — древних саамских санках-лодках с полозьями, обитыми оленьим мехом.

Самым молодым спортсменом 50-го Праздника Севера (он состоялся в 1984 году) был Андрей Сорванов, воспитанник клуба «Юный оленевод». Он учился в 4-м классе, а на Праздник приехал вместе с отцом и матерью — Петром и Павлой Сорвановыми, также участниками соревнований.

Кстати говоря, стало традицией участие в оленьих гонках семей саамов. Так, на Празднике Севера 1984 года в мужской гонке стартовал Михаил Шаршин, а среди женщин победила на дистанции его мать Ольга Шаршина. В соревнованиях принимала участие и дочь Шаршиной — Елена Толстенко.

Немалую роль в улучшении здоровья саамов сыграли изме-

Буксировка лыжника оленями

нения в их быте. В Ловозере многие саамские семьи живут в многоэтажных каменных домах (по последним данным — более 150 семей).

Жилищное строительство продолжается, в нем наметился определенный качественный сдвиг. До недавнего времени в Ловозере строились пятиэтажные дома городского типа. Приусадебные участки и дворовые постройки саамов, переселившихся в коммунальные дома, обычно сохраняли. Но так как участок уже был не рядом с домом, то тяга к земле ослабевала. Исчезали оставленные жителями дома, огороды.

В одиннадцатой пятилетке стали строить дома-коттеджи на четыре семьи с помещениями для оленей и овец, с приусадебными участками. В 1982 году производственное управление сельского хозяйства облисполкома построило первые три таких дома в двух уровнях для тружеников совхоза «Тундра». В этих домах просторные, уютные квартиры. Конечно, стоимость квадратного метра площади в коттеджах много выше, чем в пятиэтажном жилом доме, но зато коттеджи более удобны.

В дальнейшем предполагается застраивать Ловозеро домами с приусадебными участками и многоэтажными зданиями. Сейчас почти 70 процентов населения Ловозера живет в благоустроенных квартирах, остальные — в деревянных домах, представляющих личную собственность.

В конце 70-х годов институт «Мурманскгражданпроект» произвел корректировку плана застройки села Ловозера, а в августе 1980 года исполком областного Совета народных депутатов утвердил доработанный проект. В соответствии с ним в 1981—1985 годы в Ловозерском районе планировалось построить: несколько жилых домов, водопровод, поликлинику, кафе, типографию в Ловозере, детские сады в Ловозере и Ревде, магазин в Краснощелье.

Растет еще один поселок в тундре

Нужно отдать должное строителям: большинство объектов введено в строй. В Ловозере построен Дом культуры на 300 мест. В нем большая механизированная сцена — теперь ловозерцы могут принимать у себя любой творческий коллектив. В Доме культуры разместились народный ансамбль песни и танца, драматический коллектив, детская библиотека.

В центре Ловозера в 1984 году появилось необычное здание — кафе, похожее на чум. Его так и назвали «Чум», хотя сооружено оно не из жердей и оленьих шкур, а из металлических конструкций и бетона. Стены, внутренние двери, декоративные решетки обшиты деревянными планочками, купол здания напоминает ночное небо. Художников, оформлявших кафе, консультировали старожилы тундры. На южной окраине села построено здание для ветеринарной станции, в центре села в новом двухэтажном здании разместились типография и редакция районной газеты «Ловозерская правда».

В 70-е годы в Краснощелье построено более 20 двухквартирных домов, школа на 320 мест, дизельная электростанция. В 1980 году построен Дом культуры на 200 мест, больница на 15 коек, детский сад. В Краснощелье появились добротная кирпичная баня, животноводческая ферма, хоккейный корт с электрическим освещением. Краснощельцы смотрят передачи первой программы Центрального телевидения. На полторы сотни домов

села в 1983 году насчитывалось 120 снегоходов «Буран», более двухсот квартирных телефонов.

Общественная активность саамов

Саамы Кольского полуострова деятельно участвуют в работе всех органов государственного и общественного управления. В 1967 году 8 саамов Ловозерского района входили в состав колхозных правлений, десятки саамов являлись депутатами сельских и районных Советов. Депутаты Ловозерского районного Совета в 60-е годы были старый бригадир Семен Иванович Юшков и комсомолка Зинаида Фефелова.

Отмечая общественную и политическую деятельность саамов, секретарь Ловозерского райкома КПСС Л. А. Голубев в дни 50-летия Советской власти писал: «На основе ленинской национальной политики коренные народности тундры получили свободу и равенство. Через своих представителей в выборных органах государственной власти они участвуют в управлении делами страны, области, района. Депутатами районного, поселкового и сельских Советов в настоящее время являются 42 человека. В их числе представители коренного населения — оленевод И. А. Яковлев, колхозницы В. Г. Юлина, Н. П. Чупрова, А. Т. Фефелова и другие» [24].

Еще более возросла общественная активность саамов в 70-е годы. Оленевод С. Н. Галкин был делегатом XVI Всесоюзного съезда профессиональных союзов. Заслуженным авторитетом и уважением пользовались депутаты Ловозерского районного Совета бригадир совхоза «Тундра» Василий Алексеевич Галкин и пастух четвертой бригады того же совхоза Федор Евдокимович Кириллов. Депутатом Мурманского областного Совета избирался саам — молодой (ему было 24 года) электрик совхоза «Тундра» А. А. Антонов. Его родители — потомственные оленеводы, пас оленей и брат Владимир. В Краснощелье вели большую общественную работу депутаты сельского Совета Е. П. Данилов, А. П. Терентьев и другие.

На 1 января 1978 года на учете в Мурманской областной парторганизации состояло 75 коммунистов-саамов, 55 из них работали в Ловозерском районе. В составе райкома КПСС насчитывалось 4 саама и 5 коми, в районном Совете народных депутатов — 11 представителей малых народностей Севера [25].

Отмечая огромные сдвиги, достигнутые за 70 лет в тундровых районах Кольского Севера, следует сказать и о нерешенных проблемах социально-бытового и культурного строительства.

По некоторым данным, небольшая часть населения Ловозерского района старше 10 лет пока не имеет начального образова-

На выборах в советский парламент: голосует саамка Мария Юшкова

ния. З. Е. Черняков писал: «После того как в школах было прекращено обучение саамских детей на родном языке (по той причине, что саамы народ двуязычный), возникли определенные трудности развития их культуры, обусловленные рядом обстоятельств. И прежде всего тем, что русским учителям, не знакомым с особенностями саамского языка (а их большинство), трудно научить саамских детей грамотно говорить и писать по-русски. Вызывает озабоченность отсев учащихся-саамов из средней школы, невысокий процент их среди абитуриентов, поступающих в вуз» [26].

Причины нерешенных пока саамских проблем многообразны, и, вполне возможно, они связаны с несостоятельными и ошибочными оценками нужд и запросов тундрового населения. Не последнюю роль здесь играет непонимание психологии саамов, коми, ненцев, особенностей осуществления национальной политики на современном этапе, кое-где встречавшееся игнорирование национальных традиций и обычаев, поверхностные суждения об утрате родного языка.

Однако эти негативные моменты не умаляют тех колоссаль-

Саамские дети

ных преобразований, что произошли за годы Советской власти. Немаловажно и то, что в последнее время вопросам культурного воспитания, политического кругозора саамов уделяется больше внимания, ибо насущные материальные проблемы (жилье, быт, высокие заработки, пенсионное обеспечение и т. д.) в основном решены.

Культурная и духовная жизнь саамов за последние десятилетия стала значительно богаче, многограннее. Оленеводам открыты широкие пути для выбора профессии, для получения среднего и высшего образования и работы «в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей» (так записано в Советской Конституции).

Проводится большая работа по воспитанию уважения к старшим, привязанности к родному селу, к семье, к оленеводству. Усилена забота о тех, кто всю жизнь работал в тундре и пас оленей. 14 мая 1973 года Совет Министров РСФСР принял специальное постановление «О материальном обеспечении престарелых граждан из числа народов Севера, не получающих пенсии» [27].

27 декабря 1974 года исполком Мурманского областного Совета депутатов трудящихся рассмотрел вопрос «О культурно-

бытовом обслуживании коренного национального населения Ловозерского района». Обсуждались эти вопросы и в последующие годы.

После выборов в местные Советы народных депутатов, состоявшихся в 1977 году, 20 саамов представляли свой народ в областном, районном, поселковых и сельских Советах.

На предпоследних выборах в областной Совет избраны председатель Ловозерского райисполкома коми Анатолий Абрамович Рочев и доярка совхоза «Тундра» саамка Домна Максимовна Хомюк. Один из депутатов районного Совета саам Василий Николаевич Голых из совхоза «Тундра» — представитель старшего поколения оленеводов, он прошел всю войну. Вернувшись с войны, пошел работать в тундру, был пастухом не один десяток лет. С годами здоровье его ухудшилось, врачи запретили работать в тундре, но В. Н. Голых не оставил любимую работу — он пасет оленей, на которых пастухи приезжают в село.

В состав Ловозерского районного комитета КПСС на XXV районной конференции в ноябре 1983 года избраны 9 коммунистов саамов и коми, в том числе Д. М. Хомюк и Н. Ф. Чупрова, директор совхоза «Память Ленина» Д. А. Матрехин и другие.

Маленький тундровый народ в братской семье народов СССР успешно решает задачи, поставленные в Программе КПСС. И одной из главных задач является воспитание нового человека, человека коммунистического будущего.

Член исполкома ЦК Компартии Дании Вилли Фугльсанг, посетив в августе 1975 года Ловозеро и посмотрев концерт художественной самодеятельности, был восхищен той работой, которая проводится по сохранению и пропаганде культурного наследия малых народностей Севера. Побывав в семье бригадира оленеводов В. А. Галкина, он говорил: «Только социалистический строй предоставляет малым народностям все условия для их развития и процветания» [28].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗА МИР И ДРУЖБУ

Как мы говорили в начале книги, саамы (саами) — сравнительно небольшая народность, занимающая сегодня заполярную часть Европейского материка, — ныне разделены государственными границами четырех стран мира: Норвегии, Швеции, Финляндии и Советского Союза.

Саамы — особая и во многих отношениях своеобразная этническая группа. Как свидетельствуют специалисты, саамский язык довольно близок в лексическом отношении к финно-волжской ветви угро-финских языков, однако его фонетика и грамматический строй значительно отличаются от этих языков, так же как и от самодийских. Изолированной, так называемой лапоноидной, группой выглядят саамы и в антропологическом отношении.

У саамского народа — самобытная культура, корни которой уходят в глубину веков, тысячелетняя история борьбы за существование, которая в капиталистических странах не прекратилась и сейчас. В Скандинавских странах и в Финляндии саамы и в XX веке медленно, но неуклонно отступали на север, в необжитые районы. Уместно вспомнить, что в 1961 году один из западных ученых цинично писал о саамах: «Как моль и паразиты прячутся и исчезают при свете дня, так исчезают и саамы, когда их коснется свет и воздух культуры» [1].

Совсем иное положение в Кольской Лапландии. Советская власть, социалистическое государство предоставили саамам все возможности для успешного экономического и политического развития; права их, равно как и обязанности, закреплены в Конституции СССР. В то же время советские саамы не отгорожены «железным занавесом» от своих зарубежных сородичей, поддерживают постоянные контакты с ними и готовы всемерно расширять международные культурные, торговые, экономические, профессиональные связи в будущем.

Численность и занятия саамов

Общеизвестно, что у саамов всех четырех стран есть немало общего и почти одинаковы способы занятий. Климат и рельеф в норвежской провинции Финмаркен, в шведской — Норботтен, в финской Лапландии и на севере Мурманской области существенно не различаются. На территории европейской Лапландии (100 тысяч квадратных миль) ныне проживает более 50 тысяч саамов, в том числе в Норвегии — 30 тысяч, в Швеции — 15 и в Финляндии — 5 тысяч [2].

Писатель Геннадий Фиш в 1969 году сообщал: «Саами — племя небольшое... Численность этого народа, прежде вымиравшего, теперь стала стабильной, но тем быстрее пошел процесс ассимиляции. Однако и сейчас бытует в Лапландии яркая, красочная одежда саами: меховые малицы, узорчатые кеньги-унты, синее летнее женское платье с подолами и обшлагами рукавов, отороченными красными лентами, мужские синие рубахи с желтыми и красными полосами на плече, синие мужские шапки с огромным, в голову человека, пышным, как хризантема, ярко-красным помпоном над козырьком» [3].

Далеко не все финские, шведские и норвежские саамы заняты в оленеводстве, которое сейчас на Западе переживает тяжелые времена. Не хватает пастбищ, кормов, дорожает земля. А при наличии частной собственности, буржуазных законов конкуренции под лозунгом свободного предпринимательства все оборачивается против потомственных оленеводов.

Наиболее крупные стада оленей в Скандинавии — у горных оленеводов, на которых чаще всего работают бедные соплеменники. Лесные саамы кочуют на небольшие расстояния в лесотундре и имеют стада в несколько десятков оленей, охраняют их силами своей семьи или родственников. Саамы-рыбаки ловят рыбу в реках и озерах.

Большинство финских и скандинавских саамов перешли на оседлый или полукочевой образ жизни. Семьи бóльшую часть года живут в сравнительно благоустроенных поселках, а муж-

чины — оленеводы или рыболовы — в тундре или на промыслах. Занимаются саамы также овцеводством, молочным животноводством, огородничеством, кустарными промыслами — шьют меховую одежду, плетут корзинки, делают ножи, изделия из рога, различные сувениры.

Большинство скандинавских саамов говорят как на родном, так и на официальном государственном языке своей страны.

В послевоенные годы, судя по печати, во всех странах Северной Европы растут ряды безработных, в их числе много саамов. Из родных селений саамы уходят в города, работают в сфере обслуживания, становятся лесорубами, дорожниками.

Борьба за свои права

Для защиты национальных и профессиональных интересов скандинавских саамов в 1956 году образован Союз саамов — межгосударственный консультативный орган. Он охраняет интересы саамов, проживающих в Норвегии, Швеции и Финляндии, содействует оказанию экономической, социальной и культурной помощи саамам. Союз саамов поддерживает стремление к знакомству саамов между собой, укрепляет их единство. Союз добивается, чтобы саамов признавали как отдельную народность, признавали их право жить в родных краях.

В Союз саамов входят по четыре представителя от каждой страны, а также их личные заместители. Избирается совет на Скандинавской конференции саамов, которая проходит раз в три года. В конференции принимают участие по 20 представителей от каждой страны. Эти конференции иногда называют «парламентом» скандинавских саамов.

Конференция и Союз саамов назначают комиссии: по труду и охране окружающей среды, по народному творчеству, по информации, а также музейную, юридическую, языковую, учебную. Секретариат Союза находится в поселке Утсйоки (Финляндия).

Однако ни «саамский парламент», ни Союз саамов не в силах полностью решить проблемы северных народностей, усложнявшиеся из года в год в любой из этих стран.

Сложную обстановку в *шведской Лапландии* в 60-е годы наблюдал Геннадий Фиш: «Людей с высшим образованием среди саами один-другой — и обчелся. Культурный и материальный уровень жизни в целом у них несравненно ниже среднего по стране. И хотя филологи досконально изучили язык саами и составили даже «академические словари», жизнь саами улучшалась куда медленнее, чем в других районах страны»[4].

Не от хорошей жизни многие саамы обратились к различного рода промыслам: доходов от оленеводства и рыболовства не

покидает родные места, утрачивает традиции и язык, как бедствуют рыбаки и оленеводы. По мнению Х. Лидмана, саамы-сколты вряд ли могут сохраниться как особая этническая группа [9].

Хотя стадо оленей в Финляндии довольно значительное — около 200 тысяч голов, — развивается оленеводство трудно, так как не хватает ягельников и пастухов (лишь 5 процентов финских саамов занимается оленеводством).

Не менее остро стоят вопросы о сохранении самобытной саамской культуры, о просвещении саамов, обеспечении их прав, охраны окружающей среды.

Большинство скандинавских саамов имеют низкий прожиточный минимум, слабую общеобразовательную и политическую подготовку. Их судьба зачастую зависит от капризов природы, от конъюнктуры рынка. Об этом не раз говорил хорошо знающий Скандинавию публицист В. Л. Якуб. Именно он писал, что скандинавские саамы «живут несравненно хуже, чем шведы, финны и норвежцы, хотя и являются гражданами этих стран и формально обладают теми же правами» [10]. Но, пожалуй, самое главное в том, что нравы и обычаи буржуазного общества, основанного на эксплуатации и частной собственности, оставляют саамов один на один с суровой природой, капиталистическим засильем и произволом. Саамы разобщены, одиноки и бессильны. Больше того, при капитализме у них нет перспектив — почему часто и обсуждается на Западе вопрос: «Есть ли у саамов будущее?»

Сравнительно недавно, в 1983 году, об этом шла речь на международной встрече, организованной ЮНЕСКО, в Карасйоке — маленьком городке на севере Норвегии. Из сообщения сотрудника саамского института, доктора Исаака Кескитало, из выступления профессора социологии университета Тромсё Вигдиса Стордала участники симпозиума узнали о том, что два с половиной века саамы не могут добиться признания своих прав на земли, на которых они исконно живут.

А вот что говорил доктор И. Кескитало о саамской культуре: «Культура саамов испытывает огромное давление иноземной, иноязычной культуры. Причем то, что приходит сюда в виде телевизионных передач, радиопрограмм, дешевых книг... к культуре не имеет никакого отношения. Это псевдодуховный товар» [11].

В то же время следует подчеркнуть, что наиболее активная часть скандинавских саамов ведет борьбу за существование, за политическую автономию, за сохранение национальных традиций и культуры. Их поддерживают прогрессивная пресса, демократические силы Норвегии, Швеции, Финляндии, возглавляемые коммунистическими партиями этих стран.

На территории, где проживают саамы, предпринимаются ме-

Один из авторов книги на встрече с норвежскими саамами

ры по сохранению памятников саамской культуры — открыты первые музеи под открытым небом. Культивируется саамский фольклор, сберегаются саамские напевы. Нельзя не отметить, что в культурной и общественной жизни саамов участвует лютеранская церковь.

В Норвегии два раза в неделю выходит саамская газета, в Швеции — издается ежемесячник. В 1983 году университетское издательство Норвегии приступило к выпуску многотомной истории норвежской литературы, текст которой печатается на восьми языках. Важная черта этого издания — новое отношение к литературе таких малых народов, как саамы. В Норвегии вышло в свет первое художественное произведение на саамском языке — на пяти саамских диалектах (сказки, основанные на народном фольклоре). До этого на саамском языке выходили только учебные пособия.

Библиографию литературы на саамском языке, рассказывающей о жизни норвежских саамов, начал издавать университет города Тронхейма. Уже вышла первая часть, охватывающая

публикации с 1966 по 1980 год. Ученые университетской библиотеки задались целью включить всю литературу о саамах, в том числе изданную в других странах [12]. Определенная работа по сохранению саамской культуры ведется в Финляндии: в поселке Утсйоки создан музей саамских поселений и быта под открытым небом; действует Дом саамского радио, работники которого ведут передачи на различных диалектах саамского языка; в Рованиеми ставятся театральные постановки на саамском языке; в городе Эспо, близ Хельсинки, состоялась встреча писателей и полиграфистов, занимающихся изданием книг для саамских детей, живущих в Финляндии.

Крепнут контакты

За последние 10—15 лет значительно расширились контакты между советскими и зарубежными саамами. Из Ловозерского района поставляют в Скандинавские страны бруснику и морошку, где эти ягоды пользуются большим спросом. В течение ряда лет в Финляндию отправляли продукцию кольского оленеводства: оленьи шкуры, рога, мясо. В 70-е годы торговые связи между кооперативными организациями СССР и Скандинавии еще более усилились.

В Ловозеро часто приезжают зарубежные гости. В свою очередь, наши делегации, в состав которых входят саамы, почти ежегодно выезжают в северные районы Финляндии и Скандинавских стран. Регулярными стали такие поездки в связи с праздниками Северного Калотта.

Региональная международная организация Северного Калотта, в работе которой участвует общественность лапландских провинций четырех стран Северной Европы, преследует цель сближения народов, проживающих на «макушке» Европы. Она способствует сплочению демократических сил в борьбе за мир, устранению напряженности в отношениях между странами. Организация Северного Калотта с каждым годом активизирует свою деятельность. И это несмотря на то, что существуют империалистические, главным образом натовские, силы, которые стараются помешать ее деятельности.

Один из первых и больших праздников мира и дружбы народов Северной Европы состоялся в Мурманске летом 1966 года. Среди участников форума было немало саамов из Норвегии, Швеции и Финляндии. Они имели возможность познакомиться с советской действительностью, удостовериться в лживости буржуазной пропаганды о жизни мурманчан. Побывали зарубежные саамы и в Ловозере.

На следующем празднике Северного Калотта, который состоялся через два года в норвежском городе Тромсё, вопросы жиз-

ни саамов, их правового, экономического и культурного положения нашли довольно полное отражение. Причем выявилось, что если в Советском Союзе почти все проблемы жизни саамов решены или решаются, то на Западе еще только идут споры, как приступить к их реализации. Присутствие в Тромсё советских саамов и их выступления, ответы на вопросы значительно обогатили встречу, придали ей более конкретный характер.

Деятельность в рамках Северного Калотта особенно положительно сказалась в области культурного сотрудничества. Так, после поездки в СССР, в том числе и на Кольский полуостров, Ханс Лидман опубликовал книгу «Путешествие в солнце». В 1974 году финские операторы сняли телевизионный фильм о советских саамах. Руководитель съемочной группы А. Нойонен при завершении работы говорил: «Мы обратились к этой теме потому, что быт и жизнь коренного населения Кольского полуострова очень интересуют телезрителей нашей страны. Север Финляндии, как известно, населен саамами. Перед нами стоит ряд проблем, и, естественно, у нас хотят знать, как

эти проблемы решены или решаются в вашей стране» [13].

Два года подряд в гости к ловозерским саамам приезжали шведские журналисты Борис Эрссон из Стокгольма и Пауль Андерс Симма (саам из Кируны). В интервью они заявили: «Нам понравилось, в каких условиях живут саамы. В их распоряжении благоустроенные дома, все, что необходимо для нормальной жизни. У вас очень большое внимание уделяется развитию оленеводства. Мы проезжали по тундре и обратили внимание на то, что в районах выпаса оленей не вырубается лес, не ведется никакая хозяйственная деятельность» [14].

Саамы четырех стран встречались и обсуждали свои проблемы и на последующих праздниках Северного Калотта: в 1975 году — в Рованиеми (Финляндия) и в 1977 году — в Мурманске. Желание сотрудничать в области экономики, культуры, стремление взаимовыгодно торговать, обмениваться делегациями, опытом вновь прозвучало на этих праздниках. Контакты между советскими и зарубежными саамами продолжают расширяться. Так, летом 1977 года саамы Финляндии, Швеции, Норвегии — участники праздника Северного Калотта — побывали в гостях у саамов в Ловозере. Они осмотрели музей, Дом пионеров, школу-интернат, детсад «Олененок», побывали в семьях оленеводов. Представитель финской делегации Ф. Форсберг заявил: «Поездка в Ловозеро произвела на всех нас неизгладимое впечатление. Мы смогли убедиться, какой заботой окружены у вас саамы, как бережно сохраняется культура исконных жителей Крайнего Севера» [15].

В 1983 году по приглашению Лапландского отделения общества «Финляндия—СССР» в северные районы Финляндии выезжала делегация трудящихся Ловозерского района. Мурманчане знакомились с жизнью, культурой и бытом саамов Финляндии, рассказали им об экономическом и социальном развитии своего района, о расцвете культуры и искусства советских саамов. Участники народного ансамбля песни и танца села Ловозера выступили с концертами в семи городах и населенных пунктах [16].

В 1985 году в фольклорном фестивале народов Севера, проходившем в финском городе Каустинен, участвовал Ловозерский ансамбль. Девять самодеятельных артистов представляли хоровую и танцевальную группу творческого коллектива. К фестивалю они подготовили семь композиций, в основу которых были положены саамские напевы и танцы, песни и сказки, исполняемые в сопровождении народных инструментов.

Контакты между советскими и зарубежными саамами в борьбе за мир и дружбу, за экономическое и культурное сотрудничество продолжают развиваться все шире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подошло к концу наше повествование об истории, экономике и культуре советских саамов, о социалистических преобразованиях, происшедших в жизни этой небольшой народности. За семьдесят лет Советской власти саамы совершили гигантский скачок от патриархально-натурального уклада к развитому социализму, от бескультурья и невежества — к знаниям и свету, от нищеты — к материальной обеспеченности. Кольские саамы сегодня — часть новой исторической общности людей — советский народ. Всеми успехами в области экономики, культуры и общественной жизни они обязаны именно пребыванию в составе этой общности.

Исторический путь развития советских саамов в XX веке в корне отличен от пути, по которому идут саамы Финляндии, Швеции и Норвегии. В СССР ликвидирована частная собственность на землю, на орудия и средства производства, уничтожена эксплуатация человека человеком. В Кольской тундре внедрены коллективные формы хозяйствования в оленеводстве. Социализм предоставил саамам политические права, обеспечил демократизм в общественной жизни.

Одним из социальных результатов экономического и общественно-политического развития советских саамов стал широкий диапазон их занятий. Если раньше саам мог быть только оленеводом и никем больше, то ныне среди саамов есть специалисты всех отраслей народного хозяйства — строители, электрики, механизаторы, полеводы, животноводы, доярки, птичницы.

Год от года в тундре растут ряды национальной интеллигенции. В разных отраслях народного хозяйства Ловозерского района в 80-е годы трудились сотни специалистов с высшим и средним образованием. Среди них немало выходцев из местных жителей — саамов и коми: геофизик В. П. Селиванов, врач Е. Ф. Осипова,

медицинские сестры Павла Терентьева и Галина Яковлева, библиотекарь О. В. Воронова, преподаватели и воспитатели Е. Н. Коркина, Э. К. Добрынина, Н. С. Юрьева, И. В. Виноградова, Л. Д. Яковлев и многие другие.

Есть среди коренных жителей Кольской тундры и поэты. Ловозерский саам Аскольд Бажанов в одном из стихотворений писал:

Саамский парень, не слывешь ты рослым,
Тяжела усталых предков тень,
Но зато ты сызмальства выносли в,
Как и друг твой, северный олень.

Советским саамам доступны все стороны общественной и государственной жизни. Так было в период строительства социализма, такое же положение сохранилось и в последующие годы. Вот несколько примеров. Вернувшегося с фронта саама Е. В. Харлина избрали председателем колхоза «Искра». Бригадиром, а затем председателем колхоза работал саам Г. А. Фефелов. Дочь потомственных оленеводов Д. М. Захарову молодежь Ловозера послала на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Берлине.

Немало саамов среди партийного и советского актива области, среди передовиков производства. Е. П. Данилов, пастух-оленевод из Краснощелья, глава многочисленной семьи, был делегатом XXII съезда КПСС. Саамы достойно представляют свой народ не только в районном и областном, но и в союзном и даже международном (на Северном Калотте) масштабе. На праздник мира Северного Калотта в шведском городе Лулео (он проходил в июне 1984 года) ездили саамы В. П. Селиванов и А. П. Дмитриева (студентка Мурманского пединститута).

Большие и существенные изменения произошли за годы Советской власти в оленеводстве. Коллективное ведение хозяйства как господствующая форма тундровой экономики полностью себя оправдало. Товарищества по совместному выпасу оленей, колхозы и совхозы — вот три типа хозяйствования, через которые прошли кольские оленеводы. Рентабельность советского оленеводства, его продуктивность и прибыльность, несмотря на ряд негативных моментов, вне всякого сомнения. Новая система оленеводства создала новую форму общественных отношений, кадры оленеводов.

Конечно, далеко не все проблемы жизни саамского народа решены полностью. Слишком мал исторический отрезок времени. Есть проблемы экономического содержания, есть трудности бытового и культурного плана, о которых мы говорили. Но имеющиеся трудности и негативные стороны жизни саамов не могут принизить значения тех успехов, что достигнуты за годы Советской власти. Изменения в экономике, быте и культуре советских оленеводов на-

столько зримы, что их признают и наши друзья, и наши недруги. Но лучше всего их могут оценить сами оленеводы. В дни 50-летия образования СССР 5 ноября 1972 года саам Г. А. Данилов писал в «Полярной правде»: «Много веков живут на Кольской земле саамы. Веками чувствовали они себя на ней бедными родственниками. Мало что им от нее доставалось. Но вот свершилась Октябрьская революция, пришла Советская власть. Пришла помощь от великого русского брата, от других народов нашей страны. И мой народ почувствовал себя хозяином на земле. И земля ему начала отдавать богатства сполна».

В то же время постоянно и настойчиво идут поиски решения всех вопросов настоящего и будущего советских саамов. Работают научные экспедиции, проводится анкетирование коренного населения тундры, в последние годы прошел ряд интересных научных конференций по проблемам жизни народов Крайнего Севера.

В октябре 1983 года в Новосибирске состоялась Всесоюзная научная конференция, посвященная наиболее актуальным вопросам развития малых народностей Севера. Конференция поставила проблему комплексного освоения Крайнего Севера, что, в свою очередь, связано со многими трудностями.

На конференции в Новосибирске отмечалось, что саамы, так же как и другие народности, успешно приобщаются к культуре других народов, в первую очередь русского, и успешно развивают свою собственную культуру путем популяризации саамского эпоса и языка, создания для саамских школьников книг на основе саамских сказок, воспитания у молодежи и школьников любви и уважения к исконно саамским трудовым традициям. В Мурманском пединституте разрабатывается специальный курс «Этнопедагогика народов Кольского Заполярья».

В июле 1984 года в Мурманске проводился семинар-совещание, посвященный социально-экономическим и демографическим проблемам, связанным с завершением перехода коренного населения Крайнего Севера на оседлость. Был обсужден широкий круг вопросов по адаптации народностей Севера к современным условиям жизни, намечены конкретные пути решения этой важной социально-экономической задачи. Работа семинара была продолжена в Ловозере, где ученые знакомились с организацией труда, с бытом, медицинским и культурным обслуживанием оленеводов.

В рекомендациях семинара-совещания отмечалось, что проблема кочевого образа жизни, традиционно связанного с характером северных отраслей хозяйства, требует осторожного и вдумчивого решения, ибо от этого зависит дальнейшее развитие оленеводства. Сам характер этого труда вынуждает кочевать пастухов. Оторванность от людей, от семьи и дома, тяжелые, во многом еще архаичные условия выпаса оленей, неустроенность быта породили мно-

го проблем, ставших тормозом движения важной отрасли северного хозяйства. Сегодня заметно ощущается нехватка пастушеских кадров, мало семейных династий оленеводов, глубоки демографические последствия: в тундре много холостых мужчин, а в поселках — одиноких женщин.

Коренное переустройство труда и быта оленеводов становится насущной потребностью дня, частью широкой программы экономического и социального развития районов Крайнего Севера. Ныне предлагается проверить на практике целесообразность вахтового метода организации труда оленеводов. Не решены полностью и вопросы обучения оленеводов; в наше время он должен быть и механиком, и электриком, и радистом.

В кружке «Юный оленевод» при Ловозерском районном Доме пионеров ребята изучают основы оленеводства, проходят практику в учебном хозяйстве «Северное сияние» и в совхозе «Тундра». Один из первых кружковцев, Александр Захаров, окончил зооветтехникум в Нарьян-Маре, там же учились Алексей Галкин, Игнат Лопский и Петр Терентьев. Несколько десятков бывших воспитанников кружка сегодня работают в совхозе «Тундра».

Успехами кружковцы в большой степени обязаны шефам-наставникам — четвертой комсомольско-молодежной бригаде совхоза «Тундра», которую возглавлял Семен Галкин. Дважды в году — в январе и июне — юные оленеводы и их шефы проводят встречи, на которых обсуждают выполнение социалистических обязательств. Ребята в дни каникул проходят практику в тундре вместе с родителями — звеньями по 5—7 человек.

В 1979 году юные оленеводы вместе со своими шефами — бригадиром четвертой комсомольско-молодежной бригады совхоза «Тундра» С. Н. Галкиным, пастухом-оленеводом, бывшим воспитанником кружка Борисом Кирилловым и учителем П. П. Юрьевым — побывали в Звездном городке. Поездке предшествовала переписка с летчиком-космонавтом дважды Героем Советского Союза П. И. Климуком. В Звездном городке ребята побывали в Доме культуры, Музее космонавтики. Были на уроке мужества, который вели космонавты Ю. Н. Глазков и П. И. Климук. В Москве ребята посетили Кремль, Мавзолей Ленина.

Обездоленный и забытый в прошлом маленький саамский народ за годы Советской власти узнал новую, материально обеспеченную и духовно насыщенную жизнь. Советское государство и колхозный строй укрепили веру саамов во всепобеждающую силу социалистического труда. Саамы СССР продолжают преобразовывать тундру, поднимать оленеводство, повышать его рентабельность. Саамский народ уверенно смотрит в будущее, в дружной многонациональной семье строит новую жизнь.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ВВЕДЕНИЕ

1. Ученые записки Карельского государственного пединститута, т. XXX; Труды кафедр марксизма-ленинизма, истории и литературы Мурманского государственного пединститута. Мурманск, 1967; Киселев А. А. Родное Заполярье. Мурманск; Кн. изд-во, 1974.

2. БСЭ. 3-е изд. М., 1975, т. 22, с. 472.

3. Доброхотов К. В. Природные богатства Мурманской губернии и ее экономические задачи. Мурманск, 1922; Керцелли С. В. Оленеводство Мурманского края. — В кн.: Производительные силы района Мурманской железной дороги. Пг., 1923.

4. Протоколы IV губернского съезда Советов Мурманской губернии. 23—27 октября 1923 г. Мурманск, 1923; Пятый съезд Советов Мурманской губернии: Стеногр. отчет. 12—17 февраля 1925 г. Мурманск, 1925; Год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Л., 1925.

5. Алымов В. К. Лопари. М., 1930; Золотарев Д. А. Кольские лопари. Л., 1930; Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930; Черняков З. Е. Кольские лопари. Л., 1931.

6. Рихтер З. В. По Лапландии. М., 1929; Зорич А. Советская Канада: Очерки. М., 1931; Лебедев В. В. К северным народам: Путешествие к лопарям. М., 1933.

7. Кошелев Я. И. Оленеводство на Крайнем Севере. М.—Л., 1933; Скачко А. Е. Народы Крайнего Севера и реконструкция северного хозяйства. Л., 1934; Ковальская Н. Я. Экономико-географический очерк Ловозерского района. — В кн.: Ученые записки МГУ. Вып. XXI. М., 1938.

8. Токарев С. А. Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М.: Изд. МГУ, 1958, с. 135—141.

9. Лукьянченко Т. В. Саамы (лопари): Краткий исторический очерк. — В кн.: Народы европейской части СССР. М.: Наука, 1964, т. 2, с. 377—398.

10. Анохин Г. И. Социалистические преобразования в материальной культуре саамов (по материалам колхоза «Тундра»). — В кн.: Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М., 1962, т. XXXIV, с. 44—54.

11. Керт Г. М. Саамский язык: Фонетика. Морфология. Синтаксис. Л.: Наука, 1971.

12. Воскобойников М. Г. О прошлом и настоящем кольских саамов. — В кн.: Языки и фольклор народов Крайнего Севера: Сб. науч. тр. Л.: Изд. ЛГПИ, 1973, с. 3—53.

13. Киселева Т. А. Из истории коллективизации оленеводческих хозяйств Кольского полуострова. — В кн.: Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1979, с. 20—34; Киселева Т. А. Культурная революция в национальных районах Кольского полуострова. — Там же. Петрозаводск, 1980, с. 41—55.
14. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 246.

Глава первая
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

1. Народы европейской части СССР. М.: Наука, 1964, т. 2, с. 377; Львов В. Н. Русская Лапландия и русские лопари: Геогр. и этногр. очерк. 3-е изд. М., 1916, с. 67.
2. Гурина Н. Н. Время, врезанное в камень: Из истории древних лапландцев. Мурманск, 1982, с. 116.
3. Калевала: Карело-финский эпос. М., 1949, с. 94.
4. Золотарев Д., Левин М. Саамы-лопари. (Рукопись хранится в ГАМО), с. 3.
5. Полярная правда, 1976, 23 июня.
6. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1911, № 1, с. 6.
7. Ловозерская правда, 1966, 16 октября.
8. Ростиславин А. Ф. Промыслы Мезенского побережья. Архангельск, 1926, с. 111.
9. Комсомольская правда, 1968, 13 марта.
10. Харузин Н. Н. Русские лопари: Очерки прошлого и современного быта. М., 1890, с. 116.
11. Там же, с. 53.
12. Розонов А. С. Лапландия и лапландцы. Спб: Изд. К-та для помощи Рус. Севера, 1903, с. 55.
13. Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. Спб, 1909, с. 20.
14. Пунин А. Воспоминания о Лапландии: Оттиск из журн. Любитель природы, 1914, с. 5.
15. Максимов С. В. Год на Севере. 3-е изд. Спб, 1896, с. 16.
16. Пришвин М. М. Весна света: Избранное. М.: Сов. писатель, 1955, с. 593.
17. Там же, с. 592—593.
18. Партийный архив Мурманского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАМО КПСС), ф. 1. оп. 4, д. 11, л. 2.
19. Львов В. Н. Указ. соч., с. 75.
20. Советское оленеводство: Сб. статей. Вып. IV. Л., 1934, с. 121.

Глава вторая
ДЕМОГРАФИЯ СОВЕТСКИХ САМОВ

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статиздат, 1973, т. IV, с. 10.
2. Население СССР: По данным Всесоюз. переписи населения. М., 1980, с. 25—26.
3. Харузин Н. Н. Указ. соч., с. 448.
4. Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск. Кн. изд-во, 1972, с. 214—215.
5. Харузин Н. Н. Указ. соч., с. 74.
6. Полярная правда, 1966, 5 ноября.
7. Львов В. Н. Указ. соч., с. 75.

8. Розонов А. С. Указ. соч., с. 22—23.
9. Харузин Н. Н. Указ. соч., с. 73.
10. Кольский сборник: Тр. антрополого-этногр. отряда Кольской эксп. Л.: Изд. АН СССР, 1930, с. 79, 89.
11. Государственный архив Мурманской области (в дальнейшем — ГАМО), ф. 162, оп. 1, д. 961, л. 70.
12. Там же, ф. 709, оп. 1, д. 17, л. 2.
13. Золотарев Д. А. Кольские лопари: Тр. Лопарской эксп. Русск. Геогр. об-ва по антропологии лопарей и великороссов Кольского полуострова. Л., 1928, с. 17.
14. Кольский сборник, с. 79.
15. Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1977, с. 119.
16. Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января — 11 мая 1927 г.). Л.: Изд. РГО, 1928, с. 14, 15.
17. Полярная правда, 1967, 5 декабря.
18. ГАМО, ф. 162, оп. 1, д. 761, л. 24.
19. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 1534, л. 84.
20. ГАМО, ф. 142, оп. 2, д. 338, л. 1—20; оп. 1, д. 36, л. 92.
21. Там же, ф. 146, оп. 3, д. 99, л. 2; д. 105, л. 8.
22. Полярная правда, 1967, 5 декабря.
23. Кольский сборник, с. 79—80.
24. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 1953, л. 5.
25. Этнографические исследования Северо-Запада СССР, с. 122.
26. За сведения о семье Матрехиных авторы благодарят председателя Краснощельского сельсовета Л. И. Совкину.
27. Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Пг., 1919, с. 164.
28. Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923, с. 65.
29. Вестник Карело-Мурманского края, 1925, № 17—18, с. 7.
30. Там же, с. 8—9.
31. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 295.
32. Там же, т. 48, с. 302.
33. ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 379.
34. Полярная правда, 1978, 2 июля.

Глава третья
НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

1. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сб. док. и матер. Мурманск: Кн. изд-во, 1960, с. 436.
2. Полярная правда, 1966, 2 февраля.
3. Борьба за установление... с. 421.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М.: Политиздат, 1983, т. 2, с. 367.
5. Полярная правда, 1921, 3 июля.
6. ГАМО, ф. 88, оп. 1, д. 31, л. 76.
7. Полярная правда, 1923, 5 мая.
8. Там же.
9. Старый и новый быт: Сборник. Л., 1924, с. 26.
10. Там же, с. 30.
11. Полярная правда, 1925, 9 июля.
12. Рихтер З. В. Первое десятилетие: Зап. журналиста. М.: Сов. писатель, 1957, с. 128.

13. Полярная правда, 1926, 2 и 4 марта.
14. Старый и новый быт, с. 28.
15. Лебедев В. В. К северным народам (путешествие к лопарям). 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1933, с. 119.
16. Поляновский М. Л. От Онего до Белого моря. М.: Молодая гвардия, 1931, с. 241.
17. Гудзенко В. К. Социалистическая коллективизация сельского хозяйства в национальных районах Кольского полуострова: Автореф. канд. дисс. Л., 1954, с. 6.
18. Карело-Мурманский край, 1931, № 3—4, с. 42.
19. Пятый съезд Советов Мурманской губернии (12—17 февраля 1925 г.): Стеногр. отчет. Мурманск, 1925, с. 14; Полярная правда, 1926, 23 ноября.
20. Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года. М., 1929, с. 2, 4, 14; Черняков З. Е. Кольские лопари. Л., 1931, с. 5.
21. Коми-му-Зырянский край, 1928, № 1, с. 13.
22. ПАМО КПСС, ф. 490, ист. справка по фонду, с. 4; Коми-му-Зырянский край, 1928, № 1, с. 15.
23. Комитет по химизации народного хозяйства СССР при СНК СССР: Хибинские апатиты (сборник). Л.: Изд. гострести «Апатит», 1930, т. 1, с. 204.
24. ГАМО, ф. 162, оп. 1, д. 104, л. 39.
25. Полярная правда, 1924, 7 мая.
26. ПАМО КПСС, ф. 482, оп. 1, ист. справка, с. 1; Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Л., 1930, с. 115.
27. Лебедев В. В. Указ соч., с. 145—146.
28. ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 3, л. 156; Будовниц И. У. Оленеводческие колхозы Кольского полуострова. М., 1951, с. 26.
29. ПАМО КПСС, ф. 490, оп. 1, д. 2, л. 21—22; Полярная правда, 1927, 22 ноября.
30. Зорич А. Советская Канада. М.: Федерация, 1931, с. 212.
31. ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 3, д. 29; Ловозерская правда, 1958, 18 мая.
32. КПСС в резолюциях... 9-е изд. М., 1983, т. 2, с. 366.
33. Советский Север, 1932, № 3, с. 40.
34. Арктическая звезда, 1972, 3 ноября.
35. Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция (11.01—11.05.1927 г.). Л.: Изд. РГО, 1927, с. 6.
36. Рихтер З. В. Указ. соч., с. 142.
37. ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 382.
38. Север, 1984, № 8, с. 109.
39. Советское краеведение, 1936, № 5, с. 66.
40. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 2368, л. 119.
41. ПАМО КПСС, ф. 3, оп. 1, д. 521, л. 11; ф. 1631, оп. 1, д. 10, л. 8—12.
42. ПАМО КПСС, ф. 1631, оп. 1, д. 3, л. 2, 15, 28.
43. Там же, ф. 490, ист. справка, с. 2.
44. ПАМО КПСС, ф. 42, оп. 1, д. 6, л. 3, 18; ГАМО, ф. 556, оп. 1, д. 2, л. 52.
45. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 720, л. 1—6.
46. Там же, д. 1149, л. 7.

Глава четвертая
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ

1. ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 2, л. 269, 320; Ловозерская правда, 1966, 16 ноября.
2. ГАМО, ф. 177, оп. 1, д. 3, л. 43.
3. ПАМО КПСС, ф. 490, ист. справка, с. 6.

4. ГАМО, ф. 556, оп. 1, д. 48, л. 6.
5. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 1047, л. 54.
6. Тайга и тундра, 1932, № 1 (4), с. 22; Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, с. 342.
7. Будовниц И. У. Указ. соч., с. 42.
8. Полярная правда, 1931, 7, 8, 15 августа.
9. ГАМО, ф. 146, оп. 1, д. 28, л. 13.
10. Максимов А. И. История колхоза «Тундра»: Рукопись (из архива авторов), с. 7
11. Там же.
12. Партийное строительство, 1932, № 13, с. 56.
13. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 849, л. 49.
14. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере: Справ. для работников Севера. М., 1934, с. 133.
15. ПАМО КПСС, ф. 2. оп. 1, д. 423, л. 306.
16. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 1113, л. 85; Советское оленеводство: Сб. статей. Вып. IV. М., 1934, с. 126.
17. Лебедев В. В. Указ. соч., с. 149—150.
18. Практическая ветеринария, 1931, № 3, с. 32.
19. Полярная правда, 1933, 22 сентября.
20. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 1297, л. 55.
21. Сергеев М. А. Указ. соч., с. 352—353; Советская этнография: Сб. статей. М.—Л., 1938, № 1, с. 27.
22. ПАМО КПСС, ф. 482, ист. справка, с. 10; ГАМО, ф. 5р/1152, с. 4.
23. ПАМО КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 20а, л. 5; Сергеев М. А. Указ. соч., с. 352—353.
24. На страже Заполярья, 1973, 10 января.
25. Черняков З. Е. Кольские лопари, с. 4—5.
26. Полярная правда, 1933, 20 сентября.
27. Там же, 1972, 12 февраля.
28. ГАМО, ф. 162, оп. 1, д. 893, л. 121; ф. 5р/1152, с. 5; Полярная правда, 1940, 18 октября.
29. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 527, л. 294.
30. Там же, л. 292.
31. ГАМО, ф. 177, оп. 1, д. 115, л. 52.
32. Там же, ф. 556, оп. 1, д. 248, л. 192, 200.
33. География в школе, 1940, № 1, с. 35; Советское оленеводство. Вып. IV, с. 141.
34. ГАМО, ф. 556, оп. 1, д. 248, л. 192—193; ф. 5р/1152, с. 5; Ловозерская правда, 1938, 1 января; 1942, 18 и 25 января.

Глава пятая
НОВЫЙ БЫТ, НОВАЯ КУЛЬТУРА

1. Протоколы IV губернского съезда Советов Мурманской губернии. 23—27 октября 1923 г. Мурманск, 1923, с. 11.
2. Полярная правда, 1977, 13 апреля.
3. ГАМО, ф. 169, оп. 1, д. 1, л. 379; д. 12, л. 4; Карело-Мурманский край, 1928, № 7, с. 35.
4. ГАМО, ф. 536, оп. 1, д. 49, л. 39—41; ф. 90, оп. 1, д. 73, л. 39; Полярная правда, 1925, 13 января.
5. ГАМО, ф. 165, оп. 1, д. 67, л. 19.
6. Тайга и тундра, 1932, № 1 (4), с. 17.
7. Иванов-Дятлов Ф. Г. Указ. соч., с. 40.
8. Полярная правда, 1968, 13 сентября.

9. Базанов Л. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939, с. 146, 191.
10. ГАМО, ф. 5р/1152, с. 6; Ловозерская правда, 1936, 9 сентября и 7 ноября.
11. Здравоохранение и здоровье населения Мурманской области. Мурманск, 1968, с. 133.
12. ГАМО (Кировский филиал), ф. 139, оп. 1, д. 17, л. 28.
13. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 2368, л. 119.
14. Полярная правда, 1933, 18 сентября.
15. Там же, 10 сентября.
16. ГАМО, ф. 194, оп. 1, д. 7, л. 86.
17. Материалы по развитию языков и письменности народов Севера. Вып. 1. Мурманск, 1934, с. 34.
18. Народы европейской части СССР, т. 2, с. 398.
19. Полярная правда, 1974, 25 октября.
20. Кожевников А. В. Человек-песня: Повесть. Ч. II. М.—Л., 1929, с. 43.
21. Советская этнография, 1940, № 4, с. 101.
22. Там же, с. 103.
23. Будовниц И. У. Указ соч., с. 82.
24. Полярная правда, 1968, 13 сентября.
25. ГАМО, ф. 146, оп. 1, д. 28, л. 1—2; Мурманский округ: Стат.-эконом. описание. Мурманск, 1929, с. 48, 52.
26. Полярная правда, 1977, 17 июня.
27. ПАМО КПСС, ф. 2, оп. 1, д. 1534, л. 89.
28. Советская этнография: Сб. статей. М., 1938, № 1, с. 26.

Глава шестая
В ВОЙНУ

1. Ловозерская правда, 1941, 2 июля.
2. ГАМО (Кировский филиал), ф. 146, оп. 3, д. 8: Списки мобилизованных в РККА.
3. Ловозерская правда, 1943, 5 октября.
4. Полярная правда, 1967, 22 октября.
5. Там же.
6. ПАМО КПСС, ф. 394, оп. 1, д. 250, л. 5.
7. Звезда, 1972, № 7, с. 185—186.
8. Полярная правда, 1967, 22 октября.
9. ПАМО КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 332, л. 76.
10. Военно-исторический журнал, 1972, № 11, с. 89; Полярная правда, 1985, 31 марта.
11. 100 вопросов, 100 ответов: Все об армии. М.: Воениздат, 1975, с. 44.
12. Курзенков С. Г. Под нами земля и море. М.: Воениздат, 1967, с. 46.
13. Из фондов Мурманского краеведческого музея, д. 116, л. 83.
14. ПАМО КПСС, ф. 50, оп. 1, д. 686, л. 28—35.
15. ГАМО, ф. 146, оп. 2, д. 120, л. 124.
16. Ловозерская правда, 1966, 30 октября.
17. ГАМО, ф. 556, оп. 1, д. 267, л. 31; д. 273, л. 64.
18. ГАМО, ф. 146, оп. 2, д. 105, л. 7; ПАМО КПСС, ф. 50, оп. 1, д. 686, л. 30—35.
19. ГАМО, ф. 146, оп. 2, д. 108, л. 15.
20. ГАМО, ф. 146, оп. 3, д. 8б, л. 20.
21. ПАМО КПСС, ф. 490, оп. 1, д. 134, л. 14.

22. Мурманская область в годы Великой Отечественной войны: Сб. док. и матер. Мурманск: Кн. изд-во, 1978, с. 69.
23. Ловозерская правда, 1966, 30 октября; 1972, 18 января.
24. ГАМО, ф. 146, оп. 2, д. 108, л. 70; д. 120, л. 124.
25. ГАМО, ф. 556, оп. 1, д. 267, л. 93.
26. Там же, л. 94.
27. Там же, л. 29.
28. ГАМО, ф. 146. оп. 2, д. 114, л. 14—166.
29. Полярная правда, 1976, 29 июня.

Глава седьмая
ОЛЕНЕВОДСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1970)

1. Известия, 1968, 22 февраля; Полярная правда, 1968, 5 сентября; Стадо диких оленей нашей страны насчитывает 600 тысяч голов. — См.: Полярная правда, 1978, 8 апреля.
2. Советское оленеводство: Сб. статей. Вып. IV. М., 1934.
3. Народное хозяйство Мурманской области в девятой пятилетке: Стат. сб. Мурманск: Кн. изд-во, 1976, с. 58.
4. ГАМО, ф. 146, оп. 2, д. 128, л. 143, 150; ПАМО КПСС, ф. 482, ист. справка, с. 14.
5. ГАМО, ф. 146, оп. 3, д. 34, л. 113.
6. Там же, д. 97, л. 1—3; д. 125, л. 4; д. 140, л. 268; д. 75, л. 7.
7. ГАМО, ф. 5р/1152, с. 11—14.
8. Ловозерская правда, 1940, 7 ноября.
9. Полярная правда, 1967, 15 апреля.
10. ПАМО КПСС, ф. 490, ист. справка, с. 18; Ловозерская правда, 1967, 24 февраля.
11. Ловозерская правда, 1936, 15 апреля.
12. Полярная правда, 1967, 22 октября.
13. Сельская жизнь, 1971, 24 марта.
14. Языки и фольклор народов Крайнего Севера, с. 30; Полярная правда, 1974, 30 июня.
15. Из информационного письма Ловозерского РК КПСС от 20 июня 1968 г. (Из личного архива авторов).
16. Полярная правда, 1966, 3 ноября.
17. Там же, 1967, 25 ноября.
18. Там же, 1969, 20 июня.
19. Хронологическое собрание законов, указов и постановлений Президиума Верховного Совета и правительства РСФСР, т. 5, с. 643—646; т. 7, с. 407.
20. Полярная правда, 1966, 22 ноября.
21. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М.: Наука, 1971, с. 102.
22. Полярная правда, 1966, 3 ноября; 1977, 17 апреля.
23. Известия, 1967, 29 апреля.
24. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера, с. 116.

Глава восьмая
НА НОВЫХ РУБЕЖАХ

1. Полярная правда, 1974, 11 декабря.
2. Там же, 1978, 26 июня.
3. Там же, 1974, 11 декабря.

4. Полярная правда, 1974, 30 июня.
5. Охота и охотничье хозяйство, 1973, № 12, с. 9.
6. Полярная правда, 1979, 9 января.
7. Сельская молодежь, 1977, № 2, с. 22, 25.
8. Полярная правда, 1978, 28 марта и 28 июля.
9. Там же, 1 августа.
10. Там же, 1981, 26 марта.
11. Там же, 1983, 7 мая.
12. Там же, 1980, 16 июля.
13. Там же, 1982, 26 марта.
14. Там же, 1984, 14 марта.
15. Там же, 1981, 5 декабря.
16. Там же, 12 февраля.
17. Советская Россия, 1984, 29 августа.
18. Комсомольская правда, 1980, 13 мая.
19. Полярная правда, 1983, 7 мая.
20. Там же, 1985, 30 октября.
21. Там же, 1982, 3 февраля.
22. Ловозерская правда, 1982, 20 февраля.
23. Полярная правда, 1983, 7 мая.
24. Там же, 1985, 18 июля.

Глава девятая
К ЗНАНИЯМ И СВЕТУ

1. Базанов Л. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере, с. 132.
2. Полярная правда, 1965, 4 августа.
3. Языки и фольклор народов Крайнего Севера: Сб. науч. трудов.
4. Воспитание школьников, 1978, № 1, с. 57.
5. Правда, 1978, 16 февраля; Полярная правда, 1978, 15 июля.
6. Черняков З. Е. Отчет о командировке в Ловозеро, с. 4—5. (Рукопись хранится в личном архиве авторов).
7. Советская Россия, 1984, 11 ноября.
8. Полярная правда, 1981, 10 сентября.
9. Правда, 1984, 27 апреля.
10. Полярная правда, 1967, 25 ноября.
11. Там же, 1978, 5 октября.
12. Воскобойников М. Г. Указ. соч., с. 36—37.
13. Полярная правда, 1974, 12 апреля.
14. Полярная правда, 1984, 5 января; Там же, 1982, 13 ноября.
15. Литературная газета, 1982, 28 августа.
16. Полярная правда, 1965, 4 августа.
17. Там же, 1975, 26 октября.
18. Там же, 1974, 12 апреля.
19. Комсомолец Заполярья, 1970, 24 октября.
20. Полярная правда, 1983, 13 апреля.
21. Охрана труда и социальное страхование, 1976, № 7, с. 22—23.
22. Чикин С. Я., Чекнев Б. М. Охрана здоровья народностей Севера. М.: Медицина, 1978, с. 43, 137.
23. Полярная правда, 1981, 12 февраля; Ловозерская правда, 1982, 20 февраля.
24. Полярная правда, 1967, 25 ноября.
25. Там же, 1977, 17 апреля; 1978, 28 июля.
26. Полярная правда, 1976, 27 мая.
27. Сборник постановлений правительства РСФСР, 1973, № 13, с. 221—222.
28. Полярная правда, 1975, 10 августа.

Глава десятая
ЗА МИР И ДРУЖБУ

1. Цит. по книге: Увачан В. Н. Путь народов Севера к социализму. М.: Мысль, 1971, с. 354.
2. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986, с. 243, 257, 274, 818.
3. Фиш Г. Скандинавия в трех лицах. Книга 2-я: У шведов. М.: Сов. писатель, 1969. с. 188.
4. Там же, с. 189.
5. Полярная правда, 1976, 30 марта; 1977, 25 августа.
6. Социалистическая индустрия, 1984, 14 июля.
7. Увачан В. Н. Указ соч., с. 353.
8. Увачан В. Н. Социализм и народы Севера: Автореф. докт. дисс. М., 1970, с. 32.
9. Лидман Х. Звезда Лапландии. М.: Мысль, 1976, с. 149.
10. Книжное обозрение, 1976, № 29, с. 6.
11. Известия, 1983, 7 октября.
12. Советская Россия, 1984, 13 июля.
13. Полярная правда, 1974, 12 апреля.
14. Там же. 1977, 1 мая.
15. Там же, 12 июля.
16. Правда, 1983, 25 июня.

На просторах Кольской Лапландии.
Оленье стадо после отела

Оленье стадо в лесотундре
в поисках богатых ягельников

На распутье.
У пастуха есть минута-другая для раздумья...

На промежуточной базе.
Вся бригада в сборе

Бригада рыбаков
отправляется на промысел

Вертолет
доставил в бригаду
врача

На приеме у врача

В мастерской
по обработке оленьих шкур.
Здесь шьют одежду для пастухов

Они берегут вековые традиции прикладного саамского искусства. В кружке «Умелые руки»

Один из самых захватывающих эпизодов Праздника Севера — оленьи гонки

Так выглядело Ловозеро в прошлой пятилетке

А это новый уголок тундрового села.
Кафе «Чум»

Депутат Мурманского областного Совета народных депутатов Д. М. Хомюк

Какие интересные картинки в новом букваре!

На репетиции
Ловозерского ансамбля песни и пляски

**Первая
саамская поэтесса
О. Воронова читает
свои стихи телезрителям**

**Урок
саамского языка
ведет Э. К. Добрынина**

**Никто не забыт,
ничто не забыто.
Мемориал в Ловозере
в честь погибших
в Великой Отечественной войне**

**Кольские
и зарубежные саамы
на Празднике Севера.
Им есть о чем поговорить,
есть чем поделиться**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ	5
	ВВЕДЕНИЕ	7
Глава первая	ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ	11
Глава вторая	ДЕМОГРАФИЯ СОВЕТСКИХ САМОВ	24
Глава третья	НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	44
Глава четвертая	КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ	67
Глава пятая	НОВЫЙ БЫТ, НОВАЯ КУЛЬТУРА	84
Глава шестая	В ВОЙНУ	108
Глава седьмая	ОЛЕНЕВОДСТВО В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946—1970)	121
Глава восьмая	НА НОВЫХ РУБЕЖАХ	136
Глава девятая	К ЗНАНИЯМ И СВЕТУ	157
Глава десятая	ЗА МИР И ДРУЖБУ	185
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
	ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	199

Алексей Алексеевич Киселев
Татьяна Алексеевна Киселева

СОВЕТСКИЕ СААМЫ:
ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА

Цветные слайды и черно-белые фотографии на вклейке
Ю. И. Борисова, В. М. Кузнецова, С. А. Майстермана, В. Н. Обросова, Ю. Н. Чернопятова

Фотографии авторов,
из фондов Мурманского областного краеведческого музея

Редактор Г. П. Яковенко
Художественный редактор В. С. Жарков
Технический редактор Т. В. Кабанова
Корректор З. М. Лазько

ИБ № 603

Сдано в набор 24.03.87. Подписано в печать 22.07.87. ПН-01024. Формат 60×84/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура журнальная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,02 (с вкл.). Усл. кр.-отт. 28,72. Уч.-изд. л. 13,98. Тираж 10 000 экз. Заказ 2078. Цена 95 коп. Мурманское книжное издательство, 183626, г. Мурманск, пр. Ленина, 100. Типография издательства Мурманского обкома КПСС, 183624, г. Мурманск, ул. К. Маркса, 18